

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН**

**ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ–КИТАЙ–США В АТР:
ФАКТОРЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

**Москва
ИМЭМО РАН
2009**

УДК 339.9
327
ББК 65.5 (5)
66.4 (5)
Тре 66

**Серия «Библиотека Института мировой и экономики
и международных отношений» основана в 2009 году.**

Ответственные редакторы сборника –
В.Б. Амиров, чл.-корр. РАН В.В. Михеев

Тре 66

**Треугольник Россия–Китай–США в АТР: факторы неопределенности/ Отв.
ред. – В.Б. Амиров, В.В. Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 114 с.**

ISBN 978-5-9535-0201-6

Сборник посвящен современному состоянию и перспективам взаимодействия России, Китая и США в одном из важнейших и крупнейшем районе мира – Азиатско-тихоокеанском регионе. Обосновываются методологические основы подхода к анализу взаимоотношений в рамках «треугольника», формулированию национальных интересов трех государств. С разных углов зрения рассматриваются нынешнее состояние и перспективы сочетания двусторонних и трехсторонних отношений России, Китая и США в АТР в комбинации сотрудничества и соперничества. Анализируются реакция Соединенных Штатов на возвышение Китая и их видение двусторонних отношений в региональной конкурентной среде, различные аспекты региональной стратегии Китая. Рассматривается эволюция экономических связей в западной части Тихого океана на пути к региональной интеграции. Анализируются состояние и перспективы формулирования стратегии национальных интересов России в АТР, путей подключения российского Дальнего Востока к региональному экономическому сотрудничеству.

Russia – China – USA triangle in APR: factors of uncertainty. Ed. by V. Amirov and V. Mikheev

The publication is devoted to a current state and prospects for interaction between Russia, China and the USA in one of the most important areas in the world and in really biggest one – Asia Pacific region. A methodology is formulated how to analyze relationship within a framework of “triangle” and how to define genuine national interests for “those three”. Authors analyze bilateral as well as trilateral relations between Russia, China and the USA in APR in a combination of cooperation and competition. It deals with US reaction to China’s recent rise in its economic, political and military might and with US views on bilateral relations in an atmosphere of regional competition. The publication assesses also different aspects of China’s regional strategy. It pays attention to an evolution of economic interaction between states in the Western Pacific towards regional economic integration. Authors analyze various aspects of the Russian national strategy in the Asia Pacific region, means and ways to engage the Russian Far East into the regional economic cooperation.

ISBN 978-5-9535-0201-6

© ИМЭМО РАН, 2009

© Амиров В., Михеев В, 2009

Содержание

Введение.....	4
Вводная глава. Постановка проблемы.....	6
Глава первая. Методология анализа.....	16
Глава вторая. Тихоокеанская Азия: тенденции и перспективы.....	34
Глава третья. Россия – Китай: проблемы «стратегического партнерства»	45
Глава четвертая. Восточные районы России в «треугольнике» Россия – Китай – США.....	58
Глава пятая. «Пара» США – Китай в тихоокеанской политике Вашингтона.....	66
Глава шестая. Взаимодействие России, Китая и США: экономика, финансы, энергетика.....	95
Вместо заключения. Есть ли место «третьему» в двусторонних отношениях будущего?.....	110

Введение

В мировой практике накоплен определенный опыт взаимодействия значимых мировых игроков в трехсторонних форматах:

- Трехсторонняя Комиссия США – ЕС – Япония по России.

- Трехсторонний диалог Китай – Япония – Южная Корея по свободной торговле и экономическому сотрудничеству.

- Не получивший развития формат Россия – Япония – США по широкому спектру проблем.

- «Треугольник» Россия – Китай – Индия с пока не сложившейся повесткой дня и т.д.

Роль «треугольника» Россия – Китай – США в перспективе будет возрастать. Это – три наиболее влиятельные силы, выступающие одновременно по всем трем направлениям глобальных отношений: безопасности, экономики, энергетики.

При этом:

Россия – энергетическая держава, стремящаяся к восстановлению своего мирового политического влияния, но в отличие от бывшего СССР – уже не на коммунистической, а, хотя и со своей спецификой, на рыночно-демократической основе.

Китай – стремительно набирающая мировой политический вес экономическая держава, которая с нарастающей активностью распространяет свое влияние на мир.

США – самая мощная мировая держава, оказавшаяся перед необходимостью переосмысления своей глобальной роли.

Возможны различные модели отношений в «треугольнике» Россия – Китай – США:

- использование «китайской карты» в отношениях Россия – США. А также – «российской карты» в китайско-американских и «американской карты» в китайско-российских отношениях.

- Развитие двусторонних отношений сотрудничества и одновременно конкуренции по трем сторонам «треугольника».

- Глобальное трехстороннее сотрудничество на основе общего видения мировых проблем безопасности и соразвития.

Цель работы:

Во-первых, проанализировать отношения России, Китая и США с точки зрения

(а) совпадения,

(б) пересечения,

(в) конфликта национальных интересов.

Во-вторых, показать возможные модели (варианты) развития отношений в «треугольнике» «Россия – Китай – США» и дать рекомендации руководству и политическим элитам трех стран по поводу наиболее рационального варианта развития трехстороннего взаимодействия.

Отношения России, Китая и США имеют глобальное значение, и в этом смысле тема исследования носит всеобъемлющий и долгосрочный характер.

Однако в данной работе авторы фокусируют внимание на Тихоокеанской Азии (ТА) – регионе, где наиболее выпукло представлены интересы Китая и США, и который приобретает все возрастающее значение для России. Она (работа) представляет собой первый этап исследования, которое планируется продолжить как на региональном направлении, так и в общемировом контексте.

Вводная глава. Постановка проблемы

1. Россия: формирование внешнеполитического курса

У России пока нет разработанной внешнеполитической доктрины в отношении ТА. Новая политика Д. Медведева находится в стадии формирования, формально, на принципах «преемственности» политики В. Путина. И именно фактор преемственности является главным содержанием новой внешнеполитической доктрины, одобренной Президентом РФ в июле 2008 г. Доктрины, которая дает один из вариантов трактовки современного мирового развития, но весьма формально – в смысле: мир и сотрудничество лучше конфронтации.

Более того, содержащийся в доктрине призыв к новому философскому осмыслению современных процессов говорит о том, что – в случае если такое новое философское видение будет предложено – доктрина неизбежно, в виде нового документа или реальной политики, будет скорректирована. По мере концентрации реальной власти в своих руках, Д. Медведев не сможет не сказать «своего слова» в сфере внешнеполитического целеполагания.

При этом объективно, независимо от того, прописано ли это новой внешнеполитической доктрине или нет, следующие факторы будут в ближайшее время влиять на формирование подхода России к ТА, на восприятие угроз, рисков и возможностей, которые исходят из этого региона.

Первое – общая философия внешней политики России.

Ее компоненты:

- Мир воспринимается через призму конкурентной борьбы. У России нет врагов. Но все страны – одновременно и партнеры и конкуренты. Россия должны строить свою политику так, чтобы усиливать свои конкурентные преимущества. Главный ресурс укрепления глобальной конкурентоспособности – постсоветское пространство, СНГ.

- Россия имеет право быть равной США и Западу в вопросах формирования новой архитектуры безопасности и развития. Но Запад не должен вмешиваться во внутренние дела России, в том числе по вопросам демократии.

- Россия должна защищать интересы российского энергобизнеса. Российские нефтегазовые ТНК стремятся к:

а) выходу на новые рынки (Китай, Япония, Южная Корея, США, ЮВА);

б) созданию новых путей поставок нефти и газа: новых трубопроводов в Европу, в Китай, Южную Корею.

в) выходу к новым месторождениям в Центральной Азии (ЦА), Африке, Латинской Америке и ЮВА.

г) а также – ограничение допуска иностранного капитала к стратегическим нефтегазовым ресурсам России.

- И совсем новый компонент философии внешней политики России – «цивилизационные ценности». Это то – что пытается привнести сам Д. Медведев. У Путина этого не было. Суть идеи: Россия – это один из трех компонентов «европейской цивилизации». Два других – США и Евросоюз. У нас одни ценности – демократия, права человека, верховенство закона. В Тихоокеанской Азии эти ценности разделяют Япония, Австралия и Новая Зеландия, Южная Корея, Индия.

Теоретически – фактор «цивилизационных ценностей» может задать новый вектор в отношениях России с США, ЕС, а также со странами ТА. Однако – сегодня пока не ясно как он интегрируется с реальной внешней политикой России.

Второй фактор, который влияет на политику России в АТР – это рудименты «холодной войны»:

- Военные союзы США и Японии, США и Южной Кореи. При отсутствии аналогичных союзов со стороны России и Китая. Во время «холодной войны» у России были контр-альтернативы: союзы с Монголией и Северной Кореей.

- Вопросы истории в отношениях Китая, Южной Кореи и Японии. А также нерешенные территориальные проблемы: Россия – Япония, Китай – Япония и т.д.

- Ситуация на Корейском полуострове. Неурегулированность ситуации после Корейской войны плюс наличие северокорейской ракетно-ядерной проблемы создает постоянную напряженность в регионе.

- Отношения Китая и Тайваня. Гипотетически – Россия может быть втянута в вероятный конфликт Китай и Тайваня.

- Наконец, российско-китайские отношения. Несмотря на стратегическое партнерство, политические элиты и население России сохраняют традиционное восприятие Китая как угрозы. Суть новой «синофобии»: раньше боялись, что «китайцы придут и захватят территорию»; теперь боятся, что «китайцы придут и все скупят».

Третий фактор – динамика ситуации в АТР.

- Активность в АТЭС. В 2012 г. Саммит АТЭС должен пройти во Владивостоке. Это заставит Россию проявлять активность, предлагать новые идеи сотрудничества в ТА и шире – в АТР, и т.д.
- Развитие интеграционных процессов в разных форматах: СВА – 3 (Китай, Япония, Южная Корея), АСЕАН плюс три, АСЕАН плюс Китай, плюс Япония, плюс Южная Корея и т.д.

- Активность новичков. Собственно говоря – речь идет о Китае. На основе экономического развития Китай стремится укрепить свое политическое влияние в ТА и мире в целом. Как и Россия, Китай хочет иметь свое слово в создании новой глобальной и тихоокеанской архитектуры безопасности и развития. Китай хочет быть равным Западу в этом. В рамках этого курса Китай намерен (1) продвигать свои товарные брэнды на мировые рынки, (2) защищать национальные ТНК, (3) играть ключевые роли в региональных интеграционных форматах.
- Динамика многосторонних региональных переговорных форматов. Для России это, прежде всего, шестисторонний формат по Северной Корее. Россия – председатель пятой рабочей группы по безопасности в СВА. Это, в принципе, побуждает Россию к активности. Хотя пока она минимальна.

Кроме того, для России важны новые инициативы Китая – о выстраивании новых трехсторонних переговорных форматов: Китай – Япония – Южная Корея (по экономике – здесь для России могут открыться кооперационные возможности). Китай – США – Япония: здесь Россия может увидеть риски для себя.

Четвертый фактор – связан с новой стратегией экономического развития российского Дальнего Востока. В августе 2007 г. была принята новая Федеральная целевая программа по развитию Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г. В сентябре 2007 г. – Программа газификации ДВ: с акцентом на внутреннее потребление и лишь затем на развитие экспорта.

Проблема в том, что ДВ – это:
огромная территория с неразвитой социально-экономической инфраструктурой,
а, следовательно, большой потребностью в инвестициях,
и малочисленным населением, а, следовательно, с ограниченным покупательным спросом.

Это означает, что для обеспечения экономической эффективности данных Программ России потребуются спрос со стороны крупных экономик соседей – Китая, Японии, Южной Кореи. Следовательно: без интеграции в экономику СВА Дальний Восток России не сможет эффективно развиваться.

Это будет объективно подталкивать Россию к активизации экономического взаимодействия со странами Тихоокеанской Азии.

Исходя из сказанного, в России формируется новое понимание *угроз и вызовов*, исходящих из ТА. В иерархии прямых угроз, особенно в восприятии региональных российских элит, первое место занимает угроза «утраты контроля над российской Дальневосточной территорией». Это значит:

- демографическая экспансия Китая;
- «новая экспансия китайского капитала»;
- и даже – в алармистской трактовке – отторжение ДВ в пользу Китая, США, Японии.

В условиях экономического роста эта угроза оказалась приглушена. Но ухудшение социально-экономической ситуации в России и, особенно, на ДВ России, может обострить восприятие этой угрозы.

Далее, прямые угрозы России – в восприятии определенной части российской политической элиты – исходят из изменения «баланса сил» в регионе в невыгодном для России направлении – прежде всего, в пользу США и Китая. Это:

- укрепление военных союзов США с Японией, Южной Кореей, Австралией;
- создание азиатской ПРО;
- наращивание военной мощи Китая и развитие военного сотрудничества Китая с США и Японией против российских интересов.

Такое восприятие прямых угроз исходит из логики «холодной войны» и, на мой взгляд, устарело. Но оно существует у части российской военно-политической элиты.

Прямые угрозы общего характера включают:

- распространение ОМУ;
- терроризм;
- наркотрафик – здесь главные угрозы происходят из Центральной Азии, а не из ее северо-восточной части;
- региональная трансграничная преступность – это главный источник угроз для ДВ РФ;
- а также: экологические угрозы безопасности, пандемии, землетрясения и т.д.

Здесь Россия готова к сотрудничеству со странами Тихоокеанской Азии и всего региона АТР.

Косвенные угрозы:

- Северокорейская ядерная программа. Здесь, на мой взгляд, проблема не в ядерном оружии как таковом, а в тоталитарном характере северокорейского режима. Изменение северокорейского режима через политику вовлечения в будущем решит проблему

автоматически. Пока режим сохраняется – ядерный вопрос решен не будет. Пхеньян будет продолжать разменивать ядерную программу на (1) экономическую, финансовую, энергетическую помощь и (2) на выигрыш политического времени для сохранения режима культа личности Ким Чен Ира.

- Возможный военный конфликт Китая и Тайваня. Последние изменения в китайско-тайваньских отношениях говорят в пользу того, что ситуация в Проливе становится более стабильной. Однако, на этом фоне из Пекина поступают сигналы о начале формирования в китайском обществе мнения, что независимость Тайваня – неизбежна. И что – Китай не должен рисковать своим экономическим развитием в интересах предотвращения независимости острова. Если в китайском обществе действительно начинают происходить изменения в отношении независимости Тайваня, то вновь возникает ситуация неопределенности.

Россия, полностью поддерживая Пекин в тайваньском вопросе, не захочет, в то же время, быть втянутой в военный конфликт Пекина и Тайбэя.

- Далее – это возможные региональные конфликты по территориальным вопросам. Они не выгодны России, но Россия не будет в них участвовать, пока они не примут характер прямой угрозы России.

- Наиболее существенны для России угрозы экономической, финансовой и энергетической нестабильности в ТА. Гипотетически Россия готова к широкому региональному сотрудничеству по этим проблемам. Однако на практике Россия пока остается пассивной.

Проблема в том, что:

вовлеченность России в дела АТР остается слабой,

АТР не играет большой роли в развитии экономики ДВ России,

Если же роль АТР для России возрастет – а это возможно в преддверии Саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке – то Россия будет воспринимать выше упомянутые угрозы более серьезно. И, следовательно, будет и больше готова к сотрудничеству со странами региона для решения имеющихся и возникающих проблем, и больше стремиться к такого рода сотрудничеству.

2. Варианты.

Главные варианты российской внешней политики в ТА будут определяться подходом к проблеме *«ценностей»* и их роли во внешней политике.

Вариант «А»: ничего принципиально нового не произойдет, политика будет строиться, как прежде и как прописано в новой внешнеполитической доктрине – без учета фактора «цивилизационных демократических ценностей». И будет фокусироваться на российских энергетических интересах в ТА и повышении регионального политического веса России по «правилам игры» в «баланс сил».

Это будет означать, с большей вероятностью:

столкновение интересов России с интересами Китая и США и продолжение разыгрывания «политических карт»,

при сохранении ограниченного взаимодействия по общим угрозам безопасности ТА, чем «единое видение»:

(а) политических перспектив региона

и (б) энергетических и экономических выгод для экспортеров и импортеров энергоресурсов.

При таком варианте могут то появляться, то исчезать из реальной политики такие идеи, как «российско-китайское партнерство в целях ослабления региональной роли США» или «вовлечение Китая в стратегическое партнерство с США в целях сдерживания возрастающего влияния России в ТА». Или – российско-американское взаимодействие по отражению «китайской угрозы».

Вариант «Б»: фактор «ценностей» в восточноазиатской политике России будет представлен в упрощенной трактовке: Россия – по одну сторону с региональными рыночными демократиями (США, Япония, Южная Корея) против авторитарных и тоталитарных режимов.

Это может означать появление нового вида проблем – идеологических и политических разногласий в отношениях России с «коммунистическим» Китаем. Такой вариант может привести к ослаблению отношений России и Китая.

Однако стремление России «быть равным» США глобальным и региональным игроком будет подталкивать к использованию «китайской карты» в целях усиления конкурентных преимуществ России в отношениях с «рыночно-демократическими» США.

Оба варианта «А» и «Б» будут вызывать волнообразность в отношениях «Трех самых ...», ослабляя тем самым потенциал из трехстороннего взаимодействия.

Вариант «В»: «европейские цивилизационные ценности» в качестве основы внешней политики России представлены в широкой трактовке. Это означает, что наряду с демократией, свободой и правами Человека, верховенством закона и т.п., в круг «ценностей» в условиях глобализации включаются такие понятия как глобальная ответственность за глобальную безопасность и соразвитие.

Такой подход побуждает к широкому взгляду на Китай:

- Китай идет своим темпом демократических реформ, но все же именно в направлении демократии в мировом понимании, а не в направлении создания антидемократического общества;

- Китай, хотя и осторожно и противоречиво («Китай – готов быть одним из мировых лидеров, но Китай – все еще развивающаяся страна»), но проявляет готовность нести свою долю глобальной ответственности за мировую безопасность и соразвитие.

В отношениях с США вариант «В» открывает возможности для приведения российско-американских отношений в логическое соответствие с концепцией «ценностей» в широком смысле.

3. Китай. Варианты.

Варианты внешней политики Китая в отношении России и США строятся вокруг проблемы «политически чужого»: рыночный Китай является «экономически своим» США и Западу, т.е. развивающим экономику на основе рынка, хотя и конкурентом – но «своим». Тогда как «коммунистический» Китай, при сохранении монополии КПК на политическую власть, выступает «политически чужим» для мировых демократий.

В концептуальном плане Китай стремится преодолеть эффект «политически чужого», расставляя акценты:

- Подчеркивается, что в Китае произошли «концептуально-ценностные изменения», которые состоят в признании:

+ *необратимости процессов глобализации,*

+ *неизбежности повышения роли глобальных институтов управления,*

+ *первостепенности внутренних (а не внешних) источников угроз развитию Китая.*

- Китай готов признать глобальное лидерство США, однако настаивает на том, чтобы и там произошли «концептуальные изменения», в том понимании, чтобы Соединенные Штаты перестали воспринимать Китай как угрозу.

- В отношении глобальной роли США в стратегической перспективе в Китае противостоят два мнения. Первое – роль Соединенных Штатов будет падать, и

на место американского лидерства придет «многополярный мир». Второе – США сохранят лидерство и будут «мировой моделью» в течение 50 лет. Поскольку ни Россия, ни Китай, будучи заинтересованными в повышении именно собственной мировой роли и создании «биполярного мира» в свою пользу, не позволят друг другу стать равновеликим Соединенным Штатам «полюсом».

- При этом американское лидерство, по мнению китайских экспертов, должно основываться не только на факторе силы, но и на интеллектуальных факторах, в частности в вопросах «видения будущего мирового развития». Здесь Пекин готов к конструктивному диалогу с Вашингтоном.

В практическом плане Китай идет на активизацию многосторонней дипломатии в следующих основных форматах:

- Китай – Япония – Южная Корея: по вопросам создания зоны свободной торговли и в будущем - общего экономического пространства в СВА;
- Китай – США – Япония: по проблемам транстихоокеанского сотрудничества в вопросах безопасности и развития;
- В формате шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе в том понимании, что вопросы выработки мер доверия и создания зоны экономического совместного развития в СВА должны быть выделены из шестистороннего процесса и обсуждаться вне зависимости от того, желает ли при этом присутствовать Пхеньян или нет.
- Формат БРИК признается китайскими экспертами «модным», однако мало перспективным, поскольку цель Китая – глобальное «совместное творчество» с мировыми лидерами в вопросах формирования новых институтов глобального управления – на базе ООН (где Китай выступает «равным» другим постоянным членам СБ ООН) и региональной интеграции.

В контексте темы «политических треугольников» китайские эксперты предвидят возможную негативную реакцию России на возрастание китайской активности в новых геополитических форматах. В этом контексте они высказываются в пользу параллельного выстраивания аналогичных трехсторонних форматов с участием России: Китай – Россия – США и Китай – Россия – Япония, а также в пользу активизации работы России как председателя «пятой группы» (по вопросам сотрудничества в СВА) шестистороннего переговорного процесса по Северной Корее.

Ход дискуссий, ведущихся в Китае, свидетельствует о его стремлении стать «равным» США в вопросах формирования будущего мирового устройства. А также – с российского

угла – об опасности того, что для усиления своих переговорных позиций с Западом Китай может разыгрывать «российскую карту», используя для этого как двустороннее китайско-российское сотрудничество, так и многосторонние форматы, где присутствуют Китай и Россия, но отсутствуют США, ЕС и Япония – БРИК, Китай – Россия – Индия, ШОС.

Вариант «А» предполагает, что Китай будет продолжать, как «политически чужой» Западу, противодействовать американскому лидерству в ТА. Использовать для этого, в числе прочего, и «российскую карту». А в отношении России – сдерживать ее попытки к усилению собственной политической роли в ТА.

Вариант «Б»: постепенное преодоление эффекта «политически чужого» Западу Китая. Он будет сопровождаться волнообразными китайско-американскими отношениями:

(а) ограниченного соразвития и сотрудничества в вопросах безопасности,

Но при (б) обострении время от времени двусторонних отношений по проблемам демократии, прав человека, Тайваня.

При этом отношения Китая с Россией в ТА будут подчинены динамике китайско-американских отношений:

(а) в моменты обострения Пекин будет разыгрывать «российскую карту» для смягчения давления Вашингтона;

(б) при всплесках китайско-американского взаимодействия Россия может использоваться как кооперативистский партнер

Вариант «В»: широкое китайско-американское партнерство на основе преодоления эффекта «политически чужого». Для России здесь открываются как шансы стать дополнительным позитивным фактором такого взаимодействия, так и вызовы – оказаться на более далеком «политическом расстоянии» от США, чем Китай.

4. США. Варианты.

Варианты американского подхода к отношениям с Россией и Китаем в ТА будут строиться вокруг проблемы *лидерства*:

- будут ли Соединенные Штаты готовы разделить лидерство и ответственность за будущее ТА с Россией и Китаем;

- смогут ли они стать концептуальным лидером региона, предлагающим такое видение будущего ТА, которое будет поддержано Китаем и Россией.

Вариант «А»: США продолжают курс на единоличное лидерство в ТА, основанное на военно-политических союзах с Японией и Южной Корей. Это вызывает настороженность

Пекина и Москвы, не имеющих – по старой логике «баланса сил» – подобных аналогов безопасности.

Вариант «Б»: расширение существующей системы безопасности (на основе военных альянсов с Токио и Сеулом) за счет вовлечения в военный диалог и диалог безопасности Китая – но без России. При этом диалог безопасности с Россией будет продолжен по глобальным проблемам нераспространения, терроризма и т.п., но не по тематике ТА.

При таком варианте возможно углубление американо-китайских отношений в научно-технической сфере, космосе, снятие эмбарго на военный экспорт США в Китай и т.д.

При этом варианте Россия рискует остаться в стороне от новых элементов региональной безопасности и сотрудничества.

Вариант «В»: коллективное лидерство США, Китая и России в ТА на основе:

- энергетического и экономического соразвития ТА

- и интеграции военных альянсов США с Японией и Южной Кореей в трехсторонний Диалог безопасности США – Китай – Россия.

5. Выводы.

Для реализации и конкретизации наиболее предпочтительных, с точки зрения автора, вариантов под литерой «В» необходимы:

во-первых, новая теоретическая основа для понимания и формулирования национальных интересов в контексте глобальных тенденций современности;

а *во-вторых*, диалог «Трех Самых ...» – России как не только европейской, но и тихоокеанской державы, США как глобальной державы и Китая как тихоокеанской державы, претендующей на ведущие мировые позиции – по глобальным и региональным проблемам безопасности и соразвития.

Диалог – который строился бы на новом философском осмыслении мирового развития и будущего нашего единого мира.

Глава первая. Методология анализа

1. Почему «треугольник»?

Формат «треугольника» Россия–Китай–США в качестве «каркаса» исследования выбран по следующим причинам.

Во-первых, Россия, Китай и США являются тремя ядерными державами, постоянными членами СБ ООН и претендуют на глобальное и региональное лидерство в вопросах безопасности и соразвития. От совпадения или противоположности их позиций по глобальным проблемам безопасности развития в решающей степени зависит вектор мирового и регионального, в нашем случае – восточноазиатского развития.

Во-вторых, позитивные изменения последних лет в России и в Китае, с Россией и с Китаем в глобальном контексте – *несмотря на сохраняющиеся проблемы по всем трем «сторонам» «треугольника» Россия–Китай–США* – позволяют говорить о **возможности** и **необходимости** взаимодействия между ними в планетарных и восточноазиатских интересах.

В-третьих, трехсторонний формат является первым многосторонним форматом, который допускает наиболее динамичное обсуждение проблем и принятие решений по сравнению с четырех-, пяти-, шестисторонними форматами и форматами более высокой степени сложности.

Наконец, трехсторонний формат Россия–Китай–США имеет и вполне практическое основание. Именно в таком формате – и в истории это не раз происходило – происходит «разыгрывание» одной стороной «карты» другой стороны против стороны третьей. В четырехстороннем или более сложных форматах такого рода «дипломатию карт» проводить гораздо труднее.

Не случайно, в Китае в начале нынешнего века получила распространение методология анализа международных отношений через призму «геополитических треугольников»: Китай–Россия–США, Китай–Япония–США, Китай–Индия–Россия и т.д. Цель таких изысканий, по всей видимости, состоит в том, чтобы проанализировать, когда одна из двух значимых конкурирующих стран пытается использовать «китайскую карту» для того, чтобы усилить свои позиции против страны-конкурента в той или иной геополитической или геоэкономической паре.

2. В чем проблема?

После «холодной войны» и на фоне рыночных реформ в России и Китае все три страны – Россия, Китай и США – получили *свободу*, но и новые *требования* в выборе внешнеполитических целей. Свободу – от логики глобального идеологического противостояния «коммунизма и империализма», чреватого взаимным уничтожением. Требования – в том смысле, что включение в мировую рыночную орбиту России и Китая сделало глобализацию общемировой тенденцией, и это объективно, по логике самой глобализации, заставляет видеть национальные внешнеполитические цели в общемировом контексте.

Вопрос «чего я хочу» в плане внешнеполитического целеполагания является сегодня наиболее актуальным для «*Трех Самых ...*» мировых игроков (*Россия – самая большая страна мира по территории, Китай – по населению, США – по совокупной национальной мощи*).

Частично ответ на него уже дается.

Во-первых, «Три Самых ...» обозначили «чего они не хотят»:

они не хотят распространения ОМУ, наркотиков, терроризма, экстремизма и т.п. «ЗОЛ»,

не хотят глобальной экологической катастрофы

и не хотят «больших войн», прежде всего, войн между собой.

Во-вторых, каждая из «Трех самых ...» обозначила свои цели.

Россия хочет:

восстановить и далее усиливать свое влияние в мире,

хочет быть «энергетической базой» для мировой экономики,

хочет иметь свое слово и на равных с Соединенными Штатами участвовать в создании нового миропорядка – чтобы с ней «считались» и чтобы «не быть зависимой» от мнений и позиций Запада (*идея «многополярности»*).

Китай хочет:

иметь отношения стратегического партнерства с мировыми державами, добрососедские отношения со странами по периметру его границ – чтобы конфликты не мешали внутренним реформам и развитию,

защититься от давления Запада по вопросам демократии и прав Человека,

и – как это было в политико-партийном варианте закреплено на 17-м съезде КПК (2007 г.) – влиять на мир и иметь «свое слово» (*концепция «гармоничного мира»*) в формировании новой архитектуры международной безопасности и совместного развития.

США хотят:

сохранения своего глобального лидерства;

распространения по миру демократических ценностей (*своего рода «нео-мессианство»*),

использования лидерства и глобальных рыночно-демократических трансформаций для обеспечения национальной безопасности и в интересах национального бизнеса.

Однако без ответа пока остаются вопросы о том:

как стыкуются цели «Трех Самых ...»,

в чем они противоречат друг другу,

наконец, возможна ли их синхронизация в интересах общемирового развития, в интересах развития Мира как единого целого?

Иными словами – можно на основе более менее устоявшегося понимания «чего я хочу» каждой из «Трех Самых ...» вывести новую формулу: Чего мы, «Три Самых ...», вместе хотим?

Пока ответ на этот вопрос видится отрицательным. Причина – в отсутствии между «Тремя Самыми ...» «скоординированного мировоззрения», от чего зависят:

- ценностные ориентиры людей, ответственных за формулирование национальных интересов и целей,
- стратегическое видение общемирового развития,
- понимание национальной стратегии в контексте глобальных задач.

Более того, сегодня кажется, что такого рода «скоординированное видение» невозможно. Соединенные Штаты настаивают на универсальности своего варианта прочтения прав Человека и демократии. Россия подтверждает свое принятие универсальности мировых демократических и либеральных ценностей, однако настаивает на своем праве идти к этому «собственным путем». Китай также выступает за соблюдение прав Человека и демократию, но задает им свою «по-китайски специфическую» трактовку.

Отсюда возникает задача – показать, что возможно новое прочтение национальных интересов «Тремя Самыми ...» на основе общих тактических задач и скоординированного видения *глобального будущего*. Возможен такой вариант прочтения национальных интересов, который может задать новое видение потенциала трехстороннего взаимодействия «Трех Самых ...», а не просто двусторонних отношений стратегического сотрудничества и соперничества.

3. Глобализация и новый мировой порядок

Сегодня актуализируется проблема выбора мировоззрения. Это относится и к международным отношениям. Главной задачей является нахождение современной мировоззренческой основы формирования нового мирового порядка. Отсутствие таковой приводит к неэффективному поведению государств.

После окончания «холодной войны» основные мировые «игроки» не видят друг в друге идеологического противника и не намерены вести войну друг против друга. Высшие российские руководители, например, критикуя НАТО, тем не менее, говорят о членах альянса как о «партнерах».

Однако при этом в отношениях между государствами часто возникают обострения. Это относится не только к отношениям Россия – США, Россия – НАТО, но и Россия – Китай, Китай – Япония, Китай – США и т.д. Сегодня эти обострения неэффективны. Они ухудшают общую мировую ситуацию и снижают национальную конкурентоспособность: силы и время тратятся не на решение общезначимых проблем планетарного, регионального, двустороннего уровня, а на «выяснение отношений».

Главнейшая задача нового мирового порядка как раз и состоит в том, чтобы исправить положение. Ведущим странам мира необходимо новое прочтение национальных интересов. Национальные интересы не существуют «вообще в пространстве» и не являются раз и навсегда данными. Их формулировка зависит от мировоззрения людей, чьей общественной функцией является разработка и принятие национальной стратегии развития. Для нового прочтения национальных интересов нужно новое *эффективное мировоззрение*.

В современных условиях растущей мировой взаимозависимости в экономике, политике, безопасности таковым мне представляется *мировоззрение глобализации*.

Критерием эффективности выступает общемировой прогресс и безопасность – без которых невозможны долгосрочное развитие и безопасность отдельно взятой страны.

Можно выделить три измерения глобализации мирового развития и безопасности:

Первое. Глобализация – как объективная тенденция мирового развития: отражает усиливающуюся взаимозависимость национально-государственных образований. Усиливающуюся до такой степени, что развитие и стабильность одного компонента планетарной системы становятся невозможными без развития и стабильности других.

Второе. Глобализация как цель представляет собой сознательную политику государств, направленную на укрепление интеграционной экономической и политической

сплоченности мира. И, в конечной, долгосрочной перспективе – на создание единой мировой экономики и на ее основе Единого Мира.

Третье. Глобализация – как методология: дает новую методологическую базу, опираясь на которую, можно дать современную оценку международным отношениям и состоянию национального государства. Сказать: «*что такое хорошо*» и «*что такое плохо*» для мира и для страны.

Глобализация мировой экономики и безопасности сопровождается новым явлением современности – *«персонификацией международных отношений»*. Персонификация международных отношений означает появление иных, помимо государства и международных организаций, субъектов международных отношений, имеющих собственные внешнеполитические интересы: неправительственных организаций, частных корпораций и самого Человека.

Глобализация побуждает государства вносить адекватные коррективы в национальные стратегии и стиль международного поведения – по мере увеличения числа *проблем развития и безопасности*, которые поднимаются с национального на общемировой «уровень видения». И, соответственно, требуют объединения мировых ресурсов для своего решения.

На современном этапе глобализации *«национальное государство» сохраняется*. Оно не ослабевает. Однако меняется его поведение в мировых процессах. Для повышения эффективности функционирования и усиления конкурентоспособности «национальному государству» важно:

Во-первых, активнее вовлекаться в развитие процессов глобализации как тенденции.

Во-вторых – видеть национальные и мировые перспективы в контексте глобализации как цели.

В-третьих, формулировать национальные приоритеты на основе методологии глобализации.

В-четвертых, использовать фактор персонификации международных отношений для повышения национальной эффективности и конкурентоспособности.

Если с точки зрения глобализации как методологии, национальные интересы сформулированы неверно, и неверно проанализированы региональные и глобальные тенденции – то возникает риск растраты ресурсов и потери исторического времени. Причем применительно как к национальному государству, так и к миру в целом.

Современный мир в корне отличается от конфронтации «холодной войны». Отношения ведущих государств характеризуются одновременно «сотрудничеством и конкуренцией».

С одной стороны, происходит расширение сферы *«компромиссного мышления»* на основе (1) рынка в экономике, (2) власти закона и демократии в политике, (3) единого понимания мировыми лидерами современных проблем безопасности – нераспространение ОМУ, терроризм и т.д.

С другой стороны, распространяется *«нео-агрессивное мышление»*. У стран-лидеров появляется «соблазн» ссылаться на преимущества в «стратегической мощи» и «потенциал агрессивности» для реализации односторонних конкурентных интересов – вне стратегического видения перспектив глобализирующегося мира. Помимо этого актуализируются «страны-угрозы» или «проблемные страны», внутренние порядки и внешняя политика которых сужают мировое пространство «компромиссного мышления».

В свете сказанного вырисовываются следующие контуры нового мирового порядка.

Экономика: формирование «Мирового (и региональных) бюджетов развития». Их цель: расширение мирового рынка и повышение уровня жизни граждан мира и отдельных регионов – как основы «компромиссного мышления» в экономике.

Безопасность: формирование «Мирового (и региональных) бюджетов безопасности». Их цель – консолидация ресурсов для предотвращения и ликвидации последствий новых угроз безопасности при сохранении «статус-кво», или при их постепенном преодолении.

Политика: укрепление мирового поля «компромиссного мышления».

Во-первых – посредством расширения сферы применения трансграничного права, которое делает отдельных граждан, а не страны в целом, ответственными за «плохие деяния».

Во-вторых – через «плавную демократизацию» мира, или, своего рода *«Глобальный демократический проект с учетом национально-государственных ситуаций»*. Цели такого проекта:

- Первое. Совершенствование демократии в развитых странах. Ни одна из них не может играть роль «абсолютного идеала». Поскольку демократия есть постоянно развивающийся процесс политического компромисса.
- Второе. Становление и укрепление демократии в развивающихся и переходных странах – с учетом реально сложившейся внутривнутриполитической ситуации.

- Третье. Выработка и применение единых критериев оценки и действий к «странам-угрозам» и «проблемным странам».

Военная сфера: сегодня угроза глобальной гонки вооружений во многом связана с коммерческими интересами ВПК в странах-лидерах. Отсюда задача: в рамках создания нового мирового порядка, перефокусировать работу глобального ВПК на решение планетарных проблем безопасности. Тех, что связаны с угрозами из космоса (метеориты и т.п.), из мирового океана (цунами, наводнения и т.д.), из атмосферы (смерчи и т.п.), из земли (землетрясения).

Предвижу возражение, что все это не реально. Да – не реально при распространенном сегодня варианте прочтения мировыми лидерами своих национальных интересов. Однако глобализация как раз и позволяет задать новую, нацеленную на общепланетарное будущее, трактовку национальных интересов. И тем самым – снять возражение.

4. «Глобальные тенденции:

потребности в «соразвитии» и «доминировании».

Сотрудничество и, одновременно, **соперничество** мировых лидеров – США, ЕС, Японии, России, Китая – оказывает сегодня решающее воздействие на мировую политику и экономику. С одной стороны, эти страны (и региональные) группировки являются друг для друга важным ресурсом экономического роста, а глобализация хозяйственных интересов заставляет их искать новые варианты интеграционного **соразвития**. С другой – обостряется борьба за выход к источникам энергоресурсов, за лидерство в вопросах глобальной и региональной безопасности, за более влиятельное место в мировой экономике. Одна группа интересов – экономическая выгода, традиционные и «нетрадиционные» угрозы безопасности – усиливает составляющую **«сотрудничество»** в отношениях стран-лидеров. Тогда так другая – конкуренция в экономике, энергетике, политике – укрепляет составляющую **«соперничество»**.

Усиление в 2000-е годы конфликтности по разным «стратегическим векторам» (российско-американские, китайско-японские, американо-китайские отношения и т.д.) создает политические неопределенности – чреватые экономическими потерями и дестабилизирующими рисками как для самих стран-лидеров, так и для всего мира. Изменение конфигураций отношений «соперничества–сотрудничества» между ведущими державами во многом будет определять мировую динамику в сферах экономики и безопасности в стратегической перспективе.

Для понимания действующих здесь тенденций необходима адекватная нашему времени – *когда вновь стал актуален вопрос о выборе мировоззрения – методология анализа* общественного развития и международной безопасности. Полагая недостаточным исторический и геополитический подходы к проблеме, каждый из которых по-своему приводит к выводу о том, что разногласия между странами вечны и непреодолимы, автор статьи опирается на иную методологическую конструкцию, в основе которой *теории «потребностей», «компромиссного и нео-агрессивного мышления», «интеграционной мотивации», «стремления к доминированию» и «глобализации»¹.*

Базовая посылка автора состоит в том, что *национальные интересы не являются раз и на всегда данными* и существуют не «вообще в пространстве», а исключительно в интерпретации людей – политических руководителей, их советников, аналитиков, представителей бизнеса и т.д. А это означает, что тот или иной вариант прочтения национальных интересов, на котором строится политика одной страны по отношению к другой, зависит от мировоззрения людей, чьей функцией является руководить государством и принимать участие в формулировании национальных интересов. То есть, зависит структуры политических, идеологических, экономических и иных потребностей людей, причастных к межгосударственным отношениям. Более того, сами такие межгосударственные отношения есть не что иное, как отношения между людьми, чьей общественной функцией является руководить государством и представлять его в международном пространстве.

При этом «интеграционная мотивация», «кооперативистское» и «компромиссное» мышление в исторической перспективе больше отвечают интересам и объективным тенденциям развития мирового сообщества, чем «стремление к доминированию», «конфронтационное», «агрессивное» или «нео-агрессивное» мышление.

Исходя из данных посылок, можно утверждать, что будущее Мира зависит не только от исторических, геополитических или конъюнктурных интересов, но и от структуры потребностей самого *«Человека у власти»*. Иначе говоря, существует такой вариант прочтения национальных интересов, выбрав который мировые лидеры могут обеспечить преобладание компонента «сотрудничество» над компонентом «соперничество» во взаимных отношениях и преодолеть кажущиеся вечными «барьеры раздора».

Сегодня *в основе мирового «сотрудничества–соперничества» стран* лежит противоборство «нео-агрессивного» и «нео-компромиссного» мышления, «потребности в интеграционной мотивации» и «потребности в доминировании».

Подход автора состоит в том, что мировое развитие происходит в направлении «Единого мира», «компромиссного мышления на основе закона», глобализации проблем безопасности и развития. «Компромиссное мышление» в экономике реализуется через рыночные отношения, в политике – через демократию и власть закона. В международных отношениях – через трансграничное право и глобальное управление. Отсюда – рыночная демократия и новая мировая архитектура «безопасности через соразвитие» определяют главное стратегическое направление развития Мира.

Однако данный сценарий не реализуется автоматически. Человечество будет постоянно сталкиваться с соблазном возврата к агрессивному мышлению в разных его проявлениях – как наиболее простому, на первый взгляд, варианту насыщения потребностей Человека.

Тенденции мирового развития свидетельствуют о том, что характерное для «холодной войны» распространение «компромиссного мышления на балансе силы» – когда две ядерные «сверхдержавы», США и бывший СССР, поддерживали мир примерным паритетом военной мощи и военно-политического влияния – не сразу и не быстро перерастает в «компромиссное мышление на основе закона». Напротив, в новом столетии получает развитие «**нео-агрессивное мышление**», связанное с изменениями в соотношении военной, экономической, технологической и других составляющих «стратегической мощи» стран-лидеров. «Нео-агрессивное мышление» проявляется в «соблазне» применить силу (например, США в Ираке) или «сослаться» на силу при реализации национальных интересов.

Его антитеза – «**нео-компромиссное мышление**» – представляет собой феномен, основанный уже больше не на «балансе сил», но еще и не преимущественно на «власти закона». А, скорее, на **глобализации проблем безопасности и развития**, требующих объединения мировых ресурсов как для отражения новых, общих для Человечества угроз, так и для использования эффекта сотрудничества в целях глобального соразвития.

Не случайно, поэтому, в российско-американской Декларации «О стратегических рамках» взаимных отношений (апрель 2008 г.) была детально прописана идея «партнерства» и «совместного лидерства» «в нахождении ответов на новые вызовы глобальному миру и безопасности»².

«Нео-агрессивное мышление» работает на «потребность доминирования», альтернативой которой выступает «потребность в интеграционной мотивации», порождаемая мышлением «нео-компромиссным». На практике в современных международных отношениях одновременно действуют и агрессивное мышление, и «компромиссное на

балансе силы», и «компромиссное мышление на основе закона», волнообразно то сужая, то расширяя сферу своей распространенности.

Исходя из понимания Человека в трех его «измерениях»:

- (1) как «гражданина страны»,
- (2) как участника международных отношений – (а) опосредованно, как гражданина страны, или (б) непосредственно, в контексте «персонификации» мировой политики,
- (3) как частицы Природы,

можно выделить следующие основные тенденции в сфере **глобальной безопасности**.

Первое. Расширилось и продолжает расширяться мировое пространство, на котором «потребность Человека в личной безопасности» насыщается преимущественно на основе закона, а не на основе лояльности власти или принадлежности клану. Несмотря на все сложности, в мире происходит укрепление демократических и правовых институтов, что позволяет Человеку чувствовать себя «в безопасности», даже в случае несогласия с властями. Этому способствуют рыночно-демократические преобразования на пространстве бывшей «мировой системы социализма» – в России, Восточной Европе, рыночные реформы и политические трансформации Китая, а также крушение тоталитарных режимов и демократические преобразования в ряде стран «третьего мира».

С другой стороны, действует и противоположная тенденция – возрождение авторитаризма и возвращение ситуации, когда «потребность в личной безопасности» вновь удовлетворяется преимущественно за счет лояльности и неопозиционности власти, а не на основе «равного для всех» закона. В ряде стран бывшего «мира социализма» лидеры используют идеи «суверенитета» и «суверенного права на «*свою*» демократию» в интересах фактического сохранения или возрождения авторитаризма.

В пост-социалистических странах, прошедших через фазу краха «коммунистических режимов», происходит резкое изменение структуры распространенных и доминирующих потребностей, в том числе, потребностей «в личной свободе» и «в доступе к институтам власти». Люди, наделенные властными функциями, часто видят в подобных структурных изменениях риски политической дестабилизации и потери управляемости. Возникает ситуация, когда потребности «Человека не у власти» воспринимаются «Человеком у власти» как угроза удовлетворению властных потребностей последнего. Например, естественное стремление оппозиции быть политически значимой трактуется в ряде пост-советских стран как угроза правящей элите.

Наиболее «простым», на первый взгляд, путем насыщения «потребности во власти» в новой ситуации выступает «агрессивное», или, вернее сказать, «нео-агрессивное мышление»: блокировать оппозицию. Потребность же «в политической стабильности» не увязывается с распространением «компромиссного мышления» и развитием *демократии – как политической формой выражения «компромиссного мышления»*, а, напротив, противопоставляется демократии.

В глобальном контексте здесь важна динамика ситуации в Китае. Политические трансформации Китая, *активно* осуществляющего рыночные реформы, но *постепенно* идущего по пути политических реформ, обуславливают специфику положения страны. С одной стороны, углубляющаяся маркетизация хозяйственной жизни и интеграция Китая в мировое рыночное поле сами по себе расширяют сферу действия закона как основы удовлетворения «потребности Человека в личной безопасности». С другой стороны, сохраняются традиционные и усиливаются новые ограничители удовлетворения «потребности в личной безопасности» на основе закона. Несмотря на упрочение правовой базы, в стране поддерживается монополия компартии на власть, а принадлежность или лояльность к КПК все еще помогает удовлетворять «потребность Человека в личной безопасности». Хотя – и в этом проявляется неоднозначность китайской ситуации – именно компартия инициирует борьбу с коррупцией, развитие низовой и внутривластной демократии и укрепление роли закона во внутривластной жизни.

Параллельно – в условиях рыночных реформ – изменяется структура потребностей китайской партийной бюрократии (как и новой «постсоветской бюрократии» в странах СНГ), пополняясь личными хозяйственными и финансовыми интересами «вождей». Это порождает такие формы проявления «нео-агрессивного мышления» как коррупция и плутократия и усиливает фактор «лояльности власти и принадлежности клану» в обеспечении «Потребности в личной безопасности».

В мировых зонах сохраняющегося тоталитаризма и авторитаризма на постсоветском пространстве и в «третьем мире» растет сопротивление «Человека у власти» нарастающему давлению извне со стороны рыночных демократий по вопросам демократизации и роли закона. Подобное сопротивление усиливает «нео-агрессивное мышление» со стороны «Человека у власти» и повышает роль фактора «лояльности власти» в насыщении «потребности Человека в личной безопасности».

В самих рыночных демократиях сохраняются угрозы сужения общественного поля, на котором «потребность в личной безопасности» насыщается преимущественно на основе

закона. Эти угрозы связаны как с бюрократизацией общественно-правовых отношений, сопровождающей, как это ни парадоксально, укрепление роли закона. Так и с неравным доступом к правовым механизмам граждан с разным уровнем достатка и отношением к власти. Проблема усугубляется по мере увеличения социального разрыва не только между «бедными» и «богатыми», но и между «средним классом» и «богатыми» – вслед за тенденцией более быстрого обогащения людей, обладающих большим капиталом.

В США, Японии, как и в других странах Запада, активно применяются политические, административные и финансовые ресурсы для насыщения «Потребности в личной безопасности». Здесь также необходим постоянный мониторинг ситуации с тем, чтобы факторы «власти» и «денег» не девальвировали роль закона в удовлетворении «потребности в личной безопасности» ниже критического уровня, с которым связана политическая стабильность государства.

Второе. Из глобальной политики исчезла угроза «Большой войны» между мировыми лидерами, обладающими наибольшей «стратегической мощью» и соответствующим «потенциалом агрессивности» – как разностью «стратегической мощи» стран, вступающих в отношения друг с другом. Например, «стратегическая мощь» США была значительно больше, чем Ирака – что и позволило Соединенным Штатам использовать военные методы решения проблемы. А «стратегическая мощь» России, к примеру, больше «стратегической мощи» Украины, что позволяет Москве увереннее чувствовать себя, скажем, на переговорах с Киевом о цене на газ.

Одновременно пропала прямая связь между региональными и локальными конфликтами и войнами, с одной стороны, и угрозой войны между мировыми лидерами, с другой. Несмотря на разногласия по Ираку, например, военная акция США не привела к военному конфликту с Россией или Китаем. В этом смысле мир стал безопаснее для «Человека как участника международных отношений».

В то же время появляются новые тенденции, которые создают вызовы и риски для международной безопасности.

Во-первых, происходит изменение в соотношении сил на мировой арене на основе изменения структуры факторов, определяющих «стратегическую мощь» государства, его «потенциал агрессивности» и вектор направленности действия «потенциала агрессивности». Возрастает значение экономической, финансовой, информационной и научно-технической составляющих «стратегической мощи». При этом относительно уменьшается и, что главное, переформатируется роль военной составляющей. В отношениях стран-лидеров это – уже не

сдерживание, устрашение или подготовка к уничтожению соперника посредством «Большой войны». А – подтверждение своего права на лидерство в новых сложных отношениях «соперничества–сотрудничества», основанных на взаимодействии и противоборстве «потребности в интеграционной мотивации» и «потребности в доминировании». Примеры этого мы видим в глобальном «соперничестве-сотрудничестве» России и США, «соперничестве-сотрудничестве» России и Китая в Центральной Азии или Пекина и Вашингтона в Тихоокеанской Азии.

В условиях отсутствия «Большого врага» «потенциал агрессивности» мировых лидеров фокусируется на региональные ситуации. «Потребности доминирования» отражают стремление страны-лидера решить региональную проблему «своим способом». Скажем, в вопросе о независимости Косово так поступили ЕС и США. Но там, где односторонних усилий недостаточно, происходит «запуск» механизма работы «потребности в интеграционной мотивации» (многосторонний формат переговоров по ядерной программе Ирана, шестисторонние переговоры по Северной Корее).

В каждой конкретной региональной ситуации существует свое, требующее конкретного исследования, соотношение «потребности в интеграционной мотивации» и «потребности в доминировании». И, соответственно, соотношение распространенности «кооперативистского» и «конфронтационного» мышления в формулировании национальных интересов. Мы видим, как на пространстве Центральной Азии нарастает конкуренция между Россией и Китаем в борьбе за региональное влияние и доступ к энергетическим ресурсам. И, в то же время, и Москва, и Пекин продолжают взаимодействовать в рамках ШОС, ища развязки «нео-агрессивных» конфликтных ситуаций в рамках многосторонней «нео-компромиссной» дипломатии.

Во-вторых, сегодня в мире распространяется «нео-агрессивное мышление» как реакция на *вакуум* в международных отношениях, возникший вследствие того, что «компромиссное мышление на балансе силы» не переросло в политические короткие сроки в «компромиссное мышление на основе закона». Т.е. не был создан универсальный международно-правовой механизм решения острых глобальных и региональных проблем.

Основания для распространения «нео-агрессивного мышления» многообразны:

- Обостренная реакция стран с «переходной экономикой и политикой» на усиливающееся разноплановое давление со стороны более мощных мировых или региональных лидеров. Например, реакция Беларуси и стран Центральной Азии на требования Запада следовать демократическим принципам. Или – реакция Пхеньяна на требования США предоставить полный список ядерных объектов и требования

Японии вернуть всех похищенных северокорейскими спецслужбами в 1970-е годы японских граждан.

- Борьба за власть на новых геополитических пространствах, образующихся в результате полного или частичного распада многонациональных государств (бывшие СССР и СФРЮ, например).
- Обострение старых региональных конфликтов (Ближний Восток) в новых условиях, когда мир не разделен на враждующие лагеря, каждый из которых поддерживал ту или иную сторону.

В-третьих, обостряются проявления собственно «агрессивного мышления», связанные с активизацией деятельности глобального терроризма, экстремизма, преступности в сфере наркотрафика, распространения оружия массового уничтожения и т.п. В условиях прекращения глобального противостояния сверхдержав террористические «центры силы» получили бóльшую свободу действий. Кроме того, совпадение векторов давления на «террористические центры» со стороны бывших противников по глобальному противостоянию вызывает у «лидеров терроризма» ощущение возрастающей угрозы для их жизненных устоев со стороны «враждебного образа жизни». Такое восприятие ситуации провоцирует появление «потребности в более яростном сопротивлении» носителям иных жизненных ценностей. Ужесточение риторики и действий радикального исламизма – тому один из примеров.

В-четвертых, в международных отношениях появляются «новички» – страны, которые на основе своих экономических достижений и быстрого роста «стратегической мощи», стремятся играть более важную роль в мировой политике. Поведение «стран-новичков» заставляет их, с одной стороны, подстраиваться к сложившемуся мироустройству. А, с другой – пытаться изменять его к своей пользе.

Появление «стран-новичков» является одним из источников «нео-агрессивного мышления»: «страны-новички» активно ищут свое место в мире, создавая новые геополитические поля фокусирования собственного «потенциала агрессивности». В этом находит отражение их растущая «потребность в доминировании» по тем или иным темам мировой политики. И в то же время, они выступают в роли носителей «нео-компромиссного мышления», исходящего из необходимости поиска компромисса с традиционными лидерами. Но компромисса – опять же, не просто на «балансе сил» и еще не на «основе глобального закона», но именно на «совпадении интересов» в решении глобальных проблем безопасности и развития.

Китай выступает в роли наиболее динамичной «страны-новичка». Он стремится сказать свое слово в создании новой мировой архитектуры безопасности, и, одновременно, вынужден приспособливаться к существующим правилам игры. Активность Китая фокусируется как на глобальных институтах (китайская концепция «гармоничного мира», реформа ООН), так и на важнейших региональных площадках Восточной и Центральной Азии.

В известном смысле в роли новичка выступает и Россия, восстанавливающая свои глобальные позиции, но уже в новых условиях и при принципиально иной структуре «стратегической мощи», при которой, как уже отмечалось выше, на первые места выдвигаются научно-техническая, финансовая, энергетическая мощь.

Глобальный вызов для мировых лидеров, традиционных и новых, состоит в том, сумеют ли они найти оптимальное сочетание своих потребностей «в интеграционной мотивации» и «доминировании».

В-пятых, возникает новая международная среда для Человека «как участника международных отношений» в реализации его «потребности в межличностном общении». С одной стороны, информационно-коммуникационная революция сделала общение более доступным и насыщенным. Окончание «холодной войны» ускорило тенденцию «персонификации международных отношений», предоставив Личности – не в качестве «Человека-функции на службе государства», а как таковой – активнее участвовать в международной жизни. Неправительственные организации, выходящий за национальные границы частный бизнес, имеющие международный вес ученые, писатели и т.п., и, одновременно, транснациональные преступные группировки – основные субъекты «персонифицирующихся» международных отношений.

С другой стороны, угрозы терроризма, «нежелательной иммиграции» привели к ужесточению, а не ослаблению визовых режимов в отношении стран разного уровня рыночно-демократического развития. Проблема «глобальной миграции» не находит решения ни в региональных, ни в общепланетарных форматах. Ужесточение визовых режимов маргинализирует огромные слои населения Мира. С другой стороны – существенные различия в трудовом законодательстве, административной ситуации, в образовательных и социальных условиях препятствует превращению «нежелательной миграции» в «желательную».

Третье. Актуализируются проблемы безопасности Личности как «Частицы Природы». Рост мирового промышленного производства и истощение невозобновляемых

природных ресурсов создают серьезные вызовы планетарному развитию. Атипичные угрозы безопасности – наводнения, цунами, пандемии и т.д., как и «угрозы из космоса» (метеориты, способные повредить спутники связи, кометы и т.п.), все настойчивее входят в повестку дня мировой политики в сфере безопасности. Человечество стало больше понимать необходимость поддержания *коэволюционного баланса между Природой и Человеком*.

Однако для решения глобальных проблем безопасности Человека как «Частицы Природы» нет ни необходимых для этого средств, ни глобальной стратегии, превращавшей бы всех участников международной жизни в ответственных за поддержание «коэволюционной безопасности». Практическими механизмами насыщения «Потребности в личной безопасности» Человека как «Частицы Природы» выступают пока, главным образом, ограниченные в применении международные соглашения (например, «Киотский протокол»). Или – разовые пожертвования отдельных стран, в том числе США, Японии, ЕС, Китая, России, на решение той или иной конкретной проблемы (последствия цунами, «птичьего гриппа», гуманитарная катастрофа в той или иной стране и т.д.).

В этой сфере требуются не только, да и не столько, усилия отдельных стран, сколько создание планетарной и хорошо финансируемой, прежде всего, странами-лидерами, системы безопасности «Человека как частицы Природы».

Перспективы мирового развития зависят от того, сумеют ли мировые лидеры ответить на главный вызов современности, а именно: сумеют ли они так сформулировать свои национальные интересы, чтобы потребности в создании Единого стабильного и процветающего мира имели приоритет перед потребностями доминирования и национального лидерства. Сумеют ли превратить международное трансграничное право, субъектом которого выступают не страны, а сами граждане в любых их функциях как «Человека у власти» и «Человека не у власти», в действительно приоритетное право.

Глобализация национальных интересов развития и безопасности вроде бы объективно подталкивает к новым, интеграционным вариантам разработки стратегий национального развития. Однако, это такая возможность, для использования которой нужна политическая воля и, что самое главное, новое видение будущего – сознательно ставящее компромисс и интеграционную мотивацию над агрессивностью и доминированием.

Здесь требуется не только приход новых, способных заглянуть в будущее, мировых лидеров. Но и постоянно расширяющийся диалог между политическими и деловыми элитами стран-лидеров, между интеллектуалами, молодежью, между «простыми людьми» на основе понимания будущего мирового единства.

Конечная цель этого – научиться видеть и формулировать национальные интересы в глобальном контексте, *научиться задавать глобальное прочтение национальных интересов.*

4. Трудности.

Проблема в том, как можно достигнуть компромисса в международных отношениях.

После окончания «холодной войны» «агрессивное мышление» не исчезло из мировой политики – как логично следовало бы из прекращения противостояния двух «мировых систем», баланс сил которых и давал глобальный компромисс. Однако оно видоизменилось и предстало в форме «нео-агрессивного мышления», «нео» – в том смысле, что усиление экономической и в плане безопасности взаимозависимости мировых лидеров расширяет мировое поле компромиссного мышления.

Сегодня источник нео-агрессивного мышления иной.

Распространение рыночно-демократических ценностей и преобразований в мире происходит неравномерно. Естественно, что сохранение зон, где агрессивное мышление доминирует внутри общества, сдерживает распространение компромиссного мышления в мировых масштабах. В условиях давления со стороны ведущих рыночных демократий на «отстающие», «не свои», в этом смысле страны лидеры последних могут видеть в таком давлении угрозу личной безопасности.

При этом перевес в стратегической мощи и потенциале агрессивности развитых демократий провоцирует их на поведение в духе нео-агрессивного мышления в отношении слабых, но отстающих «не своих». Последние видят единственный путь выравнивания стратегической мощи – за счет развития оружия массового уничтожения (ОМУ), поскольку финансовыми, экономическими средствами либо развитием обычных вооружений обеспечить в этом варианте нео-компромисс на балансе силы не реально.

И здесь интересы «Трех Самых ...» совпадают.

Еще один вариант нео-агрессивного мышления связан, как ни парадоксально, с созданием глобальной правовой базы для обеспечения компромисса на основе закона.

Дело в том, что при разработке законов также существует соблазн у страны с преобладающими стратегической мощью и «потенциалом агрессивности» использовать это преимущество для продвижения своего варианта написания закона и его исполнения.

В этом смысле многополярность можно понимать как наличие нескольких игроков. Например, наших «Трех Самых ...» с потенциалом агрессивности по отношению к

остальным. Это обстоятельство создает основу для компромисса на балансе силы между «Тремя Самыми ...» при разработке закона, который в будущем будет обеспечивать компромисс на его основе.

Суть процесса в том, что страна с максимальным потенциалом агрессивности должна первой идти на уступки в разработке закона, на основе которого будет развиваться компромиссное мышление. При этом возникает риск, что одностороннее движение к компромиссу чревато потерями для страны.

Ответ видится в том, что распространению компромиссного мышления на международные отношения должно предшествовать распространение компромиссного мышления внутри общества. А предпосылкой глобального прочтения национальных интересов является умение членов общества видеть свои интересы в глобальном контексте. Без этого возможные потери компромиссной и глобально ориентированной политики могут поставить под домашний удар тех, кто такую политику осуществляет.

И тем не менее, важно ставить вопрос именно в такой области – с тем, чтобы выявлять уже существующие, но пока не задействованные в практической дипломатии, внутренние предпосылки для компромиссного, интеграционно- и глобально ориентированного внешнеполитического мышления.

Это относится к исследованию того, что хорошо и что плохо в отношениях в «треугольнике» Россия – Китай – США. Именно с этих позиций важно вести анализ заявленной темы.

Другие фундаментальные подходы могут дать иные практические выводы.

Примечания

¹ Подробно данные теории изложены в следующих монографиях автора: «Страны СЭВ: выравнивание уровней развития. Проблемы и суждения», М., «Наука», 1989, С. 23-42; «В поисках альтернативы. Азиатские модели развития: социалистические и “новые индустриальные страны”», М., «Международные отношения», 1990, С. 22-37; «Хомоинтернэшнл. Теория общественного развития и международной безопасности в свете потребностей и интересов личности», М., ИДВ РАН, 1999, С. 7-329; «Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России», М., ИДВ РАН, 2001, С. 8-64, С. 123-178; «North East Asia Globalization. Regarding Russia, China and Korea», М., «Памятники исторической мысли», 2003, С. 9-59.

² <http://www.kremlin.ru>, 7 апреля 2008 г.

Глава вторая. Тихоокеанская Азия: тенденции и перспективы

Тихоокеанская Азия (ТА) обладает одновременно и «*потенциалом конфликтности*», и «*ресурсом совместного развития*». Обеспечение мира и процветания в Тихоокеанской Азии зависит от консолидации региональных усилий в отражении существующих угроз безопасности и в использовании возможностей сотрудничества.

Тихоокеанская Азия позиционирует себя как экономически наиболее динамичный, а политически – неоднородный регион планеты. Япония остается региональным лидером по абсолютным экономическим показателям и влиянию на мировую экономику. ВВП Японии (около 4,5 млрд. долл.) почти в 1,5 раза превышает ВВП Китая. Однако по объему внешнеторгового оборота (2,1 трлн. долл.) Китай уже в 2007 г. превзошел Японию.

В военно-политическом плане Тихоокеанская Азия разделена на военно-политические союзы Японии и Южной Кореи с США, политико-экономическую структуру АСЕАН, и остальные страны: Китай, входящий в Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС) за геополитическими границами Тихоокеанской Азии, Северную Корею (формально – в рамках военно-политического союза с Китаем) и Монголию (статус наблюдателя в ШОС). В Тихоокеанской Азии продолжается рост военных расходов.

Однако *тенденции стабильности преобладают* над тенденциями дестабилизации политической ситуации в Тихоокеанской Азии. *Отношения соперничества* между главными игроками «компенсируются» – в степени, предотвращающей прямые военно-политические конфликты – интересами взаимодействия в экономике, энергетике, борьбе с терроризмом и атипичными (природные катаклизмы, птичий грипп и т.п.) угрозами. Возрастание экономической взаимозависимости «в парах» Китай – США и Китай – Япония определяют пределы ухудшения их политических отношений – при любом мыслимом варианте обострения событий.

Тихоокеанская Азия испытывает нарастающую потребность в объединении экономических ресурсов Японии, Китая, Южной Кореи и стран АСЕАН для решения общей задачи поддержания высоких темпов экономического роста наиболее эффективными методами и занятия регионом выгодных позиций на глобальных рынках на фоне американской экономики и интеграции Европы. Либерализация и маркетизация экономики Китая впервые в истории формирует возможности *регионального интеграционного соразвития*.

Однако сохраняющийся дисбаланс военно-политических сил и восприятие Китая Соединенными Штатами и Японией как, хотя и экономически «своего», но политически

«чужого», создают препятствия сближению сторон. Идея многосторонней региональной системы безопасности, основанной на идеологии «сотрудничества и соразвития», продолжает наталкиваться на трудно преодолеваемые препятствия.

Основные *угрозы и вызовы безопасности* в Тихоокеанской Азии состоят в следующем.

Первое – это северокорейская ядерная проблема. Пхеньян, как было проанализировано выше, использует ядерный фактор как средство обеспечения выживания северокорейского режима без изменения его тоталитарного и закрытого характера.

Второе – территориальные споры, в которые вовлечены Япония, Россия, Южная Корея, Китай, ряд стран АСЕАН. Ситуация остается не разрешенной. Однако двусторонние переговоры в поисках развязок и, параллельно и независимо от этого, углубление региональной экономической интеграции могут уменьшить негативное воздействие территориальных проблем на региональную безопасность. Всплески напряженности не выходят за рамки «дипломатических войн».

За аналогичные рамки не выходят и китайско-японские и корейско-японские разногласия по вопросам истории и посещения японскими лидерами синтоистского храма Ясукуни. Пекин использует их как дипломатическую карту в целях набрать дополнительные очки в соперничестве с Токио за лидерство в Тихоокеанской Азии. А Сеул – в интересах внутривнутриполитической борьбы, в которой активно задействуется фактор национализма.

Третье – тайваньская проблема. Военно-политическое противостояние в Тайваньском проливе не выходит на траекторию вооруженного конфликта. Пекин активизирует дипломатическое и психологическое давление на тайваньские власти с целью ослабить их стремление к независимости. В качестве основных рычагов используются контакты с различными политическими силами на Тайване, прежде всего с Гоминьданом, предоставление торговых льгот и расширение экономического сотрудничества и обменов по линии туризма, культурных и научных связей и т.п.

Четвертое – энергетическая безопасность США. Рост мировых цен на энергоносители оказывает сдерживающее влияние на экономический рост Тихоокеанской Азии, а в политическом плане – заставляет страны искать пути диверсификации источников поставок нефти и газа. Это усиливает конкурентную борьбу, прежде всего, между Китаем и Японией за выход к ресурсам углеводородов в России, Африке, на Ближнем Востоке. Южная Корея и АСЕАН также стремятся занять свои ниши в новом глобальном «энергетическом переделе». Однако энергетическое противостояние не перерастает в политический конфликт – в силу углубляющейся взаимозависимости региональных экономик.

Пятое – это новые и «нетрадиционные» угрозы: терроризм, пиратство, экологические и природные катастрофы, угрозы эпидемий и т.п. Ставя под удар социальную стабильность региона, эти угрозы могут одновременно сыграть и «объединительную» роль, побуждая страны Тихоокеанской Азии к политическому взаимодействию совершенно нового качества.

Наряду с факторами дестабилизации в Тихоокеанской Азии действуют следующие **факторы стабилизации политической ситуации**, которые связаны с характером реакции стран на региональные проблемы:

- Шестисторонний переговорный процесс в Пекине по Северной Корее. Несмотря на отсутствие реального прогресса в деле ядерного разоружения Пхеньяна, сам факт существования шестистороннего переговорного формата позитивен. Впервые в истории мировые «тяжеловесы» Россия, США, Китай, Япония и третья по размерам азиатская экономика – Южная Корея получили возможность совместно ставить и обсуждать общие проблемы безопасности и стараться искать пути выхода из кризиса.
- Возрастающие угрозы энергетической безопасности будут подталкивать страны региона к поиску вариантов многосторонней взаимостраховки – на случай непредсказуемости поведения мировых энергетических рынков.
- Позитивное воздействие на региональную ситуацию оказывает и сотрудничество в борьбе с «новыми» и атипичными угрозами.

Несмотря на сложности становления, стабилизирующую политическую роль играют многосторонние экономические форматы, охватывающие страны Тихоокеанской Азии: АТЭС, «Экономическое Сообщество АСЕАН», «АСЕАН плюс три (Япония, Китай, Южная Корея)», «АСЕАН плюс Китай», «АСЕАН плюс Япония», «АСЕАН плюс Южная Корея», Региональный форум АСЕАН (АРФ), созданное в конце 2005 г. Восточноазиатское сообщество (ВАС), куда помимо участников формата «АСЕАН плюс три» входят также Австралия, Новая Зеландия и Индия, а также в качестве наблюдателя – Россия.

В роли регионального **«возмутителя спокойствия» выступает Китай**, стремящийся выстроить свое новое глобальное и региональное политическое позиционирование на основе возрастающей экономической мощи и начавшейся в начале текущего десятилетия активной экспансии китайского капитала за рубеж.

Новая международная политическая активность Китая вызывает изменения в его отношениях с главными партнерами и одновременно оппонентами в Азии – США и Японией. В отношениях «сотрудничества и соперничества», «взаимозависимости и взаимодействия по общим угрозам» между США и Китаем – при сохранении всей сложности и противоречивости этих отношений – просматривается тенденция к китайско-

американскому сближению. Китай поставил взаимодействие с Соединенными Штатами в центр своей внешней политики и дал понять Вашингтону, что признает его мировое лидерство и готов к сотрудничеству на основе совпадения интересов. Взамен – настаивая на том, чтобы традиционный набор критики Китая: права человека, демократизация китайского общества, свобода слова и вероисповедания, проблема Тибета, курс китайской национальной валюты и т.п. находились «на вторых ролях» в китайско-американских отношениях.

Новым фактором динамики ситуации в Тихоокеанской Азии становится выход на это геоэкономическое и геополитическое пространство *Индии*. У индийского руководства быстро формируется потребность расширить рамки своего доминирования в Индийском океане за счет подключения к процессам, развивающимся в ЮВА, а через это пространство в будущем и в Тихоокеанской Азии в целом. Пока влияние индийского фактора не велико и не прописано с определенностью. Индия старается усилить свои региональные позиции как путем нормализации отношений с потенциально конфликтными оппонентами – Пакистаном и Китаем, так и посредством выстраивания новой партнерской линии в отношениях с США.

Основные *тенденции развития ТА в ближайшее десятилетие обладают многовариантностью*. Здесь не учитываются алармистские и маргинальные сценарии развития ситуации: такие как война между Китаем и США или Китаем и Японией, распад Китая или России, война между Россией и Китаем или Россией и США и т.п. Такие прогнозы не имеют практического смысла – поскольку подготовка к возможному региональному или глобальному апокалипсису требует кардинального перераспределения ресурсов в ущерб текущим и перспективным социально-экономическим и политическим задачам. На практике реакция на такого рода события – наступили они – может быть только оперативно-спонтанной.

Отсюда – в рассматриваемых сценариях используются варианты по схеме «больше – меньше», «быстрее – медленнее». Ниже приводятся сценарные оценки наиболее существенных из рассмотренных выше тенденций.

Первое – восточноазиатская экономическая и финансовая интеграция.

В ближайшие 10 лет в Восточной Азии как основы Тихоокеанской Азии продолжится формирование новой, отличной от истории создания ЕС, интеграционной модели. В ее основе не столько снижение таможенных тарифов и создание зоны свободной торговли (хотя движение в этом направлении продолжится и приведет к поэтапной тарифной либерализации в рамках АТЭС, АСЕАН и «АСЕАН плюс три»), сколько интеграция в более открытых по сравнению с традиционной экономикой секторах «экономики знаний», а также финансовое

взаимодействие в развитие уроков, извлеченных из азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг.

Вариант ускорения интеграционных процессов связан, во-первых, с кардинальным улучшением китайско-японских отношений как интеграционного стержня Восточной Азии. Во-вторых, с развитием американской экономики и глобальной ролью доллара. Ускоренное сближение Пекина и Токио, вероятность чего оценивается автором в 10-20%, и радикальное ослабление роли доллара как расчетной и резервной валюты, чего на взгляд автора не произойдет, подтолкнуло бы восточноазиатскую финансовую и – на ее основе – экономическую интеграцию.

Отсюда – наиболее вероятно сохранение набранных темпов интеграционного взаимодействия с незначительным их увеличением.

В 2020 г. Восточная Азия – несмотря на активизацию дискуссий на сей счет – не будет ближе к созданию единой валюты, прежде всего, по причине неготовности к этому Японии и Китая. Однако, как частично было показано выше, усилится взаимодействие между национальными центробанками в рамках «своп-соглашений» на случай валютного и финансового кризиса, и расширится сфера применения в рамках Азиатского банка развития (АБР) условной расчетной единицы – АКЮ (Asia currency unit), рассчитываемой на основе корзины восточноазиатских валют.

К 2020 г. еще не будет сформировано единое экономическое пространство ни в Восточной Азии в целом, ни в ее «экономическом сердце» – Северо-Восточной Азии. Соперничество Китая и Японии будет и впредь оказывать тормозящее воздействие на интеграционные процессы.

В интеграционном плане следует ожидать частичной либерализации условий торговли и инвестирования после 2010-2011 гг., когда вступят в силу обязательства развитых стран-членов АТЭС по хозяйственной либерализации и соглашения о свободной торговле между странами АСЕАН и в отдельных форматах «АСЕАН плюс»: плюс Китай, плюс Южная Корея, плюс (для отдельных стран АСЕАН) Япония.

Фактор ВТО – в случае отсутствия прогресса на переговорах по глобальной либерализации торговли – будет стимулировать экономический регионализм, прежде всего в форматах АСЕАН и «АСЕАН плюс три».

Политическая интеграция в рамках ВАС не будет успешной по причине отхода от изначальной идеи превращения Сообщества в политическую надстройку для экономически интегрированного пространства «АСЕАН плюс три» и концептуально не обоснованного расширения числа участников ВАС за счет Индии, Австралии и Новой Зеландии.

Второе – региональная безопасность.

Главными сценарными альтернативами представляются следующие:

- Будет ли происходить укрепление или демонтаж военно-политической системы безопасности на основе американо-японского и американо-южнокорейского договоров безопасности.
- Будут ли обостряться территориальные споры, или здесь будут найдены окончательные развязки или сохранится нынешнее статус-кво.
- Будут ли улучшаться или обостряться китайско-американские и китайско-японские отношения. И насколько быстро будет происходить сближение, либо, напротив, взаимное отторжение сторон.

На взгляд автора, наиболее вероятно поступательно позитивное развитие политической ситуации в регионе.

В области безопасности упор будет сделан не на демонтаж современной военно-политической структуры Тихоокеанской Азии на основе американо-японского и американо-южнокорейского военно-политических союзов. И не на создание каких-либо «балансиров» им с участием Китая.

Но:

во-первых, на формирование новых многосторонних региональных структур безопасности, которые могли бы вырасти из шестистороннего переговорного процесса по северокорейской ядерной проблеме.

А, во-вторых, на взаимодействие стран-соседей по новым и нетипичным угрозам безопасности.

Рост удельного веса новых и нетипичных угроз безопасности в национальных стратегиях будет постепенно модифицировать военные союзы США с Японией и Южной Кореей, делая их более открытыми к сотрудничеству с другими странами региона, в том числе с Китаем и Россией.

Нерешенные территориальные проблемы и вопросы истории будут оказывать меньшее воздействие, чем сегодня, на отношения восточноазиатских соседей. В более отдаленной перспективе они будут решаться «естественным путем» на основе совместного освоения спорных территорий и региональной интеграции.

Китайско-американские отношения будут характеризоваться, с одной стороны, усилением экономической взаимозависимости американского и китайского капитала. С другой стороны – нарастанием взаимной озабоченности в связи, соответственно, с не транспарантным, в восприятии США, ростом военной мощи Китая и распространением

раздражающих Пекин теорий «китайской угрозы». В Китае и Соединенных Штатах будут конкурировать силы, одни из которых стремятся к нагнетанию взаимной подозрительности, а другие – к ее ослаблению, исходя из собственных корпоративных интересов. Однако экономический фактор, новые угрозы и глобальные проблемы бедности, природных катастроф и т.п. окажут позитивное воздействие на отношения Китая и США. Они будут отличаться большей степенью взаимодействия и меньшей степенью враждебности, чем сейчас.

Китайско-японские отношения развиваются по схожему сценарию формирования пределов ухудшения отношений и схожести позиций по проблемам безопасности, но со своей спецификой. Китаю и Японии не удастся полностью изменить негативное взаимное восприятие из-за различий в трактовке истории. Тем не менее, приход в 2012 г. к власти «пятого поколения китайских лидеров», многие представители которого получили образование на Западе, и омоложение японской политической элиты за счет политиков послевоенного поколения способны в перспективе 5-10 лет ослабить исторический негатив в пользу взаимодействия по реализации совпадающих интересов. Интересы сотрудничества будут работать на создание трехстороннего формата «США – Япония – Китай» по вопросам региональной безопасности и развития.

Наряду с позитивными факторами будут действовать и факторы возрастания напряженности. Рост военных расходов Китая, нацеленный на придание КНР статуса мировой «сверхдержавы», будет провоцировать встречные шаги со стороны Японии и японо-американского военного союза и рост военных расходов в других странах Тихоокеанской Азии. И хотя «статусный» характер нового этапа гонки вооружений не ведет непосредственно к военным конфликтам, он будет усиливать компоненты соперничества и конфронтации против компонентов сотрудничества в структуре международных отношений в рамках региона.

В целом, однако, ситуация в Тихоокеанской Азии к 2020 г. по сравнению с концом нынешнего десятилетия будет характеризоваться большей степенью (хотя и не полной) экономической, научно-технической и финансовой интеграции, большим пониманием общности энергетических проблем, большей политической стабильностью и предсказуемостью. Новые форматы отношений сотрудничества-соперничества сведут к минимуму вероятность военного конфликта. Потенциальными источниками военных обострений останутся ситуации вокруг Тайваня и Северной Кореи.

Третье – фактор Китая.

Основными вариантами здесь являются: а) сохранит ли Китай высокие темпы экономического роста или произойдет их замедление; б) будет ли начата политическая реформа в направлении реальной многопартийности или сохранится монополия КПК на власть; в) дойдут ли отношения с Тайванем до военного конфликта или сохранится нынешнее статус-кво.

Пессимистическое развитие событий по первому и третьему вариантам чревато негативными или, в случае войны в Тайваньском проливе, катастрофическими последствиями для мира. Оптимистичное, демократическое, развитие событий по второму варианту ускорит сближение Китая и Запада.

Прогноз автора делается в пользу оптимистичного варианта по первому сценарию, умеренно пессимистичного по второму и нейтрально-положительного по третьему сценарию.

Китай по мере углубления рыночных реформ, интеграции в мировое экономическое, информационное и политическое пространство, сопровождающееся ростом взаимозависимости и переплетения интересов китайского и мирового бизнеса – **будет становиться ближе Западу**, в том числе США и Японии. На это же будут работать и изменение состава политической элиты Китая за счет кадров, учившихся на Западе. И процессы демократизации китайского общества на основе расширения власти закона (против власти партии) и проведения социально-экономической «стратегии недестабилизирующего неравенства» («гармоничное общество» – в китайском варианте). И, наконец, сотрудничество с мировым сообществом в противодействии терроризму, распространению ОМУ, новым и нетрадиционным угрозам.

Китай сохранит высокие темпы экономического роста. К 2020 г. его ВВП практически достигнет нынешнего уровня Японии. В то же время КНР будет сталкиваться с угрозами и рисками, которые при определенных условиях могут привести к глубокому кризису и тотальной корректировке прогнозных оценок в сторону их занижения.

В десятилетней перспективе сохранится фактически однопартийная система при монополии КПК на политическую власть. Однако будет и активизирована политическая реформа под воздействием внешних и внутренних факторов. Среди внешних: критика со стороны Запада и использование им факта монополии КПК на власть в конкурентной борьбе с Китаем на мировых рынках против его экономических интересов. Среди внутренних: рост «среднего класса» и класса китайской буржуазии, желающих учета своих политических интересов, падение авторитета КПК в глазах молодежи, смыкание партократии с олигархией,

требующее более широких рамок согласования межгрупповых политико-экономических интересов, чем площадка КПК, углубляющееся социальное расслоение с угрозой перерастания сегодняшних локальных антиправительственных выступлений в общенациональные.

В краткосрочном и среднесрочном планах китайская демократизация будет отличаться от европейских канонов и не будет сводиться к реальной многопартийности. Процессы демократизации в Китае понимают преимущественно в контексте обеспечения социальных прав населения. А политическая реформа не выйдет за рамки монополии КПК на власть.

В отношениях Пекина и Тайбэя сохранится статус-кво при возникающих время от времени политических обострениях и нарастании активности Китая в плане экономической интеграции Тайваня в свою быстро растущую экономику.

Четвертое – Корейская ситуация.

Корейская проблема остается не решенной, она будет развиваться в режиме вяло текущего конфликта с периодическими обострениями, вызываемыми северокорейскими провокациями посредством ракетных испытаний, подготовкой или проведением нового испытания ядерного взрывного устройства и т.п. Пхеньян не пойдет на ядерное разоружение – поскольку сам факт обладания военной ядерной программой продолжает гарантировать режиму политическую неприкосновенность и приносить экономическую и финансовую помощь в большей степени, чем рискованные для властей рыночно-демократические реформы.

Война на полуострове маловероятна. В технологическом плане Северная Корея не сможет создать из испытанного ядерного устройства полноценного ядерного оружия, как и дееспособных ракет дальнего радиуса действия, и будет продолжать использовать тактику ядерного блефа и шантажа в целях обеспечения выживания режима.

Радикальные изменения возможны в случае смерти Ким Чен Ира. Здесь существует два сценария: немедленное поглощение Севера Югом или довольно длительное сосуществование двух корейских государств на период, когда Север при помощи Южной Кореи, Китая, Японии научится жить по современным рыночным и демократическим правилам. Первый сценарий чреват обострением экономической ситуации в Южной Корее, не обладающей ресурсами для быстрого и при этом безболезненного поглощения Севера. Второй – усилением конкурентной борьбы между Сеулом, Пекином и Токио за влияние на новый северокорейский режим.

Пятое – фактор Индии.

Индийская альтернатива состоит в том, будет ли Индия наращивать усилия по укреплению своих позиций в Тихоокеанской Азии или, сталкиваясь с трудностями, «притормозит» и перефокусируется на более геополитически близкие к ней регионы. При первом варианте, в случае успеха, в Тихоокеанской Азии может измениться баланс сил на основе индийского фактора. Это и создаст новые векторы напряженности в отношениях региональных лидеров с Индией, и сформирует новый полюс балансирования для менее крупных стран региона.

Прогноз автора в пользу того, что фактор Индии будет постепенно оказывать возрастающее воздействие на ТА, однако Индия, упрочив свои позиции в Южной Азии, тем не менее, не сможет стать конкурентом традиционным лидерам ни в ЮВА, ни в Центральной Азии. И, соответственно, не сможет играть роль «балансира» влиянию Китая и Японии на восточноазиатском экономическом и политическом пространстве.

Индия, опираясь на свое усиливающееся влияние в Южной Азии, постарается использовать механизмы ВАС для «выхода» в Тихоокеанскую Азию, что будет встречать противодействие Китая и в итоге станет одной из причин сохранения ВАС в виде аморфной политической структуры.

Попытки Индии усилиться в ТА усложнят конфигурацию отношений сотрудничества и конкуренции между Индией и Китаем. Индийско-китайские отношения будут характеризоваться, с одной стороны, избеганием военных столкновений по нерешенным территориальным и политическим (Пакистан, Кашмир, Тибет) вопросам, ростом взаимной торговли, развитием приграничного сотрудничества, взаимодействием и конкуренцией в сфере энергетики, в борьбе за глобальные энергоресурсы и энергетические активы. А с другой – нарастанием противоборства.

Главными сферами индийско-китайского соперничества станут:

- отношения с Соединенными Штатами. Дели будет стремиться добиться большей близости к Вашингтону по сравнению с Пекином, играя на двух факторах: «индийской демократии» в противовес «китайскому социализму» и индийской помощи США в «сдерживании Китая»;
- глобальные источники финансирования экономики. Индия попытается переключить на себя финансовые потоки, которые идут из мировых финансовых центров, в том числе из Японии, в Китай;

- влияние на соседей. Индия сохранит монополию на контроль ситуации в районе Индийского океана и одновременно попытается «войти» в зону китайского влияния в ЮВА;
- энергетика и «новая экономика». Индия будет стремиться к вытеснению Китая с мировых энергетических и наукоемких рынков там, где это более выгодно Индии, чем взаимодействие с Китаем;
- военное сотрудничество с Россией. Для Индии важно стать преимущественным партнером России в военно-технологической области. При этом Индия будет использовать фактор российско-американской и российско-европейской конкуренции на южноазиатском рынке вооружений.

В трехстороннем формате «Россия – Индия – Китай» Дели будет делать акцент на развитии двусторонних связей. Индия может использовать как двусторонние, так и многосторонние отношения в «треугольнике» для политического давления на США в случае обострения по тем или иным причинам индийско-американских отношений.

Индия будет также делать ставку на двусторонние отношения и в связях с ШОС, стремясь к получению конкурентных преимуществ на центральноазиатском рынке углеводородов. Индия не считает Китай и центральноазиатские страны ШОС «подлинно демократическими» и сохранит свой статус наблюдателя в организации для мониторинга уровня энергетического сотрудничества в ЦА и поведения Китая.

Цементирующую роль в обеспечении восточноазиатского соразвития и региональной безопасности могло бы сыграть *скоординированное понимание* странами региона национальных интересов в контексте глобализации, компромиссного мышления и интеграционной мотивации. Своего рода – региональная «стратегия недестабилизирующего неравенства» и «региональный демократический проект».

Автор понимает, что сегодня существует больше аргументов в пользу невозможности достижения подобного «единства видения» будущего ТА. Однако считает необходимым постоянно ставить на обсуждение вопросы общего будущего Тихоокеанской Азии – с целью формирования, прежде всего в восточноазиатском обществе, перспективных, а затем и доминирующих, потребностей видеть национальные интересы именно через призму интересов региональных и глобальных.

Глава третья. Россия – Китай: Проблемы «стратегического партнерства»

1. Концептуальные основы сотрудничества.

1.1. Россия.

В России де-факто укрепляется внешнеполитическая идеология, согласно которой мировое развитие рассматривается под углом *«соперничества и сотрудничества государств, использующих свои конкурентные преимущества и стремящихся к повышению национальной конкурентоспособности»*. Отсюда:

- (1) Россия видит мир как арену конкурентной борьбы.
- (2) Чтобы постоянно побеждать, Россия должна укреплять свои конкурентные преимущества.
- (3) Мировые лидеры–конкуренты России стремятся уменьшать ее конкурентные преимущества и наращивать собственные.
- (4) Задача России – всячески укреплять национальные конкурентные преимущества, *взаимодействуя* и, в то же время, *соревнуясь* с «партнерами и (одновременно) конкурентами».

1.2. Китай.

17-й съезд КПК (октябрь 2007 г.) – на высшем партийном уровне – закрепил видение Китаем современного мира *в свете «конкуренции и сотрудничества» государств*. В этом контексте съезд поставил задачи укрепления глобальной конкурентоспособности Китая за счет:

- активизации участия Китая в региональной интеграции и региональных «зонах свободной торговли»;
- укрепления позиций китайских ТНК в мировой экономике;
- продвижения китайских товарных брендов на мировой рынок;

Одновременно Китай позиционирует себя как **ответственный** участник международных отношений, заявляя о готовности к глобальному сотрудничеству:

- по обеспечению мировой и региональной экологической безопасности;
- в борьбе с терроризмом и новыми и нетрадиционными угрозами;
- по обеспечению мировой энергетической, финансовой, экономической безопасности;
- в создании «гармоничного мира», под которым понимается достижение политического соответствия между национальным и глобальным развитием¹.

В свете сказанного, в концептуальном плане российско-китайские отношения – и в политике, и в экономике – носят **характер отношений стратегического сотрудничества и, одновременно, стратегического соперничества.**

И в этом смысле – в смысле наличия компонентов партнерства и соревнования – наши отношения не отличаются от отношений и России, и Китая с другими мировыми лидерами: США, ЕС, Японией.

Динамика соотношения между составляющими «сотрудничество» и «соперничество» определяет **сложность и волнообразность** российско-китайских отношений, когда совместные успехи соседствуют с взаимными претензиями.

Сегодня Китай наращивает свою глобальную активность, прежде всего, в сфере **экономики**. Поэтому именно в экономических отношениях чаще и рельефнее возникают проблемы и риски. Однако по мере обретения Китаем своего глобального «политического лица», в том числе в вопросах создания нового миропорядка, подобного рода волнообразность будет характерна и для российско-китайского политического сотрудничества.

2. Достижения.

2.1. В российско-китайских отношениях накоплен **ощутимый позитив.**

Создана инфраструктура **двустороннего** сотрудничества:

- Заложены политико-правовые и финансово-экономические основы отношений.
- Решен пограничный вопрос,
- Укрепляется реальное антитеррористическое и военное сотрудничество, включая проведение совместных учений.
- Сформированы механизмы двустороннего диалога, в том числе по наиболее чувствительным проблемам – экология, миграция, структура торговли.

Активно развивается «саммитовая дипломатия», взаимодействие в ООН, в рамках ШОС, шестистороннего переговорного процесса по Северной Корее и т.д.

2.2. Быстрыми темпами растет **торговля**. В 2008 г. взаимный товарооборот достиг 56 млрд. долл., увеличившись на 39% по сравнению с предыдущим годом. Россия – 7-й торговый партнер Китая, а Китай – 3-й для России.

Развивается **инвестиционное, межбанковское и финансовое сотрудничество.**

Происходит плавное расширение сферы расчетов в национальных валютах обеих стран в рамках приграничной торговли. Начинает развиваться сотрудничество по обслуживанию банковских карт, в сфере страхования и в борьбе с отмыванием денег.

2.3. Обозначены перспективы *энергетического партнерства* – в нефтегазовой сфере, атомной и электроэнергетике. А также – в *высоко технологических сферах*.

Сдан в эксплуатацию первый блок Тяньваньской АЭС (2007 г.), достигнута договоренность об участии России в строительстве ее второй очереди. Намечено создание в Китае четвертой очереди газодиффузионного завода по обогащению урана.

Россия будет реализовывать в Китае 156 проектов в области промышленных высоких технологий, включая 63 проекта в сфере освоения природных ресурсов, 53 проекта в медицине, биоинженерии и производстве медицинского оборудования, 17 проектов по производству и освоению новых материалов, 23 проекта в сельском хозяйстве и сфере охраны окружающей среды.

Активно развивается сотрудничество в *строительной области*: проект «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге, строительство целлюлозно-бумажных комбинатов в Хабаровском крае, Читинской области – в целом согласовано около 20 крупных инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций более чем в 2 млрд. долл.

2.4. Китай – не только глобальный, но и *региональный партнер России*. Для ряда восточных регионов (Читинская и Амурская область, Еврейская автономная область) не оставшая часть России, а именно Китай – основной торговый партнер, важнейший фактор благосостояния населения (рабочие места, дешевые продукты и товары, дешевая рабочая сила), канал глобализации и региональной интеграции. На долю Сибири и Дальнего Востока приходится более 70% всего российского экспорта в Китай и около четверти импорта.

2.5. Накапливание позитива, по количественным и качественным параметрам, является *одной из двух важнейших тенденций* развития двусторонних связей, *усиливающей составляющую «сотрудничество» в российско-китайских отношениях «стратегического сотрудничества и соперничества».*

3. Проблемы.

Другая тенденция – нарастание *новых проблем и рисков*.

3.1. В *торговле* – это невыгодная для России структура товарооборота.

Высокие темпы роста взаимной торговли в последние годы были обусловлены быстрым развитием китайской экономики в целом и ростом мировых цен на нефть, а не качеством российского экспорта, две трети которого приходятся на энергоресурсы и древесину, и лишь 1,5% – на продукцию машиностроения. В российском импорте из Китая, напротив, машинно-техническая продукция преобладает (около 30%).

С 2007 г. для России добавилась проблема торгового дефицита. Стремительный рост китайского экспорта в Россию (на 80% за год, в т.ч. транспортных средств – на 100%, ширпотреба – на 280%) привел, впервые за историю взаимной торговли, к образованию положительного торгового сальдо в пользу Китая в размере 8,8 млрд. долл.

3.2. В *инвестиционной и валютно-финансовой сфере* – несмотря на отмеченные выше подвижки, объем взаимных прямых инвестиций и качество межбанковских расчетов заметно отстают от нужд российской и китайской экономик.

Другой момент: с 2006-2007 гг. Китай начал позиционировать себя как крупный *экспортер капитала – конкурент традиционным мировым игрокам, в т.ч. и России*. Китай идет на многомиллиардные вложения, прежде всего, в разработку, транспортировку и переработку углеводородных ресурсов в развивающихся странах. Скупает ликвидные активы в мировой энергетике, «новой экономике», банковском секторе и т.п.

Общий объем накопленных прямых китайских инвестиций за рубежом превысил 80 млрд. долл.

3.3. В *нефтегазовой* сфере – строительство нефтепровода отстает от намеченных сроков, как и начало строительства газопровода из России в Китай².

Энергетические отношения России и Китая характеризуются не только взаимодополняемостью и сотрудничеством, но и нарастающим соперничеством. Имея стратегический интерес к российским ресурсам, Китай все чаще выступает и как конкурент российскому энерго-бизнесу – в самой России, и в мире: в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке.

Другая проблема российско-китайского долгосрочного энергетического сотрудничества связана с китайской стратегией энергосбережения. Растущая зависимость от импорта энергоресурсов, в том числе и российских, заставляет Китай закладывать энергосберегающие технологии в создание новых производственных мощностей, работая одновременно и на экологические, и на инновационные задачи. И, следовательно, в перспективе уменьшая свою зависимость от импорта углеводородов, в том числе, и российских.

3.4. Ценовая проблема тормозит сотрудничество в сфере поставок российской *электроэнергии* в Китай. И – хотя и в несколько ином варианте (*Россия повышает пошлины на вывоз древесины, Китай – снижает налоги для своих импортеров этой продукции*) – в *лесозаготовительной* промышленности.

3.5. Сотрудничество в *военно-технической сфере*, несмотря на существенные достижения последних лет, сталкивается с нарастающими проблемами. Российские эксперты

отмечают возникшую угрозу потери китайского рынка, которая станет вполне реальной после снятия ЕС эмбарго на поставки оружия Китаю.

В последнее время в военно-техническом сотрудничестве между двумя странами **возникла пауза**. Россия рискует остаться без масштабных оборонных контрактов с Пекином, которые еще несколько лет назад позволяли России зарабатывать на продаже Китаю оружия и боевой техники³.

Возникшие проблемы связаны, во-первых, со срывом контракта на поставку в Китай 34 транспортно-десантных самолетов Ил-76МД и четырех самолетов-заправщиков Ил-78 на общую сумму в 1,5 млрд. долл⁴. Во-вторых – с неготовностью России поставлять в Китай самую современную военную технику и предоставлять лицензии на ее производство⁵. В-третьих – с отсутствием согласия среди российских военных относительно того, что можно, а что не стоит поставлять в Китай.

3.6. В **интеграционной** сфере – все явственнее формируется тенденция к соперничеству двух стран.

В Центральной Азии Россия и Китай не только конкурируют за доступ к энергоресурсам региона, прежде всего, в Туркменистане и Казахстане. Но и выступают как **концептуальные оппоненты**.

Россия в своей стратегии формирования региональной зоны свободной торговли делает ставку на ЕврАзЭС, не принимая китайской идеи формирования такой зоны в рамках ШОС. В ответ Китай идет на расширение финансовой помощи странам ЦА по двусторонним каналам сотрудничества.

В Восточной Азии Китай акцентирует развитие интеграционных форматов «АСЕАН плюс Китай», «АСЕАН плюс Три (Китай, Япония, Южная Корея)», трехсторонний формат «Китай – Япония – Южная Корея». Россия остается в стороне от этих многосторонних завязок, отдавая приоритет двусторонним отношениям со странами ВА.

3.7. Нарастание проблем и рисков в российско-китайском экономическом сотрудничестве вызывает **рост взаимных претензий и опасений**.

4. Китайские претензии.

4.1. Китайцы видят препятствия развитию китайско-российского «стратегического партнерства» собственно в действиях России и выдвигают следующие основные претензии:

- Все еще, отсутствие «взаимного доверия».

- Отсутствие «понимания взаимных интересов и путей развития сотрудничества» в ЦА. В том числе – отсутствие единого, согласованного, понимания причин и характера

«структурного кризиса» и «факторов неопределенности» в ЦА, а также – отсутствие совместных китайско-российских предприятий и проектов в ЦА.

- Наличие проблем «производственного характера», т.е. таких, для решения которых созданы двусторонние механизмы, однако, эти механизмы не используются.

- Сохраняющееся восприятие в России Китая как «угрозы».

- Стратегическому партнерству, по мнению китайцев, мешает «дисбаланс внутреннего развития Китая и России». Китай при этом трактуется как «поднимающаяся держава», а Россия – как «падающая держава». Неспособность России «найти адекватную экономическую стратегию» «мешает стратегическому партнерству».

4.2. В сфере *энергетического сотрудничества* китайцы выдвигают претензии в том, что:

(1) в России существует монополия государства на трубопроводный транспорт, что ограничивает китайско-российское энергетическое сотрудничество.

(2) Трубопроводный транспорт и железнодорожный транспорт выступают «конкурентами при экспорте нефти в Китай».

(3) Существуют «противоречия между различными политическими и деловыми кругами России», что ухудшает условия сотрудничества с Китаем.

(4) В России «трудно разобраться с тем, кому верить и с кем надо работать».

(5) Россия обвиняется в нежелании «завязывать свой экспорт энергоносителей на Китай, имея стратегические намерения экспортировать нефть и газ в Японию и Южную Корею».

(6) В Пекине существуют претензии к Москве и в связи с проблемой предоставления государственных гарантий российско-китайскому энергетическому сотрудничеству, на которых настаивает Китай.

5. Россия: проблема китайской экспансии.

Свои опасения есть и в России. Прежде всего, они связаны с угрозами китайской экспансии на российские территории. Здесь существуют алармистские и прагматические подходы. Автор представляет собственное видение проблемы китайской экспансии.

5.1. Формы китайской экспансии.

5.1.1. Политическая экспансия.

Сегодня не существует оснований для политической экспансии Китая на российские территории. Решив вопрос о российско-китайской границе, официальный Пекин снял территориальные претензии к России. Появляющиеся китайские публикации, в которых

содержатся притязания на российские территории, носят академический характер и не отражают политики нынешнего китайского руководства.

Современный Китай – что в высшей партийной форме получило закрепление на 17-м съезде КПК – позиционирует себя как *мировая ответственная держава*, стремящаяся к сотрудничеству с мировыми лидерами в целях создания новой архитектуры безопасности и соразвития. Территориальное давление на соседей, характерное для Китая в прошлом, не вписывается в новую внешнеполитическую стратегию Пекина.

Реальную проблему представляет давление китайских провинциальных властей на властные и бюрократические структуры российских приграничных регионов в целях обеспечения наиболее выгодных условий для китайского бизнеса. А также – экспансия на российский Дальний Восток китайской «теневой» экономики, которая работает в связке с российскими «теневиками» и развитию которой активно способствует российская коррупция.

5.1.2. *Демографическая экспансия* не носит критического характера, хотя и создает свои проблемы.

Современный Китай, нацеливающий себя на ответственное международное взаимодействие, не проводит государственной политики заселения российских территорий.

Российские дальневосточные районы представляют собой слабо обжитые территории с неразвитой инфраструктурой и не входят в число приоритетов китайских мигрантов, ориентированных на богатые восточные районы самого Китая, а также на Северную Америку и Европу.

Количество россиян, ежегодно посещающих Китай, примерно в 1,5 раза превышает число китайцев, приезжающих в Россию.

Постоянно проживающие на Дальнем Востоке граждане Китая составляют 4-5% дальневосточного населения, что соответствует дореволюционному уровню – уровню царской России.

Ограниченная демографическая экспансия Китая создает следующие проблемы:

- нарушение китайцами российского миграционного законодательства;
- уклонение от уплаты налогов;
- конкуренция российским гражданам на региональных рынках труда;
- компактное проживание китайцев в т.н. «Чайна Таунах» порождает дополнительные, криминального характера, проблемы для местных властей.

5.1.3. Культурная экспансия.

Китай не занимается экспортом коммунистической идеологии в Россию. Более того – сама коммунистическая идеология в Китае окончательно уступила место рыночным идеям и постепенно трансформируется в демократическом и общецивилизационном направлении.

Современный китайский образ жизни находится в стадии быстрых и радикальных трансформаций, не приобрел пока стабильных очертаний и, в силу этого, не может быть предметом навязывания другим странам.

Китайская культурная экспансия в Россию нацелена на создание у россиян благоприятного восприятия Китая посредством расширения культурных обменов, знакомства российских граждан с достижениями китайской культуры и происходящими в Китае рыночными переменами.

Наибольшую озабоченность может вызывать «демонстрационный эффект» китайских реформ: когда наши граждане из приграничных районов ежедневно наблюдают стремительный рост современных городов по «ту сторону» российско-китайской границы – на фоне социального и бытового упадка российских поселений.

5.1.4. Главные угрозы для России связаны с *новой экономической экспансией* Китая – приходящей на смену «традиционной экспансии» дешевых низкокачественных китайских товаров.

Материальной основой новой экономической экспансии Китая являются, во-первых, стремительный рост инвестиционных, финансовых и товарных возможностей китайской экономики. А, во-вторых – резкое увеличение российско-китайского торгового и инвестиционного сотрудничества в последние годы.

Пока Россия, на которую приходится около 2% китайского внешнеторгового оборота и прямых зарубежных инвестиций Китая, не входит в число главных «мишеней» китайской экономической экспансии. Однако в ближайшее время следует ожидать нарастания китайской инвестиционной и корпоративной экспансии в Россию, которая быстро вытесняет «экспансию» китайских «челноков».

Новая экономическая экспансия Китая усиливает конкурентное давление на российских производителей, прежде всего, на рынках Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Китай нацеливается на следующие задачи:

- Получить доступ к восточносибирским и дальневосточным нефтегазовым месторождениям и трубопроводным системам, связывая это с реализацией внутренних задач развития Северо-востока и Северо-запада Китая.

- Приобрести наиболее перспективные активы в отраслях, открытых для иностранного капитала.
- Повысить роль китайского юаня в приграничной торговле.
- Обеспечить для китайских ТНК ведущие позиции в экономике российского Дальнего Востока по сравнению с российскими конкурентами и конкурентами из других стран.

5.1.5. Особенностью новой экономической экспансии Китая является ***напористое и агрессивное поведение молодого китайского капитала***.

Китай сегодня является новым – по сравнению с ЕС, Японией, США – игроком на российских рынках. Поэтому его агрессивное поведение особенно бросается в глаза российской политической и деловой элите, наслаиваясь на старое негативное и традиционно подозрительное отношение к Китаю. Это порождает в России особую настороженность по отношению к Китаю – в сравнении с восприятием работы на российских рынках традиционных иностранных партнеров.

5.2. ***Рациональная реакция на китайскую экспансию.***

Именно это, а не «алармистское противодействие», необходимо России в связи с развитием российско-китайского сотрудничества. Здесь важно иметь в виду следующее.

5.2.1. В условиях глобализации меняется само содержание понятий «экспансия» и «противодействие экспансии». Следовать в этом вопросе логике «холодной войны» было бы ошибочно.

Во-первых, важно видеть грань между «экспансией» как следствием углубления взаимодействия, взаимозависимости, взаимопроникновения пограничных стран и «экспансией» в ее алармистской трактовке – как политики сопредельных государств, нацеленной на «захват» российских территорий, «подчинение» их своему влиянию в ущерб влиянию Федерального центра, «навязывание» своих правил и жизненных традиций.

Во-вторых, ***«противодействие экспансии» в условиях глобализации означает не самоизоляцию России и не свертывание связей с Китаем. А, напротив – сотрудничество с нашим соседом в целях нахождения рациональных развязок возникающих проблем в рамках уже созданных механизмов развития двусторонних отношений.***

5.2.2. На взгляд автора, ***главным тезисом*** является то, что в целом китайская экспансия ***не создает критических угроз*** российской государственности и ***не требует принятия чрезвычайных мер***. Характер, уровень и институциональные основы российско-китайских отношений позволяют решать проблемы и снимать озабоченности через диалог и сотрудничество.

Второй тезис – взгляд на российско-китайские отношения как *на волнообразные отношения одновременно и стратегического сотрудничества и стратегического соперничества* позволяет найти рациональный ответ на китайские вызовы.

5.2.3. Вопрос о противодействии китайской экспансии рационально рассматривать под углом, во-первых, того, как можно использовать экономическую и демографическую экспансию Китая в целях социально-экономического развития российских восточносибирских и дальневосточных регионов. А во-вторых, того, что надо сделать для смягчения, устранения и предотвращения негативных последствий китайской экспансии.

5.2.4. Возможные меры противодействия могли бы включать в себя следующее.

5.2.4.1. *Политика:*

- расширение сферы «стратегического партнерства» России и Китая на глобальном и региональном уровнях, прежде всего, в Северо-Восточной и Центральной Азии;
- постоянный мониторинг ведущихся в Китае исследований темы территориальных претензий к России – с тем, чтобы в случае выхода таких исследований на нежелательный уровень поставить вопрос об их неправомерности перед высшим китайским руководством;
- разработка стратегии приграничной дипломатии – с тем, чтобы нацелить наше взаимодействие на уровне местных властей (а) на постоянное совершенствование правовой и административной базы российско-китайского приграничного сотрудничества и (б) на балансирование политического влияния Китая на российские регионы расширением наших связей с Японией и Южной Кореей.

5.2.4.2. *Демография:*

- активизация российской дипломатии в целях повышения эффективности российско-китайского сотрудничества по борьбе с нелегальной миграцией и «теневого» торговлей;
- усиление работы местных правоохранительных органов по соблюдению, в том числе и китайскими гражданами, миграционного и налогового законодательства РФ;
- постоянный мониторинг региональных рынков труда мигрантов и создание региональных гибких механизмов (с учетом динамики спроса и предложения на рабочую силу) предоставления квот на китайскую рабочую силу.

5.2.4.3. *Экономика:*

- **не требуется** принятия по отношению к китайскому бизнесу каких-либо **особых запретительных мер**, которые бы при этом не распространялись и на других иностранных партнеров России;

- главным средством сдерживания новой китайской экономической экспансии является диверсификация и облагораживание структуры российской экономики посредством углубления интеграционного сотрудничества России с Китаем (а) в двустороннем формате, (б) в формате постепенно формирующегося в СВА интеграционного пространства «Китай–Япония–Южная Корея», (в) в рамках ШОС;
- обеспечение российскому рублю равных с китайским юанем позиций в российско-китайской приграничной торговле: решение этого вопроса посредством эффективного финансового диалога с Китаем;
- введение системы жесткого контроля качества и санитарных характеристик дешевых китайских товаров, поступающих в Россию в рамках т.н. «традиционной китайской товарной экспансии»;
- стимулирование развития приграничного сотрудничества с Японией и Южной Кореей в целях создания более эффективного конкурентного пространства на Дальнем Востоке России и балансирования тем самым новой экономической экспансии Китая.

6. Стратегические вызовы России.

Несмотря на сложность и актуальность текущих экономических вопросов в отношениях России с Китаем, на взгляд автора, наиболее существенны **стратегические аспекты проблемы**.

6.1. **Стратегический риск** связан с тем, что Россия – на фоне интеграции Китая в мировые экономические структуры и продолжающихся рыночных и политических реформ в направлении «от внутрипартийной и низовой к всенародной демократии» – может оказаться на **более «далеком расстоянии» от США и Запада**, чем Китай. Это уменьшит конкурентные преимущества России как постсоветского государства и ослабит ее международные позиции.

Стратегические перспективы развития Китая и России состоят в том, что Китай будет наращивать экономический отрыв от России. Для этого, помимо прочего, существуют и естественные демографические предпосылки.

Структурные риски – в том, что Россия – как экспортер энергоресурсов – оказывается по «другую сторону баррикад» от Китая и других крупнейших импортеров нефти и газа: ЕС, США, Японии. Это – новая разделительная линия, ставящая Россию в стратегически невыгодное положение.

6.2. **Главная проблема для России** не в том, чтобы не отстать или отстать, но не так сильно, от Китая. Проблема в том, чтобы не оказаться в маргинальном положении в мире на

фоне интегрирующегося в мировое экономическое пространство и модернизирующегося Китая.

6.3. В свете существующих вызовов и рисков в российско-китайских отношениях России необходимо *скорректировать политику к Китаю*.

6.3.1. В области *внешней политики и безопасности* необходим новый, глобальный взгляд на Китай – с тем, чтобы адаптировать наше стратегическое партнерство к глобализирующемуся Китаю. В рамках этого важно выстраивать новые многосторонние форматы стратегического диалога «Россия–Китай–США», «Россия–Китай–Япония», «Россия – Китай – ЕС» по глобальным и региональным проблемам безопасности и формирования нового миропорядка, с тем, чтобы избежать рисков, связанных с развитием американо-китайских, японо-китайских и китайско-европейских отношений в невыгодном для России направлении.

6.3.2. В *экономике и энергетике* важно повысить *взаимную стратегическую значимость* сторон. Для этого необходимо:

- В долгосрочном плане – *новое видение* России и Китая как составных частей интегрирующейся «пространственной экономики» Тихоокеанской Азии. Без этого России трудно будет использовать интеграционные возможности ТА и ее китайской составляющей.
- В среднесрочной перспективе – во-первых, выстраивание полномасштабного российско-китайского *энергетического диалога*, который позволил бы превратить нарастающую конкуренцию между Россией и Китаем в региональное, а в перспективе – глобальное энергетическое партнерство. Во-вторых, использование фактора *финансовой либерализации* Китая в соответствии с требованиями ВТО для выхода российских финансовых институтов на китайский рынок. В-третьих, привлечение китайского капитала в развитие российской инфраструктуры, обрабатывающей промышленности и сферы высоких технологий.
- В краткосрочном плане – нужна масштабная, а не выборочная, модернизация транспортной, таможенной и банковской инфраструктуры двустороннего сотрудничества.
- В тактическом ключе – важен поиск «точечных вариантов» инвестиционного взаимодействия частного капитала России и Китая в проектах, по которым просчитаны конкретные конкурентные преимущества.

6.4. Связывая российско-китайские отношения с будущим России, необходимо было бы разработать *«Большую Азиатскую стратегию России»*, в которую, наряду с другими проблемами взаимодействия России с АТР и развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, было бы вписано и российско-китайское партнерство.

Примечания

¹ В выступлении Ху Цзиньтао на саммите ООН в конце 2005 г была, по сути, сформулирована китайская концепция «гармоничного мира», под которым подразумевается «достижение политического равновесия:

(1) между развитием собственной страны и ответственностью перед мировым сообществом,
(2) между экономическими, политическими интересами и интересами безопасности в отношениях между великими державами,
(3) между проведением реформ и обеспечением международного порядка».

² В первом случае одной из причин задержки является возросшая по сравнению с первоначальной себестоимость строительства, во втором – отсутствие компромисса по цене на газ, который Россия намерена поставлять в Китай.

³ Отечественные предприятия поставили китайской армии две сотни истребителей Су-27СК и Су-30МКК, продали лицензию на сборку этих самолетов на заводе в Шеньяне. Отправили в Китай несколько дивизионов зенитно-ракетных комплексов С-300ПМУ1 и «Тор-М1», больше десяти дизель-электрических подводных лодок проекта 877ЭКМ «Варшавянка» и проекта 636 «Амур», которая вооружена противокорабельным ракетным комплексом «Клуб-С». Для ВМС Китая на Санкт-Петербургских заводах построены эсминцы класса «Современный», проект 956Э, на борту которых стоит сверхзвуковой противокорабельный ракетный комплекс ЗМ-80Е «Москит» (по американской классификации SS-N-22 Sunburn – «Солнечный ожог»). В комплекте с эсминцами поставлены восемь противолодочных вертолетов Ка-27 и Ка-28. Кроме того, заключены контракты на поставку морского аналога зенитно-ракетного комплекса С-300ПМУ системы «Форт», а также двигателей АЛ-31Ф для истребителей собственного китайского производства F-10. И так далее.

⁴ Ташкентское авиационное производственное объединение имени Чкалова не справилось с контрактом, заказ был перенесен в Ульяновск, но там тоже не были готовы к таким объемам.

⁵ В заявке Главного управления вооружений НОАК в адрес «Рособоронэкспорта» присутствуют крупные партии таких боевых систем, как реактивный пехотный огнемет «Шмель», 120-мм артиллерийская установка «Нона-СВК» и «Вена», 152-мм САУ «Мста-С», 300-мм системы залпового огня «Смерч», танки Т-90С, бронетранспортеры БТР-80 и БТР-90, многоцелевые вертолеты Ми-28Н и Ка-50 «Черная акула», трехкоординатные РЛС различных типов, зенитно-ракетные комплексы корабельного базирования, а также комплексы радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Есть у китайских военных заинтересованность в покупке многоцелевых корабельных истребителей Су-33, истребителей-перехватчиков дальнего радиуса действия МиГ-31, дальних бомбардировщиков Ту-22М3, больших надводных кораблей крейсерского класса и атомных подводных лодок.

Глава четвертая. Восточные районы России в «треугольнике» Россия – Китай – США

Выбор данного ракурса рассмотрения проблемы обусловлен возрастанием геополитической и геоэкономической роли Сибири и Дальнего Востока в начале XXI века. С одной стороны, ресурсы и территориальное пространство этого региона становятся основой для обеспечения социально-экономического прогресса России, оказывают существенное влияние на формирование ее будущего облика, внутреннюю и внешнюю политику. С другой, эти ресурсы превращаются в ключевой фактор в определении ее азиатской политики в целом и двусторонних отношений со странами АТР. Успех в развитии восточных районов страны – гарантия динамики экономического роста и прочного положения России на мировой арене, неуспех – серьезный барьер, не только не позволяющий ей претендовать на более значимую роль в Восточной Азии, но и пробуждающий призрак угрозы экономической колонизации региона иностранными державами¹. Интерес и внимание (явно не бескорыстные) стран тихоокеанского бассейна к восточным районам России стремительно растут. Как точно заметил А. Богатуров, за минувшее десятилетие вне России сформировался устойчивый взгляд на ее сибирскую и дальневосточную часть с позиций концепции «общего достояния человечества», достояния не только России, но и всего мира»².

По многим причинам, Китай и США проявляют особый интерес к этим территориям. Суть проблемы, требующей разрешения, заключается в том, в какую конфигурацию сложатся интересы Москвы, Пекина и Вашингтона над пространствами Сибири и Дальнего Востока, будет ли эта конфигурация выстроена в интересах сотрудничества или станет основой для различных проявлений конфронтации, и каким образом грядущая трансформация бывшей периферии мировой политики, каковым сегодня является пространство Сибири и Дальнего Востока, скажется на характере международных отношений на Тихом океане и в мире?

Априори представляется, что в вопросах, касающихся Сибири и Дальнего Востока, российские национальные интересы, интересы собственно сибирских и дальневосточных территорий и интересы КНР и США совпадают далеко не всегда, порой противоречат друг другу, что изначально ставит под вопрос возможность сотрудничества. Так ли это?

1. Векторы интересов

Россия

В тихоокеанской политике России всегда присутствовали два вектора – внутренний (управление собственными восточными владениями) и внешний (отношения с государствами АТР и участие в региональных процессах). Первый вектор во многом определял направления второго. В свою очередь, выбор политики России на Дальнем Востоке зависел и по-прежнему зависит от состояния внешнего окружения, от того, как в столице оценивают природу и качество вызовов и предложений, поступавших с Востока. Исторический опыт свидетельствует, что серьезным образом за развитие и обустройство Сибири Россия принималась только тогда, когда требовались свежий импульс и новый экономический ресурс для европейской части России, а Дальнего Востока – тогда, когда возникала реальная угроза его отторжения.

Подобная ситуация сложилась на рубеже XX-XXI вв. – ситуация в регионе была расценена как угрожающая национальной безопасности³, и Москва предприняла попытку изменить политику в отношении Тихоокеанской России.

В Кремле приходят к осознанию того, что Сибирь и Дальний Восток – это «стратегический резерв выживаемости России в XXI веке», что без освоения этих территорий России великой державой не быть, а их сохранение и развитие невозможно без экономической интеграции с АТР. При этом экономическое развитие Сибири и ДВ и их торгово-промышленная кооперация со странами АТР ставят Москву перед трудным выбором. Такая интеграция закрепляет позиции других государств (прежде всего Китая) на российской территории, усиливает привязку Тихоокеанской России к зарубежью и ослабляет его связи с Центром, что чревато снижением степени контроля со стороны последнего. А поскольку «охранительные» тенденции в российском политическом и административном истеблишменте достаточно сильны, противодействие реализации политических решений по развитию региона и расширению его связей с зарубежьем оказывается очень серьезное.

У столицы присутствует страх автономизации этих территорий, опасение того, что «ускоренное развитие Дальнего Востока даже по сравнению с соседней Сибирью может привести к росту и без того серьезной автономии этой территории по отношению к европейской части России»⁴.

Результатом отмеченной двойственности – понимания необходимости интеграции и совместного с зарубежными странами освоения своих восточных районов и страха потерять

эти территории – является отсутствие четко сформулированных целей, приоритетов и алгоритма российской политики в Восточной Азии и на Тихом океане.

КНР

Интересы Китая к восточным районам России достаточно очевидны, они четко сформулированы, объявлены и активно проводятся в жизнь как на уровне государства, так и всеми участниками межрегиональных связей с Россией. Интересы эти сосредоточены в:

- Расширении товарной экспансии на российском рынке потребительских товаров, от детских игрушек до компьютеров и автомобилей.
- Разработке сырьевых запасов Сибири и Дальнего Востока с последующим вывозом их в КНР и третьи страны.
- Развитии транспортной инфраструктуры на территории России для доставки продукции провинций Севера и Северо-востока Китая на европейские и азиатские рынки.
- Переносе части производства на российскую территорию.
- Расширении политического и культурного влияния на соседние территории России.

Экономические аспекты интересов Китая четко сформулированы в *Плане возрождения Северо-востока КНР*⁵. Прагматичный Китай намеревается привлечь все возможные ресурсы для модернизации промышленной базы своего Северо-востока. Следствие этого – активная пропаганда в КНР идеи координации этого плана с российскими планами по развитию Дальнего Востока. При этом получение доступа к природным ресурсам Сибири и Дальнего Востока Пекин рассматривает как стратегическую задачу, поскольку речь идет об удовлетворения растущих потребностей в нефти, газе, энерго- и гидроресурсах не только Северо-восточного Китая, но и всей страны.

США

Формально Сибирь и Дальний Восток не занимают видного места в американской внешней политике. Но это не означает отсутствия к ним интереса со стороны Вашингтона. С одной стороны, будучи глобальным игроком, Соединенные Штаты пристально отслеживают ситуацию с разработкой Сибирских ресурсов. С другой, интенсивное развитие ДВ (если оно состоится) повлечет за собой усиление позиций России на Тихом океане, что не может не отразиться на позиции США, учитывая их жизненные интересы в регионе.

Однако сегодня интерес к Тихоокеанской России носит, скорее, опосредованный характер: ограничить рост влияния Китая на востоке России, предотвратить создание российско-китайского альянса, содействовать стабильности своего важнейшего партнера по региону Японии (в том числе посредством обеспечения ее энергетических запросов), предотвратить возникновение угроз безопасности для США и их союзников (Японии и Южной Кореи), проистекающих из этого региона.

Вместе с тем, вопрос интересов Соединенных Штатов в отношении Тихоокеанской России требует более глубокого и тщательного изучения.

«Четвертая сила» (Тихоокеанская Россия)

Будущее восточных районов России в развитии отношений в «треугольнике» Россия – Китай – США в определенной степени зависит и от позиции властей и населения этих районов, которые достаточно критически воспринимают как политику Москвы, так и интересы Пекина, Вашингтона и его азиатских союзников.

Серьезным препятствием для укрепления позиций России в АТР является нестыковка национальных интересов (в столичной их интерпретации) и интересов ее тихоокеанских территорий. Москва трактует российские интересы преимущественно через призму потребностей европейского центра, которые должны удовлетворяться за счет эксплуатации ресурсов далекой, слабо населенной и экономически затратной периферии. В этой модели Сибирь и Дальний Восток – не более чем колониально-сырьевой придаток Европы. Для самой периферии российские интересы отождествляются с ее собственными проблемами и нуждами. Отсюда проистекает конфликт между центром и регионами, особенно заметный в отношениях Москвы с дальневосточными территориями.

Консолидированный взгляд политической элиты Дальнего Востока на взаимоотношения с внешним миром отсутствует в силу различия интересов территорий и конкуренции между ними. Тем не менее, некоторые общие подходы очевидны⁶. Развитие приграничных связей с КНР, США, Японией, КНДР и Республикой Корея рассматривается этой элитой как важная часть международных отношений РФ, как инструмент решения социально-экономических проблем приграничных территорий. В то же время в политике упомянутых государств дальневосточники видят прямую угрозу своим интересам, прежде всего «стремление закрепить за дальневосточным регионом России сырьевую направленность». Вызывают у них озабоченность претензии отдельных стран региона на часть территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые «свидетельствуют о наличии среди них соперничества в сфере влияния на отдельные территории ДВФО».

На позицию властей и населения территорий влияют следующие обстоятельства:

1. Уже состоявшаяся стихийная интеграция экономик ДВ и Забайкалья с восточноазиатскими. Если в советское время регион был тесно привязан к Европе экономически, на 80% снабжался из других районов России и поставлял туда основную массу своей продукции, то сегодня он в той же степени полагается на соседей по Азии.
2. Мощные миграционные настроения на Востоке России. Отток населения с Дальнего Востока (1,7 млн. чел. с 1991 г.) уже привел не только к существенному сокращению численности, но и к снижению качества населения. Изменились этно-социальная структура и качество трудовых ресурсов (за счет увеличения доли иностранного труда). В начале нового века процесс оттока населения замедлился, но не прекратился.
3. Кризис доверия к центральной власти, на котором в немалой степени основаны миграционные настроения.

2. Противоречия, конфронтация или сотрудничество? Политика и стратегия Москвы, Пекина, Вашингтона в восточных районах России

Россия

Суть «новой восточной политики» России в конце первого десятилетия XXI века просматривается невянятно. Стратегия развития региона, ни в ее теоретическом оформлении, ни в виде концептуального документа, несмотря на поручение, данное еще около двух лет тому назад тогдашним президентом России В. Путиным, так и не сформулирована. Главная причина – в конфликте интересов политических и деловых элит российской столицы. Вторая важная причина – крайняя незаинтересованность российской бюрократии.

Фактически столичная бюрократия саботировала все программы развития ДВ и Забайкалья, принимавшиеся после 1985 г. Усиление вертикали власти, предпринятое В. Путиным, позволило ему продвинуться на этом пути несколько дальше. Однако сегодня уже очевидно, что процесс подготовки к Саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке стоит на грани провала по причине волокиты со стороны многочисленных вовлеченных в него министерств и ведомств. Вся политика по развитию Дальнего Востока сводится пока к выделению и дележу денег и обсуждению гипотетических проектов.

Тем не менее, прослеживаются несколько базовых принципов грядущей политики Москвы на Востоке России⁷.

Первый. Сохранение за регионом статуса периферии и ресурсно-сырьевого придатка европейской России. Разработка ресурсов Сибири и ДВ будет вестись в интересах Москвы и зарубежных покупателей.

Второй. Доминирование государства в экономике региона, которая основана на сырьевой отрасли (контролируется государственными компаниями) и предприятиях ВПК (в структуре госкорпораций).

Третий. Противоречивое отношение к участию иностранцев в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока, особенно КНР и США. С одной стороны, две крупнейшие в АТР экономики представляют хороший ресурс для эффективной разработки и потребления этих ресурсов, с другой – призрак советско-американской и советско-китайской конфронтации прочно обосновался в сознании подавляющего большинства россиян.

Следствием таких подходов будет «планов громадьё» и масса деклараций, но множество рукотворных барьеров на пути кооперации на пути участия иностранного капитала в освоении Сибири и Дальнего Востока.

КНР

В течение ближайших лет политика Китая в восточных районах России будет нацелена на решение нескольких задач:

- Поиск новых форм и механизмов организации межрегиональной торговли. Потенциал для экспорта в Китай во многих регионах иссяк: конкурентоспособное на китайском рынке производство практически не развивается, а доступ Китая к сырьевым ресурсам Сибири и Дальнего Востока по-прежнему ограничен. В то же время растет покупательная способность населения региона, которая удовлетворяется, прежде всего, за счет импорта из Китая. Как следствие быстрыми темпами будет расти торговый дефицит восточных регионов России в экономических связях с Китаем.
- Адаптация «челночного» бизнеса к новым ограничительным мерам российских властей.
- Завоевание позиций (через увеличение объема инвестиций) в сырьевых отраслях Сибири и Дальнего Востока.
- Укрепление экономического и политического влияния на приграничных территориях России.
- Продавливание трансграничных проектов, особенно в сфере экологии, транспорта, пограничной инфраструктуры.
- Увеличение экспорта рабочей силы для реализации крупных инфраструктурных проектов на востоке России.

Уже не раз доказанная способность Пекина к стратегическому планированию, умение медленно, маленькими шажками, но достигать своей цели приведет к безусловному усилению позиций КНР в южной зоне Сибири и Дальнего Востока, что оборачивается пока не более чем чиновной риторикой в Москве, но вызывает серьезную озабоченность в Токио и, естественно, в Вашингтоне.

США

«Отложенный интерес» Соединенных Штатов к ресурсам Сибири является главным препятствием к их активному взаимодействию с Россией и КНР по их освоению. В то же время Вашингтон будет активно поддерживать Токио и Сеул в их стремлении получить долю этих ресурсов, идеи создания единой транспортной и трубопроводной сети Евразии, которая будет резервным источником поставки нефти и газа для США в случае непредвиденного поворота событий, в частности, на Ближнем Востоке.

Однако «отсутствие прогресса в сфере демократии» в России по-прежнему будет удерживать Белый дом от поддержки американских компаний, заинтересованных в доступе к сибирским ресурсам, что, в свою очередь, снижает их шансы в конкурентной борьбе за благосклонность российского правительства при выборе партнеров.

Параллельно Вашингтон будет делать все возможное, чтобы ограничить доступ Китая к этим ресурсам, поскольку одной из целей США в борьбе со своими конкурентами на мировом рынке является сдерживание их экономического роста и снижение конкурентоспособности их продукции. И то, и другое сегодня решается через ограничение доступа конкурентов к дешевым энергоресурсам.

Резюме

Таким образом, первый приближенный подход к перспективам взаимодействия в «треугольнике» Россия, КНР, США на пространстве Сибири и Дальнего Востока приводит к выводу о существенном конфронтационном потенциале, заложенном в различии интересов и подходов сторон. Потенциально возможное изменение в национальных политиках на Тихом океане, глобальной и региональной расстановке сил могут внести свои коррективы в определение интересов и позиции сторон. Кроме того, обоснованный прогноз требует детальной проработки таких проблем, как перспективная стоимость сибирских ресурсов (с учетом прогресса в сфере технологий энергопроизводства, тенденций в области ресурсосбережения и охраны окружающей среды, изменений климата и условий добычи),

интересы и политика других заинтересованных сторон, прежде всего Японии и Южной Кореи.

Примечания

¹ Blank Stephen. What is Russia for Asia? // Orbis. 2003. Fall. P. 573

² Богатуров А.Д. Новая структура геопространственных отношений в Центральной Евразии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007. С. 94.

³ Произошло это в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности РФ. В качестве основных источников угроз были расценены депопуляция региона, происходящая на фоне «выдавливании россиян из приграничья, пропаганды вхождения Сахалина и Курил в состав Японии, хищнического лова краба и его "беспошлинной" отгрузки за кордон, иностранных грантов, позволяющих эксплуатировать нашу науку», а также разрыв хозяйственных связей региона с другими районами России и растущая экономическая зависимость от соседей. В интервью вскоре после этого заседания в то время полпред президента в ДВФО К. Исхаков прямо заявил: «Положение на Дальнем Востоке превратилось в прямую угрозу национальной безопасности всей России... Ситуация в экономике, социальной, правоохранительной, оборонной, информационной сферах оценивается нами как критическая». – Интервью "ИНТЕРФАКСУ" Полномочного представителя Президента РФ в ДФО К. Исхакова. 29 декабря 2006 г. - <http://www.dfo.gov.ru/info/interview/25.htm>.

⁴ Эксперт Online. - http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_FBB6ABB6-51C9-4ACB-8D76-ED3E6EE01C18.html.

⁵ План разработан под эгидой Госкомитета КНР по реформе и развитию и обнародован в августе 2007 г. – См.: http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-08/20/content_10905015.htm.

⁶ Эти общие подходы сформулированы в документе под названием «Предложения Дальневосточного федерального округа о мерах по совершенствованию работы в области развития приграничного сотрудничества, торгово-экономических и культурных связей с партнерами по СНГ и сопредельными государствами», представленном на заседании Госсовета РФ 22 января 2003 г. Документ явно сверстан «на живую нитку» из предложений территорий, проявивших активность в подготовке к заседанию госсовета. Наиболее активным оказался Приморский край, чей раздел составляет в документе более 60% объема. В то же время Сахалин, Магадан свое видение проблемы не представили.

⁷ О таких подходах свидетельствует проект Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации, представленный в прошлом году Минрегионразвития РФ.

Глава пятая. «Пара» США - Китай в тихоокеанской политике Вашингтона

В данной главе под тихоокеанской политикой понимаются стратегия и тактика Соединенных Штатов применительно к Тихоокеанской Азии.

Политическая карта региона:

Тихоокеанская Азия – понятие политическое, включающее в себя Восточную Азию плюс Австралию и Океанию. Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) также является политическим понятием без строго определенных географических рамок: как правило, он включает в себя обширное образование, которое составляют страны-члены форума Азиатско-тихоокеанское сообщество (АТЭС), представляющие Восточную Азию, Австралию и Океанию, Северную и Южную Америки. Иногда в АТР включают Индию и даже страны-члены ШОС, отстоящие довольно далеко от Тихого океана.

В строго очерченных географических рамках АТР – это практически эквивалент Тихоокеанской Азии. К расширительному толкованию термина АТР, выходящему за географические пределы западной, азиатской, части Тихого океана, фактически привело желание Соединенных Штатов с самого начала образования форума АТЭС (1989 г.) поставить под свой контроль его деятельность. В результате туда сразу вошли сами США и Канада, а затем Мексика (позже – Чили и Перу). К первоначальному, более узкому понятию «АТР» страны западной части Тихого океана фактически вернулись в 2005 г. при формировании Восточноазиатского сообщества (East Asia Community), где единственное географическое исключение было сделано для Индии.

Общее видение региона с американских позиций

Политика Вашингтона в Тихоокеанской Азии в своих основах остается достаточно стабильной, долгосрочной, базирующейся в ключевых моментах, касающихся национальных интересов США, на двухпартийном консенсусе.

Смена администраций в Белом доме, конечно, влияет, и порой достаточно радикально, на расстановку акцентов во внешней и внешнеэкономической политике Соединенных Штатов, но, естественно, не выходит за общие рамки, которые определяются долгосрочными, стратегическими интересами Вашингтона.

Так, характеризуя общие контуры и намерения политики администрации Дж. Буша-младшего по отношению к АТР, помощник госсекретаря (assistant secretary) по делам Восточной Азии и Тихого океана в первой администрации Буша Дж. Келли отмечал, что «американское участие в экономическом развитии Азии переплетается с интересами США в сфере безопасности. Одна из причин, по которым присутствие Америки считается существенным для стабильности в регионе, состоит в том, что ее долгосрочные цели не подлежат изменениям»¹.

Для Соединенных Штатов Тихоокеанская Азия – это экономически динамично развивающийся регион, где практически три десятилетия не было прямых военных конфликтов (после пограничной войны между Китаем и Вьетнамом), где в настоящее время отношения между крупными державами лучше, чем когда бы то ни было, где большинство стран региона «привержены развитию рыночной экономики и демократии» (естественно, с региональной и страновой спецификой). При этом в Вашингтоне считают, отмечая успехи азиатских стран, что их процветание в последние десятилетия стало возможным «в рамках более широкого мирового порядка в сферах экономики и безопасности, поддерживаемого американским лидерством»². Кроме того, по словам одного из крупнейших американских специалистов по АТР проф. Р. Скалапино, развитие внутрирегионального сотрудничества не исключает выгоду от экономического и стратегического присутствия США здесь для всех восточноазиатских государств, поскольку Восточная Азия исключительно диверсифицированное и сложное образование³.

Тихоокеанская Азия остается важнейшим, наряду с Европой, полем приложения экономической, политической, военной и «мягкой» сил Соединенных Штатов, которые и далее собираются: опираться здесь на передовое базирование своих вооруженных сил; двусторонние альянсы, прежде всего с Японией и Австралией, а также Южной Кореей; проводить политику, направленную на дальнейшее устранение и недопущение появления новых барьеров для американских товаров и инвестиций; поддерживать такие организации как АТЭС, АСЕАН и ее региональный форум (АРФ) или 6-ти сторонний формат переговоров по северокорейской ядерной проблеме – т.е. тех организаций и форумов, которые позволяют Вашингтону сохранять здесь свои лидирующие позиции.

В качестве ведущей тихоокеанской державы Соединенные Штаты ставят себе в заслугу развитие открытой политической и экономической среды в регионе, которая помогает улаживать конфликты, способствует экономическому росту и появлению новых возможностей для развития, а все это, в конечном счете, по их мнению, способствует поддержанию региональной стабильности.

В долгосрочном плане Тихоокеанская Азия для Вашингтона – это также во многом район конкуренции за ресурсы, в т.ч. энергетические. И в Соединенных Штатах регулярно высказываются беспокойства, опасения по поводу перспектив возрастания такой конкуренции (такие опасения выражал, например, возглавляющий с марта 2007 г. Тихоокеанское командование ВС США адмирал Т. Китинг), ведется подготовка к ней, в т.ч. в виде долгосрочных планов передислокации американских сил передового базирования в западной части Тихого океана.

Экономические позиции в регионе, двусторонние торгово-экономические связи с его крупнейшими государствами являются объектами пристального внимания Вашингтона.

Торгово-экономические отношения Соединенных Штатов со странами АТР получили в последние два-три десятилетия значительное развитие, превратившись в важный составной элемент мировой экономики. Особенно важны торгово-экономические обмены США с Китаем, Японией, Южной Кореей, Австралией, рядом других стран западной части Тихого океана. При этом экономическая динамика в самих Соединенных Штатах, внешняя и внешнеэкономическая политика Вашингтона продолжают оказывать серьезное воздействие на внутрирегиональную ситуацию в АТР.

Эволюция отношения к региональным экономическим организациям

Безусловно, *форум АТЭС* остается важнейшей экономической организацией в АТР, хотя есть вопросы по поводу перспектив роли форума – в каком направлении (направлениях) ему развиваться. Базовой функцией АТЭС, основой его существования является развитие экономического сотрудничества в западной части Тихого океана, т.е. главным образом взаимодействие между странами Тихоокеанской Азии и их заинтересованность в существовании АТЭС. Однако для перспектив развития АТЭС (в том или ином направлении) чрезвычайно важна позиция Вашингтона в отношении деятельности этого экономического форума: с учетом масштабов связей стран Тихоокеанской Азии с Соединенными Штатами и сохраняющейся решающей, стратегической роли последних в экономике и политике Тихоокеанского региона в целом.

До 11 сентября 2001 г. (после этих событий по инициативе Вашингтона в повестку дня форума были добавлены политические вопросы, прежде всего борьба с терроризмом и т.п.) интерес Соединенных Штатов к деятельности в рамках АТЭС заключался, главным образом, в продвижении в жизнь принятой форумом концепции «открытого регионализма». США сосредоточили свои усилия на выработке общей позиции стран-членов АТЭС

(несмотря на наличие между ними существенных разногласий) по вопросам дальнейшей либерализации международной торговли, которую Вашингтон пытался продвигать в ходе переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). По мнению одного из крупнейших специалистов по АТР проф. Австралийского национального университета (и бывшего первого заместителя министра иностранных дел Австралии) С. Харриса, для США, единственным критерием эффективности АТЭС на тот момент (на рубеже двух столетий) являлся вклад форума в процессы либерализации торговли, инвестиций и т.п.⁴

Испытав разочарование от отсутствия прогресса в деле торговой либерализации, от невозможности достичь единой позиции по поводу следующего раунда торговых переговоров в рамках ВТО, Соединенные Штаты в последние годы администрации Клинтона снизили интерес к деятельности АТЭС. А администрация Дж. Буша-младшего сразу после прихода к власти в 2000 г. сконцентрировала свои усилия на достижении к концу 2005 г. соглашения об образовании Зоны свободной торговли Америк (ФТАА)⁵. Достичь поставленной цели не удалось, но вопрос в том: вернутся ли Соединенные Штаты к этой идее в будущем и как (и если) это повлияет на их действия на западно-тихоокеанском направлении?

Администрация Дж. Буша-младшего попыталась также активизировать выработку двусторонних соглашений о свободной торговле с рядом государств западной части Тихого океана.

На начало 2001 г. Вашингтон имел только два подобных соглашения – а) с Канадой и Мексикой в рамках НАФТА и б) с Израилем, а ЕС – с 27-ю странами (включая соглашения о специальном таможенном режиме). В мае 2001 г. тогдашний специальный торговый представитель США (и нынешний глава Мирового банка) Р. Зелик опубликовал по этому поводу статью с характерным заголовком – «Америка должна начать догонять»⁶. Еще до возвращения на государственную службу⁷ он выступал за энергичную коммерческую дипломатию (которая «...должна быть составной частью “высокой политики”, а не ее следствием») Соединенных Штатов в отношении Восточной Азии для снятия остающихся перед американским экспортом товаров и услуг и прямых инвестиций барьеров⁸.

С тех пор Соединенные Штаты, однако, заключили со странами Тихоокеанской Азии всего три подобных двусторонних соглашения: с Сингапуром (вступило в силу 1-го января 2004 г.), Австралией (1-го января 2005 г.) и Южной Кореей – соглашение подписано 30 июня 2007 г., но до сих пор не ратифицировано из-за существующей в Конгрессе США оппозиции по ряду вопросов существа соглашения⁹.

Конечно, Соединенные Штаты пристально смотрят и за развитием *регионального экономического сотрудничества в Тихоокеанской Азии* за пределами АТЭС в рамках самых различных форматов: тройки стран Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея), АСЕАН плюс 3 и, наконец, Восточноазиатского сообщества (ВАС).

Активизацию регионального экономического сотрудничества во многом подтолкнул структурно-финансовый кризис 1997-1998 гг., который пережили страны Восточной Азии. Соединенные Штаты, используя преимущественно механизм МВФ, оказывали тогда (по мнению руководителей некоторых восточноазиатских стран, а также ближайшего союзника Вашингтона в регионе Австралии) излишне сильное давление на попавшие трудную экономическую ситуацию государства. В обмен на финансовую помощь со стороны МВФ выдвигались требования по проведению слишком жестких мер в социально-экономической сфере, в то время как сама финансовая помощь запаздывала (это, по мнению критиков МВФ и США, способствовало, в частности, внутривнутриполитическому взрыву в Индонезии).

Многие политические лидеры в Юго-Восточной Азии считали, что с окончанием холодной войны субрегион занял менее важное место в стратегических расчетах США (особенно по сравнению с Японией, Китаем или даже Корейским полуостровом), и что это подтверждалось как раз тем, как Америка реагировала на азиатский финансовый кризис.

В какой-то мере ситуация (с уменьшением внимания со стороны США) повторилась в силу событий в других частях света во второй срок пребывания администрации Буша у власти уже по отношению ко всей Тихоокеанской Азии. Вопреки мнению многих (в т.ч. американских) комментаторов, госсекретарь Кондолиза Райс утверждала, что Соединенные Штаты заняли к концу правления администрации Дж. Буша-младшего более сильные позиции в (Восточной) Азии, чем когда-либо ранее¹⁰. Однако сама она, по совокупности причин (занятость Ираком, Ближним Востоком в целом, Афганистаном, Ираном...Грузией и т.д.), уделяла АТР гораздо меньше внимания, чем регион и американские интересы в нем в принципе этого заслуживали.

Недостаточная активность Райс в регионе (например, она пропустила две из четырех встреч министров иностранных дел в рамках ежегодного заседания АРФ) была, по крайней мере частично, как считают некоторые американские эксперты, компенсирована «прекрасной» работой, которую после прихода в кабинет Дж. Буша (декабрь 2006 г.) проделал для «продвижения политики США» на Тихом океане министр обороны Р. Гейтс.

Азиатский финансовый кризис и реакция на него США и МВФ побудили восточноазиатские страны предпринять шаги к строительству региональной архитектуры межгосударственных экономических отношений именно для государств Восточной Азии, не включая в этот процесс других, неазиатских партнеров по АТЭС (в т. ч. Соединенные Штаты)¹¹.

Одним из первых шагов к формированию общего подхода к региональному сотрудничеству стало заключение в мае 2000 г. (так называемая «Чиангмайская инициатива» – по месту достижения соглашения во время встречи министров финансов АСЕАН +3) договоренности о двусторонних валютных свопах в качестве средства борьбы с чрезмерными колебаниями валютных курсов в результате спекуляций или паники, которые, в частности, сопровождали кризис 1997 -1998 гг.¹² В тот момент одни эксперты считали, что таким образом делаются первые шаги к единой валюте, напоминающие систему «валютной змеи» в рамках ЕЭС (1972-1979 гг.). Другие – видели в договоренности о свопах скорее политическую декларацию, а не часть какого-то четкого экономического плана¹³.

Так или иначе, но практика валютных свопов между восточноазиатскими государствами получила свое дальнейшее развитие: в начале 2009 г. страны АСЕАН, Китай, Япония и Южная Корея достигли очередного соглашения об увеличении регионального валютного пула с 80 до 120 млрд. долл.¹⁴ Это является одним из свидетельств того, что наступает новый этап в расширении регионального валютно-экономического сотрудничества.

Соединенные Штаты же к развитию регионального валютного сотрудничества первоначально отнеслись настороженно, если не резко негативно, особенно к идее Японии о создании Азиатского валютного фонда (АВФ)¹⁵. Такая реакция Вашингтона в известной мере была естественной, если иметь в виду то обстоятельство, что до структурно-финансового кризиса 1997-1998 гг. многие валюты восточноазиатских стран были привязаны к доллару.

Однако, когда в мае 2001 г. (во время ежегодной сессии Азиатского банка развития), договоренность о валютных свопах получила свое конкретное развитие в виде заключения двусторонних соглашений между Японией и рядом государств ЮВА, тогдашний министр финансов США П. О'Нил заявил, что не имеет возражений против создания Азиатского валютного фонда¹⁶. Видимо, пришло понимание того, что до воплощения этой идеи в жизнь довольно далеко. Но развитие и укрепление механизмов обеспечения валютно-финансовой

стабильности на региональном уровне в свете начавшего в 2008 г. глобального финансового кризиса стало еще более актуальным, и шаги в этом направлении, как отмечалось выше, делаются.

Первоначально резко отрицательная американская реакция на региональные инициативы вызывалась тем, что они рассматривались как исключаящие или принижающие роль США в развитии общерегиональных экономических процессов. Позиция смягчалась, как только содержание подобных инициатив корректировалось или «разъяснялось» с учетом интересов Соединенных Штатов или корректировалась их собственная позиция. Так, например, в Вашингтоне на определенном этапе возобладала резко отрицательная точка зрения в отношении пакетов финансовой помощи со стороны МВФ странам, попадающим (из-за политики собственных правительств) в кризисную финансовую ситуацию. Но вот создание каких-либо чисто региональных структур, в данном случае в Восточной Азии, позволило бы США в большей степени держаться в стороне в случае возникновения кризисной ситуации в той или иной стране и предоставить возможность региональным структурам оказывать конкретную финансовую помощь.

Одной из очевидных проблем политики США по отношению к своим партнерам в западной части Тихого океана остается противоречие между стремлением добиться от них дальнейшей либерализации торговли и активным применением американского антидемпингового законодательства к этим государствам, и вообще, периодическим усилением протекционистских тенденций в Соединенных Штатах. В этом смысле характерно высказывание обозревателя «Интернэшнл Геральд Трибюн» Ричарда Дэйла, относящееся к началу президентства Дж. Буша-младшего: «В Вашингтоне говорят, что самые трудные торговые переговоры предстоят не между Соединенными Штатами и зарубежными государствами, а между Белым домом и Капитолийским холмом»¹⁷. Жизнь показала, что трудные переговоры пришлось вести на обоих фронтах, причем проблемы в переговорах с внешним миром чаще всего возникали из противоречий в позиции самих Соединенных Штатов, в том числе и из-за рецидивов протекционизма.

Кроме того, при Дж. Буше усилилась тенденция, отмечавшаяся еще во времена администрации Б. Клинтона, к так называемой «параллельной однополярности»¹⁸, то есть склонности соблюдать международные соглашения, но только до тех пор, пока они соответствуют интересам Соединенных Штатов.

Пара Соединенные Штаты – Китай

Для США, помимо взаимоотношений в рамках АТЭС или других региональных форумов и организаций, взаимодействие с крупнейшими государствами Восточной Азии уже давно имеют (Япония) или приобрели относительно недавно (Китай) самостоятельное значение.

Естественно, что для Соединенных Штатов Китай и Япония являются важнейшими контрагентами в АТР. Как показывает деятельность двух администраций Соединенных Штатов (Клинтона и Буша-младшего), акценты в политике Вашингтона по отношению к двум крупнейшим азиатским государствам с течением времени могут меняться и меняться довольно существенно в ответ на эволюцию ситуации в регионе. А главная «новость» последних двух десятилетий – «возвышение Китая».

В это же время, при всех колебаниях, американо-японский военно-политический союз постоянно провозглашался Вашингтоном в качестве краеугольного камня американской политики безопасности в АТР, а серьезные экономические трудности, которые Япония испытывала все 90-е годы прошлого века, сняли озабоченность Соединенных Штатов по поводу будущего «экономического вызова» со ее стороны.

При этом долгосрочный план передислокации американских вооруженных сил передового базирования предусматривает некоторое снижение зависимости Соединенных Штатов от баз в Японии и Южной Корее при возрастании роли о. Гуама и Гавайских островов (хотя там имеются серьезные ограничения по размещению военных объектов по доступной для этого территории – площадь островов все-таки не резиновая). Другая сторона этого процесса – снижение политических издержек размещения американских войск для, соответственно, американо-японских (союзнических) и американо-южнокорейских (партнерских) отношений.

Соединенные Штаты в принципе заинтересованы в стабильных двусторонних отношениях между крупнейшими восточноазиатскими державами – Китаем и Японией. В Вашингтоне, например, приветствовали ту работу, которую проделал премьер-министр Японии Ясуо Фукуда в короткий срок своего пребывания у власти в 2007-2008 гг. по снижению градуса напряженности в японо-китайских отношениях, возникшей во время пребывания во главе японского кабинета министров Дз. Коидзуми (2001 – 2007 гг.).

Администрация Дж. Буша-младшего с самого начала своей деятельности стала подчеркивать, что отношения с Японией являются главными для Вашингтона в Азии (особенно с учетом растущего соперничества в регионе с Китаем), как бы противопоставляя

это ситуации, сложившейся во время правления Б. Клинтона. Речь шла об акцентированной попытке «вернуть» Японию на первое место в американской политике в АТР. Однако ход событий показал, что в связи со стремительным наращиваем Китаем своей экономической мощи (при всем отставании от США по многим качественным параметрам) это было легче декларировать, чем осуществить на практике: баланс значения Японии и Китая в региональной стратегии Вашингтона продолжал смещаться в пользу Пекина.

Американское восприятие международной роли Китая и, соответственно, определение характера американо-китайских отношений постоянно эволюционируют в зависимости от складывающегося в Соединенных Штатах понимания стоящих перед страной проблем и задач по их решению в применении к двусторонним отношениям с азиатским гигантом и его роли в мире. Разные точки зрения на перспективы отношений с Китаем, на формулирование китайской политики Соединенных Штатов существуют в вашингтонской администрации, в Конгрессе, в деловых кругах и в среде многочисленного американского экспертного сообщества, прямо или косвенно следящего за Китаем.

Как правило, это является отражением борьбы двух линий в американской политике, неизбежно выливающейся в то или иное их сочетание, по вопросу о том какими должны быть отношения Вашингтона и Пекина в долгосрочном плане. Одна из этих линий нацелена на «сдерживание» Китая, прежде всего его растущей военной мощи, хотя и не только. Вторая – исходит из необходимости курса на вовлечение КНР в решение насущных мировых проблем, среди которых наиболее важной для Соединенных Штатов является участие Китая в поддержании безопасности в Восточной Азии, особенно в ее северной части. Другой важнейшей стороной линии на «вовлечение» является обеспечение выгодных для Соединенных Штатов условий в торгово-экономических связях с Китаем.

Администрация Клинтона, особенно во второй срок пребывания у власти, уделяла повышенное внимание Китаю в рамках своей стратегии «вовлечения» азиатского гиганта в мировую экономику, направленной на последовательное превращение в его «нормального» участника процесса мировой экономической интеграции. В 2000 г. американский Конгресс одобрил, наконец, предоставление Китаю статуса наиболее благоприятствуемой нации (т.е. нормального, недискриминационного статуса в торговле с Соединенными Штатами) на постоянной основе (до этого он продлевался Конгрессом каждый год), связав, однако, данное решение с достигнутой принципиальной договоренностью о вступлении Китая в ВТО, хотя реализовать эту договоренность сама администрация Клинтона не успела.

Приход к власти Дж. Буша-младшего внес определенные коррективы в оценку американской стороной перспектив развития отношений с Китаем. В сочетании

стратегического соперничества и сотрудничества, которые, скорее всего, будут определять характер взаимоотношений Соединенных Штатов с КНР в долгосрочном плане, акцент первоначально был смещен в сторону первого аспекта – стратегического соперничества. Так, внешнеполитический советник Буша во время президентской кампании, его будущий помощник по национальной безопасности, а затем госсекретарь Кондолиза Райс в статье, опубликованной в журнале «Foreign Affairs» в 2000 г., отмечала, что «Китай остается потенциальной угрозой для стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе... Китай недоволен ролью США в Азиатско-тихоокеанском регионе... и хотел бы изменить баланс силы в Азии в свою пользу. Одно это делает Китай стратегическим конкурентом, а не “стратегическим партнером”, как однажды назвала его администрация Клинтона»¹⁹.

Менее жесткой позиции придерживался госсекретарь в первой администрации Дж. Буша Колин Пауэлл, который соглашался с тем, что Китай – «потенциальный региональный соперник» Соединенных Штатов, но как динамично развивающееся государство является торговым контрагентом, которого следует готовить «к конструктивному партнерству»²⁰. Это практически совпадало с мнением тех руководящих деятелей государств Восточной Азии, которые считали, что Соединенные Штаты должны вовлекать Китай в стратегическое взаимодействие не только в качестве конкурента, но и партнера. Такая линия в отношении Китая преобладала и в деятельности Р. Зелика, сменившего во второй администрации Дж. Буша пост специального торгового представителя США на пост первого заместителя госсекретаря.

Двойственность отношения Вашингтона к Пекину и ее истоки можно проиллюстрировать следующими высказываниями. Так, упоминавшийся выше Дж. Келли, выступая в Комитете по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США 25 июня 2003 г., заявил: «Мы рассматриваем интеграцию Китая в региональные и международные организации и соглашения как позитивное развитие... Тем не менее, мы не можем игнорировать тот факт, что растущая экономическая мощь Китая создает конкуренцию за влияние в регионе, что делает более важным для Соединенных Штатов продолжать активное взаимодействие с нашими азиатскими союзниками»²¹. С другой стороны, по оценке китайского эксперта Совета по внешней политике Элизабет Экономы, «... политика Китая в отношении Соединенных Штатов является намного более последовательной, чем политика США в отношении Китая»²². Это, впрочем, не удивительно, учитывая огромную разницу в политических системах и политических традициях, в том числе в процессах и механизмах выработки внешней и внешнеэкономической политики.

Довольно емко озабоченность по поводу будущей роли Китая и необходимости выработки адекватной этому политики США сформулировали политический аналитик РЭНД корп. И. Медейрос и М. Фрэйвел из Олинского института стратегических исследований Гарвардского университета. Они считают, что усилия Китая в следующие два десятилетия будут сконцентрированы в основном на решении многочисленных внутренних проблем. Одновременно, Медейрос и Фрэйвел отмечали возросшую активность «новой дипломатии» Китая в международных организациях и в отношении различных международных проблем. А это, по их мнению, в будущем даст не только новые возможности, но и поставит американских и азиатских политиков перед новыми вызовами.

Эти эксперты полагают, что Вашингтон в формировании своих связей с Пекином и его азиатскими соседями должен исходить из реальности растущей региональной роли Китая. Поскольку Китай быстро превращается в мотор экономического роста в Азии, соответственно, растут его влияние и возможности это влияние оказывать. Хотя китайские аналитики, замечают Медейрос и Фрэйвел, считают, что их страна не сможет и не будет бросать вызов глобальному доминированию Соединенных Штатов в ближайшем будущем, американские эксперты не уверены в том же в отношении ситуации в (Восточной) Азии. Поэтому долгосрочная задача Соединенных Штатов, по их мнению, обеспечить, чтобы «новая дипломатия» Китая и его растущие возможности влиять на ситуацию в мире находились в соответствии с сохранением в нем стабильности и безопасности.

Прямая конфронтация с Китаем, пишут Медейрос и Фрэйвел, может привести к ненужной трате американских ресурсов и нарушению возникающего устойчивого баланса силы в (Восточной) Азии. С другой стороны, расширяющееся участие Китая в международных организациях (например, в ВТО – **В.А.**) парадоксальным образом дает возможности и средства для оказания влияния или давления на восприятие Китаем окружающего мира и политику преследования им своих национальных интересов не только со стороны Соединенных Штатов, но и других государств–членов соответствующих международных организаций, подытоживают Медейрос и Фрэйвел²³.

Уже первые месяцы пребывания Дж. Буша-младшего в Белом доме показали, что, наряду с ужесточением курса (который позже был значительно смягчен, особенно после 11-го сентября 2001 г.) по отношению к Пекину в военно-политических вопросах, решение проблем в экономической сфере продвигалось вперед, в том числе удалось, несмотря на некоторый первоначальный пессимизм с обеих сторон, окончательно согласовать позиции по вступлению Китая в ВТО, что открыло новую страницу во взаимоотношениях страны не только с Соединенными Штатами, но и мировой экономикой в целом.

Идеология подхода к Китаю

Для подхода Вашингтона к Пекину в последние 12-15 лет была характерна возросшая амплитуда колебаний курса Соединенных Штатов в двусторонних отношениях с азиатским гигантом при постепенном повышении внимания к месту КНР во внешнеполитических приоритетах США.

Для такого сочетания есть несколько причин. Но две из них кажутся наиболее важными.

Во-первых, длительное время цементирующим фактором в американо-китайских отношениях оставалось само существование СССР и известные сложности в отношениях между Москвой и Пекином, Москвой и Вашингтоном. С распадом Советского Союза США и КНР в своих взаимоотношениях остались как бы один на один в отличие от этапа советско-китайской конфронтации, а затем прохладных отношений двух соседей (начавших слегка теплеть практически только накануне распада Советского Союза). В рамках длительного периода холодной войны внешняя политика СССР толкала США и Китай (по разным причинам) к политическому и, до известной степени, экономическому сближению. С распадом Советского Союза исчез и этот фактор.

Какое-то время, по мнению ряда заинтересованных наблюдателей, в связи с изменением международной обстановки после окончания холодной войны внимание Соединенных Штатов к тихоокеанскому региону, а поэтому и к отношениям с Китаем и его роли в регионе ослабло, наряду с повышенным вниманием к ситуации в Европе, особенно в течение первого президентского срока Б. Клинтона²⁴.

В известном смысле такое положение продолжалось почти до конца прошлого десятилетия, что, в частности, проявилось и в довольно отстраненной реакции Соединенных Штатов на структурно-финансовый кризис 1997-1998 гг. в Восточной Азии.

Параллельно, однако, усиливалось значение второго фактора, оказавшего, без сомнения, решающее влияние на эволюцию американо-китайских отношений в последние годы – это существенное увеличение удельного веса КНР не только в региональной, но и в мировой экономике.

Быстрый экономический рост Китая, его стремительно расширяющаяся вовлеченность в мировые торговые, инвестиционные и финансовые потоки и, соответственно, увеличение военно-политических возможностей привело многих американских аналитиков к выводу, что американо-китайские отношения становятся ключевыми в АТР. Есть, правда, противоположная точка зрения, также получившая

распространение в американском экспертном сообществе. Согласно ей – несмотря на признание растущей роли Китая, признания того, что он является потенциальным стратегическим соперником США, все же в центре внимания американской политики в АТР должны быть союзники Вашингтона в регионе, и среди них, прежде всего, – Япония, Австралия, Сингапур, Филиппины, Таиланд и т.д. Однако на практике в последние годы это не очень получалось.

В подходах Соединенных Штатов к Китаю при администрациях Клинтона и Дж. Буша-младшего, несмотря на реальные и декларированные различия между ними, есть очевидная преемственность. Американо-китайские отношения в целом последовательно развивались и улучшались, несмотря на периодически возникавшие напряженности военно-политического (по поводу Тайваня, бомбардировки посольства КНР в Белграде, Хайнаньского инцидента и т.д.) и экономического характера (растущий торговый дефицит США в торговле с Китаем, обменный курс юаня, элементы протекционизма с обеих сторон и т.п.).

И при Клинтоне, и при Буше предпринимались дальнейшие шаги к политическому и экономическому сближению Вашингтона с Пекином:

среди политических – знаменитые три «нет» Клинтона, сформулированные им во время визита в Китай в 1998 г. (обязательства Соединенных Штатов: не признавать независимости Тайваня; не поддерживать формулу двух Китаев; не поддерживать прием Тайваня в какую-либо организацию, которая требует государственности как условия для членства в ней)²⁵;

среди экономических – курс на вовлечение Китая в институциональные структуры мировой экономики посредством форсирования его принятия в ВТО.

Так, администрация Клинтона во второй срок пребывания у власти уделяла повышенное внимание Пекину в рамках своей стратегии «вовлечения» азиатского гиганта в мировую экономику, направленной на его превращение в «нормального» участника процесса мировой экономической интеграции. Аргументируя достижение принципиальной договоренности (2000 г.) о поддержке Соединенными Штатами вступления Китая в ВТО, помощник Клинтона по национальной безопасности С. Бергер и экономический советник президента Д. Сперлинг подчеркивали: это подтолкнет развитие Китая «в правильном направлении», подорвет позиции сторонников сохранения жесткой политической системы, а также будет способствовать развитию в стране экономической и политической свободы. Правда, оба признавали, что членство в ВТО не давало гарантий, что китайские лидеры сделают выбор в пользу политических реформ²⁶. Но курс на втягивание Китая в

международные рыночные институты считался вполне оправданным (эта логика почему-то не сработала в отношении России, впрочем, видимо потому, что ее экономическое значение для США несопоставимо ниже китайского).

В политике администрации Дж. Буша поначалу был ярко выражен синдром так называемой политики АБС (anything but Clinton – все, что угодно, только не политика Клинтона), но отношения с Китаем быстро вырулили на долгосрочный курс «втягивания» его в мировую экономику и политику «в качестве ответственного игрока».

Уже в начале июня 2001 г. Вашингтоном и Пекином был очерчен окончательный круг важнейших вопросов для взаимного обсуждения в процессе принятия Китая в ВТО. В течение второго полугодия 2001 г. администрация Буша добилась от Конгресса окончательного согласия на предоставление КНР нормального торгового статуса на постоянной основе (соответствующую прокламацию Буш подписал 27 декабря 2001 г.). Таким образом, практически одновременно с вступлением Китая в ВТО с 1-го января 2002 г. было прекращено действие пресловутой (особенно для России) поправки Джексона–Вэника от 1974 г. к Закону о торговле США, требовавшей возобновления этого статуса ежегодно на основе одобрения Конгрессом²⁷.

Конечно, большую роль в корректировке курса Соединенных Штатов по отношению к Китаю сыграли события 11 сентября 2001 г., дополнительно стимулировав вашингтонскую администрацию к проведению политики активного вовлечения Китая в мировые дела в качестве ведущего игрока, без участия которого не могут быть решены многие международные проблемы. Однако пересмотр курса новой администрации по отношению к Китаю в сторону «смягчения» начался еще летом 2001 г. Об этом, в частности, говорит тот факт, что уже в сентябре возобновились американо-китайские официальные контакты по военной линии, прерванные из-за «Хайнаньского инцидента». Они прошли 14-15 сентября, т.е. должны были быть подготовлены задолго до теракта 11 сентября (правда, развитие контактов между Китаем и США на высшем военном уровне было заморожено вплоть до осени 2005 г., но это уже было связано с позицией китайской стороны).

Рассматриваемый двойственный подход Вашингтона к Пекину довольно четко отражен в двух Стратегиях национальной безопасности США (СНБ), подписанных Дж. Бушем. Так, в СНБ-2002 (сентябрь 2002 г.) в разделе «Выработка повестки дня для совместных действий с другими основными центрами силы в мире» в тексте, посвященном Китаю (который тогда шел вслед за Россией), отмечалось, что для Соединенных Штатов «отношения с Китаем являются важной частью стратегии на создание стабильного, мирного и процветающего Азиатско-тихоокеанского региона».

Соединенные Штаты в этом документе приветствовали «возникновение сильного, мирного и процветающего Китая», особо напоминая о том, что «демократическое развитие страны имеет решающее значение для ее будущего». Одновременно в том же документе выражалась озабоченность, что «спустя четверть века со дня начала избавления от худших черт коммунистического наследия китайские лидеры все еще не приступили к принятию решений по фундаментальным вопросам, которые должны определить характер китайского государства». Тут же особо подчеркивалось, что «преследуя цель обладания современными военными возможностями, угрожающими его соседям по АТР, Китай идет по устаревшему пути, который, в конечном итоге, задержит осуществления его собственной цели – достижения национального величия».

Наряду с признанием существования областей, где Соединенные Штаты и Китай имеют глубокие разногласия, в СНБ-2002 одновременно подчеркивалось, что США преследуют цель установления «конструктивных отношений с изменяющимся Китаем», будут работать над «сужением различий там, где они есть», не позволяя этим различиям препятствовать сотрудничеству в тех областях, где «у нас есть согласие»²⁸.

В подписанной в марте 2006 г. новой Стратегии национальной безопасности США (СНБ-2006) Китаю уделено значительное внимание в разделе «Восточная Азия», который начинается с характеристики этого региона как региона «огромных возможностей и затянувшихся трений». И тут же подчеркивается, что Соединенные Штаты – тихоокеанская держава с обширными интересами в Восточной и Юго-Восточной Азии. Что являлось как бы ответом на критику того, что Вашингтон слишком увлекся другими проблемами.

В части раздела, посвященного Китаю, вновь говорится о том, что его трансформация все еще носит незавершенный характер (т.е. вектор политического развития Китая все еще не ясен). Здесь же повторен тезис Р. Зелика о том, что, поскольку Китай становится глобальным игроком, он должен действовать как ответственный участник («*responsible stakeholder*») мировой системы, выполняя свои обязательства и работая вместе с Соединенными Штатами и другими государствами, чтобы обеспечить ее успешное развитие. Впервые этот тезис был озвучен Зеликом в его основополагающей речи (большинство положений которой вошли в оценку Китая в СНБ-2006) об отношениях США с Китаем, которую он произнес в качестве первого заместителя госсекретаря перед Национальным комитетом по американо-китайским отношениям в сентябре 2005 г. В этой речи Зелик особо подчеркнул, что для Соединенных Штатов и всего мира существенным является вопрос: каким образом Китай будет использовать свое влияние в будущем? «Для того чтобы ответить на этот вопрос настало время пойти дальше нашей политики открытия дверей для участия Китая в мировой системе.

Нам необходимо призвать Китай стать *ответственным участником (responsible stakeholder – выд. Р.З.)* в этой системе»²⁹.

СНБ 2006, оценивая успехи Китая и его потенциал, называя области сотрудничества (борьба с терроризмом, распространением оружия массового поражения, энергетическая безопасность), вновь призывала Китай развиваться по пути демократии и большего открытия страны миру, вновь делала акцент на том, что «лидеры Китая должны осознать»: они не могут идти по мирному пути развития одновременно сохраняя подходы старого мышления, а именно: продолжая увеличение военного потенциала нетранспарентным путем; расширяя торговлю, но действуя таким образом, чтобы «запирать» (точнее, замыкать только на себя) источники энергии по всему миру, пытаясь найти прямые подходы к рынкам вместо того, чтобы открывать их (видимо, для всех – **В.А.**), и поддерживая богатые ресурсами страны, не обращая внимания на внутреннюю политику их режимов («неправильное управление», т.е. отсутствие демократии – **В.А.**) или их неправильное поведение на мировой арене. В конце указанного раздела СНБ-2006 говорится, что стратегия Соединенных Штатов направлена «на то, чтобы поощрить Китай сделать правильный стратегический выбор в интересах его населения», и в то же время на то, чтобы «быть застрахованными от других возможностей развития событий»³⁰.

Меры страховки не уточнялись, но, как всегда у американцев, они, естественно, сочетают в себе разнообразные шаги политического, экономического и военного характера.

Экономическое взаимодействие

Еще один новый, возникший буквально в последние пять-семь лет, очень важный аспект двусторонних американо-китайских отношений: перевод противоречий в экономическую область. Или иначе: перенос акцента в двусторонних отношениях в не менее острую, но гораздо менее опасную, с точки зрения вероятности военного противостояния или конфронтации, область – экономических взаимоотношений.

Масштабному и стремительному «проникновению» Китая в мировую торговлю (в 1990 г. внешнеторговый оборот Китая составлял около 117 млрд. долл., в 2000 г. – 474 млрд., а в 2007 г. – уже 2173 млрд. долл.)³¹ в немалой степени способствовал огромный американский рынок, куда китайская продукция идет либо напрямую, либо через Гонконг, а также косвенным образом – в виде комплектующих в составе готовой продукции других, в основном восточноазиатских, стран.

В результате, к началу нынешнего десятилетия Соединенные Штаты превратились в крупнейший экспортный рынок Китая и во второго по величине (после Японии) его торгового партнера. В свою очередь, Китай стал для Соединенных Штатов четвертым торговым партнером (после Канады, Мексики и Японии). Кроме того, Соединенные Штаты к концу 1990-х годов заняли третье место по объему инвестиций в китайскую экономику после Гонконга и Тайваня³².

Наступление Китая на рынок США продолжалось (с немалой помощью американского бизнеса, использующего Поднебесную в качестве источника разнообразной дешевой продукции). По состоянию на 2008 г. в американском экспорте Китай оставался на 4-м месте (его доля – 5,2%), но по доле в американском импорте он даже обогнал (правда, всего на 0,1 процентного пункта) Канаду, выйдя на первое место (16,1%). В целом же внешнеторговый оборот Соединенных Штатов с основными торговыми партнерами в 2008 г. распределялся следующим образом (млрд. долл.): с Канадой – 559, Китаем – 405, Мексикой – 348 и Японией – 200³³. Как видим, Япония, будучи еще совсем недавно главным торговым партнером США в Азии, уступает теперь Китаю в два раза. В свою очередь, по данным за 2007 г., Соединенные Штаты занимали 1-е место в китайском экспорте и 3-е место – в импорте. Согласно китайской статистике торговый оборот Китая с США составлял 309 (данные китайской и американской внешнеторговой статистики продолжают сильно расходиться), а с Японией – 236 млрд. долл.³⁴

Изменение баланса торговых связей в треугольнике США-Китай-Япония, которое вполне может продолжиться и в перспективе, отражается также в том, что в 2007 г. (календарном, поскольку есть еще статистика за финансовые годы) Китай впервые вышел на 1-е место во внешнеторговом обороте Японии (238 млрд. долл.), обогнав США (214 млрд.): правда в японском экспорте Соединенные Штаты сохраняли ведущие позиции, опережая Китай (143 и 128 млрд. долл., соответственно), но в японском импорте Китай продолжал занимать 1-е место шестой год подряд³⁵.

Конечно, начавшийся в 2008 г. кризис внесет свои коррективы в эту статистику. Но в данном случае важны следующие тенденции: а) во внешней торговле Соединенных Штатов Китай стремительно занял ведущее место, уступая по ее общему объему только Канаде; б) Япония, потеряв (относительно) свои прежние позиции в торговле США, остается их важнейшим партнером в регионе (по совокупности экономических и военно-политических связей); Соединенные Штаты продолжают быть одним из двух ведущих торговых партнеров Японии, но уступают первое место Китаю – в текущем, 2009 г., он обогнал США (по месячным данным) в качестве основного рынка сбыта для японских товаров, чему во многом

способствовали меры китайского правительства по стимулированию национальной экономики, повлиявшие на возросший спрос на некоторые виды японской продукции³⁶.

Бурный рост американо-китайской торговли, однако, сопровождался усугублением проблемы хронического дефицита в ней для США. Эта проблема стала одной из самых острых в экономических взаимоотношениях двух стран³⁷. Аналогичная ситуация, складывавшаяся в американо-японских экономических связях в 1980-е годы, вызвала давление Соединенных Штатов на Японию по торговым (известные «торговые войны» – текстильная, автомобильная и проч.) и валютным вопросам³⁸.

Поэтому атаки на Китай по экономическим вопросам перед нынешним кризисом в известной мере напоминали «наезд» Вашингтона на Токио в 1980-е годы, когда многие в Соединенных Штатах всерьез строили прогнозы, по которым Япония в 1990-е годы должна была обогнать ведущую державу мира по экономической мощи (кстати, в последние годы в США было весьма распространено и самозапугивание «китайской угрозой»). Правда, представляется, что фактических возможностей политического давления на Китай в экономических вопросах у США все же меньше, чем в случае с Японией, поскольку, в отличие от Токио, Пекин не является младшим партнером Вашингтона в политическом альянсе и менее подвержен прямому давлению.

Некоторые проблемы экономических взаимоотношений с Китаем особенно остро ставятся в Соединенных Штатах в рамках предвыборной полемики, как это происходило, например, в президентской кампании 2004 г. Тогда демократы акцентировали «проблему утечки рабочих мест» из США в Китай (в меньшей степени – в Индию). При этом причитания по поводу потери рабочих мест часто носят характер искусственно нагнетаемой истерики, воспринимались в основном с точки зрения внутривнутриполитического потребления, а также в качестве аргумента для получения от Китая каких-либо уступок, выгодных Соединенным Штатам в целом и американскому бизнесу, в частности.

В свою очередь, республиканская администрация, чтобы не быть обвиненной в игнорировании интересов бизнеса и наемных работников (или профсоюзов) страны, начала эксплуатировать вопрос о «заниженном» курсе юаня, хотя особой реальной заинтересованности в решении поднимаемого вопроса у нее, по ряду признаков, не было.

Некоторые американские аналитики полагали, что на самом деле республиканская администрация была не слишком озабочена «заниженным» курсом юаня и его жесткой привязкой к доллару. Так, упоминавшийся выше Р. Зелик, находясь на посту специального торгового представителя, неоднократно ясно давал понять, как и другие официальные представители американской администрации, что Соединенные Штаты не пойдут на поводу

требований со стороны разных лоббистских групп (компаний обрабатывающей промышленности, крупнейшего профсоюзного объединения страны АФТ-КПП, некоторых сенаторов и конгрессменов) и не будут оказывать давление на Китай с тем, чтобы он немедленно ревальвировал свою валюту³⁹. Тем более что последствия этого шага (в случае существенной ревальвации, особенно аналогичной той, что имела место с японской иеной во второй половине 1980-х годов) для американской экономики были бы далеко не однозначными (впрочем, китайское руководство не допустило бы такой ревальвации ни при каких обстоятельствах).

Администрация США, судя по всему, была вполне удовлетворена достигнутой двусторонней договоренностью с китайской стороной «о постепенном решении» вопроса регулирования обменного курса юаня. А тема его ревальвации поднималась по чисто внутривнутриполитическим соображениям. Тем более, что договоренность «о постепенном решении вопроса» начала осуществляться в июле 2005 г., когда китайское руководство сделало (в своем стиле) первый небольшой шаг (или даже шагжок), перейдя от фиксированного курса юань/доллар к «управляемому» обменному курсу юаня по отношению к корзине валют (информация о структуре которой остается закрытой).

Реальный смысл указанной меры, скорее всего, заключался в начале отработке системы по регулированию плавающего курса юаня, хотя это можно было представить и в качестве уступки американцам. Тем не менее, 2,1%, на которые юань был ревальвирован, получили одобрение – как со стороны американской администрации, так и ряда сенаторов, выступавших за торговые санкции – в качестве первого шага к установлению режима определения обменного курса юаня в соответствии с рыночной конъюнктурой и способного, таким образом, хотя бы частично корректировать дисбалансы во внешней торговле Китая с другими странами⁴⁰.

Сопrotивляясь внутривнутриполитическому давлению по одним вопросам торгово-экономических связей с Китаем, администрация Соединенных Штатов, с другой стороны, продолжает выборочно использовать против него антидемпинговые процедуры, особенно активно настаивая на соблюдении Китаем правил и процедур ВТО в области патентного права и прав интеллектуальной собственности. Эти проблемы довольно часто поднимаются для оказания на Китай давления по определенным торгово-экономическим вопросам, представляющим особый интерес для американского бизнеса. В целом следует отметить, что давление на Пекин по вопросам обеспечения прав интеллектуальной собственности, скорее всего, будет, как минимум, не ослабевать по мере усиления экономического взаимодействия США с Китаем.

Для Соединенных Штатов возрастание экономической мощи КНР, ее удельного места в мировой экономике имеет немало серьезных последствий. Одна из важнейших – практически 100-процентная вероятность обострения конкуренции между двумя гигантами за доступ к внешним источникам природных ресурсов, прежде всего энергоресурсам, поскольку уже сейчас обе страны являются их крупнейшими импортерами.

И на самом деле ситуация в этой области может принять серьезный оборот. Некоторые американские эксперты считают неизбежными экономические «баталии», столкновения, схватки и т.п. за доступ к ресурсам между основными потребителями энергии и сырья, в том числе и, может быть, прежде всего, между США и Китаем. Такая обеспокоенность прямо отражена в выше приведенных положениях СНБ-2006.

Появляются или ужесточаются некоторые торгово-экономические ограничения, поскольку появилась новая практика – зарубежная инвестиционная активность китайских компаний, в т.ч. государственных, направленная на доступ к сырью и технологиям. Накладываются ограничения на покупку американских активов (в частности, известный пример в нефтяной отрасли США– Unocal Corp.), но внешне это нельзя считать чисто антикитайской мерой (хотя данный мотив с точки зрения национальной безопасности и мог быть решающим), поскольку к таким же шагам прибегают и развитые страны в отношении компаний друг друга, в т.ч. в рамках единой Европы (ЕС).

Другая сторона медали – разрешение на продажу компьютерного бизнеса IBM китайской компании Lenovo и выдвижение впоследствии рядом конгрессменов требования о не использовании компьютеров производства китайской компании в работе американских государственных учреждений, носящей, как минимум, служебный характер, не говоря уже о других степенях секретности⁴¹.

Такие примеры показывают, что расширение масштабов экономического взаимодействия между Вашингтоном и Пекином, скорее всего, все больше и больше будет вступать в противоречие с сохраняющимся серьезным политическим недоверием к Китаю в Соединенных Штатах.

США – Китай и третьи страны и региональные организации

Значительное влияние на выработку и корректировку американского подхода к Китаю оказывают различные сочетания трехсторонних и многосторонних (за пределами треугольников) отношений в АТР и за его пределами. Фактор Китая, естественно, присутствует в политике Вашингтона по отношению к третьим странам, причем в ряде

случаев его влияние может быть более заметно, чем в других. Например, он явно влияет на сближение или нормализацию отношений США с такими соседями Китая, имеющими собственную «китайскую фобию» или испытывающие к нему настороженность как Монголия и Вьетнам.

Вьетнам, скажем, озабочен растущей мощью северного соседа и его возможностями оказывать давление по различным экономическим и политическим вопросам, и заинтересован в развитии отношений с балансирующими силами, среди которых США – на первом месте. Следует сказать, что это совпадает и с интересами Соединенных Штатов: иметь друзей, союзников, партнеров вокруг Китая.

Однако, прежде всего, представляет интерес, конечно, изучение влияния отношений США с такими важными региональными игроками как Япония и Индия на эволюцию американо-китайского партнерства – противостояния. В этом плане может быть особо важен вопрос динамики соотношения влияния Соединенных Штатов, Японии и Китая на региональные торговые, финансовые и инвестиционные потоки, в целом их роли в экономике и политике в западной части Тихоокеанского бассейна.

В американском подходе к условному треугольнику США–Япония–Китай при Клинтоне и Буше были отмечены разные акценты при общем понимании того, кто союзник Соединенных Штатов, а кто – нет.

Администрация Клинтона уделяла повышенное внимание Китаю в ущерб, как считали многие американские (и японские) эксперты, вниманию, оказывавшемуся Японии, а если это внимание и проявлялось, то с упором на негативные аспекты положения в японской экономике (ее «нереформируемости», необходимости предпринять меры для оживления хозяйственной конъюнктуры и т.п.).

Республиканская администрация сразу декларировала отход от этой политики и повышение внимания к сотрудничеству с Японией, которая в американских приоритетах должна стоять впереди Китая. Да, акценты в американо–японских отношениях были смещены в позитивную сторону, особенно в сфере внешнеполитического сотрудничества. В различных документах, выступлениях высших должностных лиц республиканской администрации подчеркивается, что при Буше и Коидзуми (в чем немалая заслуга последнего) американо-японские отношения являются наилучшими за многие годы (установились и тесные личные отношения между двумя лидерами). Тем не менее, по объективным причинам роль Китая в треугольнике США–Япония–Китай в целом не только не снизилась, но продолжала повышаться.

Во-первых, новые задачи, стоящие перед США после событий 11 сентября 2001 г., потребовали нового характера сотрудничества с Китаем. Во-вторых, совершенно новое звучание в американо-китайских отношениях приобрела ядерная (ракетно-ядерная) программа Северной Кореи, а для Вашингтона сотрудничество Пекина в решении указанной проблемы является весьма ценным, если не критически важным. Сближение позиций США и Китая по этому вопросу рассматривается как важный сдвиг, как движение в крайне необходимом для Вашингтона направлении, хотя периодически и высказывались оценки, что давление Китая на КНДР остается недостаточным.

С точки зрения американо-китайских отношений для США заметно возросла в последнее время важность Индии, что повлияло на конкретные шаги, предпринятые американской администрацией в отношении Индии, в частности, в вопросе о сотрудничестве в ядерной энергетике, что стало известным сюрпризом для некоторых ближайших союзников США в АТР (Японии и Австралии). Здесь, конечно, важен аспект прогнозируемого усиления индийско-китайского соперничества, особенно в АТР – как военно-политического, так и экономического, и роли в этом США.

Ближайшие союзники Вашингтона в АТР явно не хотят американо-китайской конфронтации. Для этого, помимо всего прочего, есть серьезные экономические причины. Китай превращается во все более важную часть мировой экономики, особенно с точки зрения объема его внутреннего рынка, как, впрочем, и поставщика на мировой рынок относительно дешевой продукции, технологический уровень которой растет. Усиливается роль Китая в развитии экономического сотрудничества в Тихоокеанской Азии, что напрямую затрагивает интересы союзников США по АТР, поскольку это сотрудничество сулит большие возможности для взаимовыгодной кооперации экономик стран региона.

Между тем, Соединенные Штаты, в свое время вмешавшиеся в формирование форума АТЭС и его повестки дня, выражают обеспокоенность по поводу проходящего без их участия развития процесса регионального экономического сотрудничества в рамках АСЕАН+3 (Япония, Китай и Южная Корея) и становления упоминавшегося выше Восточноазиатского сообщества, куда, помимо участников процесса АСЕАН+3, вошли также Индия, Австралия и Новая Зеландия. Такие союзники Вашингтона как Япония и Австралия пытаются подключить Соединенные Штаты к обоим процессам, но Китай не испытывает энтузиазма по этому поводу. И это, конечно, вызывает недовольство со стороны США.

Активизация региональных и субрегиональных процессов экономического сотрудничества в Тихоокеанской Азии в направлении возможного начала региональной экономической интеграции создает для Соединенных Штатов новую ситуацию, поскольку

ранее вопросы институционального обеспечения развития регионального экономического сотрудничества обсуждались (с достижением определенных, хотя и не всегда четких, договоренностей) в рамках АТЭС.

Отношения в военной области

Здесь, прежде всего, следует отметить три момента.

Первый – постоянная критика со стороны США относительно отсутствия транспарентности военного строительства Китая, его военных программ, «чрезмерности» военных усилий Китая. В четырехлетнем оборонном обзоре (Quadrennial Defense Review Report 2006), в частности, говорится, что Китай «имеет наибольший потенциал для военной конкуренции с Соединенными Штатами»⁴². Те же темы присутствуют и в ежегодных докладах Пентагона Конгрессу о военной мощи Китая, вызывающие обычно в Пекине резкую критику. По словам Дэна Блюменталья, научного сотрудника по делам Азии в Американском институте предпринимательства (American Enterprise Institute) и бывшего старшего директора по Китаю и Тайваню в Офисе министра обороны США, Пентагон и администрация Буша в целом предпринимали меры по недопущению появления любой региональной военной гегемонии на Тихом океане. Они включали «повышение уровня союзнических отношений с Японией для усиления возможностей сдерживания». «Открытие стратегических отношений с Индией отражает частью желание Америки не допустить приобретение Китаем гегемонии в Южной или Центральной Азии. Расширение присутствия атакующих подлодок флота США на Гуаме также увеличивает возможности Америки на Тихом океане. А нарождающиеся отношения в военной области с Вьетнамом с течением времени могут предоставить американским военным то, в чем они нуждаются больше всего в Азии – больше баз»⁴³.

Однако далее Блюменталь более критичен. Он считает, что, принимая во внимание последний на тот момент (май 2006 г.) доклад Пентагона Конгрессу о военной мощи Китая, он уже изменил баланс силы в Азии, и для Америки наступила последняя возможность серьезно отнестись к сдерживанию потенциально наихудших черт поведения Китая и дать союзникам в регионе обновленную уверенность в американском зонтике безопасности.

К сожалению, пишет Блюменталь, «мы только начинаем браться за эту пугающую стратегическую цель. Наша китайская политика запаздывает по времени и в выделении ресурсов, когда возникает вызов, исходящий от скорости военного строительства Пекина». Далее автор говорит: об имеющихся ограничениях в возможностях по защите Тайваня; о

необходимости наращивать военные средства сдерживания Китая, что увеличит свободу действий в регионе; необходимости преодоления последствий в основном реактивной политики в отношении Китая, «осознания того, что стратегия превращения Китая в ответственного глобального игрока работает только тогда, когда вы понимаете, где она не работает». Правда, это мнение только одного крыла американского военного истеблишмента. М. Дан (генерал-лейтенант ВВС в отставке, президент Национального военного университета США), приславший мне эту статью, выразил полное несогласие с оценками автора⁴⁴.

Тем не менее, вызывает озабоченность секретность данных: о военных расходах, которые, по оценкам Пентагона, выше публикуемых; о китайской стратегии военного строительства; целях применения вооруженных сил, хотя некоторые китайские оценки в открытой печати появляются (в частности, о необходимости развития океанского флота для обеспечения надежности морских коммуникаций, по которым в страну поставляются энергетические и другие ресурсы). И такая озабоченность представляется вполне обоснованной. Однако постепенное движение Китая к большей открытости своих военных программ исключать нельзя. Это, скорее всего, вопрос времени и укрепления взаимного доверия.

Второй момент – наложение собственных ограничений и давление на союзников с целью лимитировать военно-техническое сотрудничество с Китаем и поставки ему передовых технологий, имеющих военное применение. При этом, однако, министерство торговли Соединенных Штатов предложило внести изменения в практику регулирования экспорта технологий с тем, чтобы дать американским компаниям эффективно конкурировать на китайском рынке с другими поставщиками технологии исключительно гражданского назначения, поскольку для многих американских компаний Китай являлся (до кризиса 2008 г.) наиболее быстро растущим экспортным рынком. Здесь преследуются две цели: а) иметь более жесткие ограничения (с четкой системой контроля) на поставку особо чувствительных технологий, сочетая это с призывом к другим странам, прежде всего, к европейским, а также к Японии, принимать аналогичные меры⁴⁵; б) не накладывать излишних ограничений на поставку некритичных технологий и таким образом помогать американским компаниям закрепляться на китайском рынке.

Соединенные Штаты внимательно следят за развитием отношений с КНР своих союзников по НАТО. Вашингтон очень беспокоит судьба европейского эмбарго на продажу оружия Китаю. Кроме того, Соединенные Штаты, очевидно, будут и дальше стараться сдерживать стремление своих союзников поставлять Китаю высокотехнологичную

гражданскую продукцию, не говоря уже о продукции военного назначения. Один из примеров – жесткая реакция Соединенных Штатов в отношении Израиля (май-июнь 2005 г.), намеревавшегося поставить в КНР высокоточное военное оборудование, включавшего американские разработки.

Третий момент – развитие разнообразных контактов с вооруженными силами КНР для получения большей информации о программах вооружений, подготовке кадров, военном планировании и стратегическом мышлении руководства ВС КНР. Соединенные Штаты уже не первый год пытаются втянуть Народную армию Китая в участие в конференциях на высшем военном уровне, в военные обмены и т.п. Однако китайская сторона продолжает проявлять в этом отношении сдержанность, хотя контакты по военной линии начали развиваться. Осенью 2005 г. состоялся первый визит в Китай Д. Рамсфельда в качестве министра обороны (впервые он был в Пекине вместе с Г. Киссинджером в 1974 г.). Затем, в мае 2006 г., Китай посетил тогдашний глава Тихоокеанского командования ВС США адмирал У. Фелон, прошедший интенсивный недельный диалог с китайскими военными лидерами. При этом он признавал, что США и Китаю придется пройти длинный путь в развитии подлинных контактов по военной линии⁴⁶.

Но в последующие годы военные контакты, в т.ч. на высоком уровне, получили свое развитие и не воспринимаются более как нечто экстраординарное, хотя и здесь сохраняются свои нюансы с китайской стороны.

Вопрос Тайваня

И, конечно, свое особое место во взаимоотношениях США с Китаем продолжает занимать вопрос Тайваня. Фактор Тайваня – постоянный раздражитель в двусторонних отношениях, хотя степень этого раздражения подвержена колебаниям и в последние несколько лет в значительной степени сошла на нет, хотя какой-то потенциал к временному возврату напряженности, вероятно, не исчез.

Если посмотреть на практику относительно недавнего прошлого, то, например, в апреле 2002 г. Дж. Буш подписал принятый Конгрессом закон о поддержке Соединенными Штатами предоставления Тайваню статуса наблюдателя при Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), что, по мнению китайской стороны, нарушало обязательства США, взятые на себя в рамках «политики одного Китая» (приверженность которой после «трех нет» Клинтона подтвердила к тому времени и республиканская администрация)⁴⁷.

С другой стороны, Соединенным Штатам совершенно не нужна конфронтация с Китаем в вопросе о Тайване. Администрация Буша недвусмысленно заявляла тайваньскому руководству в конце 2003 г. - начале 2004 г. в связи с предстоящими на острове выборами президента о нежелательности каких-либо шагов со стороны Тайваня, которые могли бы обострить ситуацию в Тайваньском проливе. Поскольку какое-то время американцы опасались, что руководство Тайваня, судя по его поведению, не совсем осознавало серьезность сигнала (видимо, рассчитывая на весьма влиятельное и активное протайваньское лобби как в экспертном сообществе США, так и в Конгрессе) из Вашингтона, последний продолжал подчеркивать нежелательность каких либо односторонних действий. Так, в СНБ-2006 говорилось, что Китай и Тайвань должны решить свои разногласия мирным путем без принуждения (намек на возможные действия Китая) и без принятия односторонних действий как Китаем, так и Тайванем⁴⁸.

Конечно, американцы вряд ли отойдут от позиции предоставления Тайваню гарантий безопасности (в т.ч. с учетом принятого Конгрессом закона о защите Тайваня), а КНР – не откажется от стратегии «поглощения» острова, хотя бы и первоначально формального.

Интересна в этой связи точка зрения, высказанная известным китайским специалистом-международником, директором Института Азиатско-тихоокеанских исследований китайской Академии общественных наук Чжан Юнлинем. Он высказывал мнение, что, «поскольку Китай получает выгоду от присоединения к мировой системе, управляемой Соединенными Штатами», китайско-американские отношения не являются конкурентными, а единственной остающейся основой для возможного конфликта является Тайвань⁴⁹.

Заключение

Таким образом, факторов, которые будут влиять на китайскую политику Соединенных Штатов, набирается достаточно много. Вопрос в определении наиболее важных из них и стабильных, долгосрочных по характеру действия.

Отсутствие адекватного по силе военно-политического соперника у США не означает, однако, отрицания возможности усиления соперничества в сфере экономики (сюда относится и доступ к рынкам, источникам ресурсов и инвестиций) и за политическое влияние. И таким наиболее вероятным соперником для Соединенных Штатов в регионе является, безусловно, Китай. А наиболее вероятные перспективы развития американо-

китайских отношений находятся на пути подвижного сочетания конкуренции и сотрудничества.

Внешнеполитическая активизация Китая на основе быстрого экономического роста, потребность обеспечить поддержание этого роста доступом к внешним ресурсам и стабильным внешним окружением заметно расширила сферу взаимодействия с США в экономической, политической и военно-политической областях – как с точки зрения возможностей для сотрудничества, так и столкновений (политических) различной степени остроты.

Так называемые неоконсерваторы в американском истеблишменте, включая представителей этого политического направления в администрации Буша (часть из которых, правда, во второй срок ее пребывания у власти потеряла свое влияние, а некоторые – и посты), полагали и продолжают полагать, что объективное геополитическое стремление Китая усилить свои позиции в АТР приведет к повышению градуса соперничества Вашингтона и Пекина за региональное лидерство. Судя по многочисленным американским публикациям, мнение о том, что снижение американской роли в АТР – одна из целей региональной стратегии Китая, является в Соединенных Штатах достаточно распространенным.

Не только в американском экспертном сообществе, но и на политическом уровне (в Конгрессе, Белом Доме), скорее всего, продолжится модификация курса на сочетание «сдерживания» Китая и его «конструктивное вовлечение» в мировые дела в рамках конкуренции за лидерство, по крайней мере, в АТР в сочетании с партнерством там, где для Соединенных Штатов это представляет несомненный интерес. Поэтому курс на поощрение Китая стать «ответственным участником мировой системы», курс на «демистификацию» Китая для США и «демистификацию» США для Китая, как в свою бытность министром обороны выразился Д. Рамсфельд⁵⁰, сохранится при одновременном военно-политическом «хеджировании» (хотя этот термин стал не очень популярным в последнее время из-за деятельности хедж-фондов в преддверии нынешнего экономического кризиса), важной частью которого будут военные усилия Соединенных Штатов, включая долгосрочную реорганизацию их вооруженных сил на Тихом океане.

Можно утверждать, что политика США в АТР, при всех ее тактических изменениях (как под воздействием ситуации внутри Соединенных Штатов, так и в связи с экономическими и политическими переменами в регионе и мире), стратегически остается направленной на вовлечение как можно большего числа государств региона в процессы либерализации международных торгово-экономических отношений. Для этого Вашингтоном

могут использоваться различные формы подхода к либерализации, как-то: открытые региональные блоки типа АТЭС, двусторонние соглашения о свободной торговле и т.п.

Конечно, Соединенные Штаты будут сталкиваться в Азиатско-тихоокеанском регионе и с попытками (или процессами) образования более замкнутых, чем в настоящее время, региональных блоков, и с «особой позицией» некоторых государств, особенно Китая. Однако это вряд ли остановит общую тенденцию развития многостороннего сотрудничества, преобладающую в АТР в последние десятилетия, несмотря на периодически возникающие трудности и препятствия, которые в конечном итоге оказываются преодолимыми. Большую роль в закреплении этой тенденции будет играть соотношение в АТР сил «протекционизма», «особых ценностей» и сил тех, кто выступает за максимальную открытость регионального экономического сотрудничества на основе взаимности и учета различий, специфики этапов экономического развития государств региона. Но не меньше значение будет иметь и соотношение аналогичных сил внутри самих Соединенных Штатов.

Примечания

¹ Из выступления Дж. Келли в сенатском комитете по иностранным делам. The International Herald Tribune. 03.05.2001.

² Opening remarks By Deputy Secretary of State John Negroponte at Fifth Annual United States Asia Pacific Council Washington Conference April 11, 2008. <http://www.america.gov/st/texttrans-english/2008/April/20080411125228xjsnommis0.3452875.html>

³ Look Japan, September, 2000, p.22.

⁴ The Pacific Review, Vol. 13, No 3 2000, p.507.

⁵ Интересно, что эта идея была выдвинута еще Бушем-старшим, в то время как Клинтон отнесся к ней если не холодно, то достаточно сдержанно. The Economist.13.01.2001, p.54; The International Herald Tribune. 20.03.2001.

⁶ The International Herald Tribune. 18.05.2001.

⁷ Р. Зелик занимал посты советника министра финансов в администрации Р. Рейгана, зам. госсекретаря и зам. руководителя аппарата Белого Дома при Дж. Буше – старшем.

⁸ Riding the Tigers: American Commercial Diplomacy in Asia. Study Group Report. Council on Foreign Relations. NY., 1998, p. 47.

⁹ <http://www.ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements>.

¹⁰ Secretary of State Condoleezza Rice Remarks at the Heritage Foundation on U.S. Policy Toward Asia. June 18, 2008, Washington, D.C. <http://www.america.gov/st/texttrans-english/2008/June/20080619140227eaifas0.8862574.html#ixzz0Ks8XOH10&D>.

¹¹ По бытовавшему в восточноазиатских государствах мнению, именно отсутствие поддержки со стороны США не позволило Японии прийти на помощь Таиланду и другим странам ЮВА в тот момент, когда кризис еще только зарождался. The International Herald Tribune. 20.03.2001.

¹² The Financial Times.22.09.2000. Валютные свопы – договоренности между центральными банками о предоставлении иностранной валюты в обмен на национальную на короткий срок для валютных интервенций с последующим обратным валютным обменом.

¹³ The Financial Times.22.09.2000; The International Herald Tribune.11.05.2001.

¹⁴ www.chinaview.cn 2009-05-03

¹⁵ См., например, Look Japan. September, 2000, p. 22.

¹⁶ The International Herald Tribune.11.05.2001.

¹⁷ The International Herald Tribune. 27.04.2001.

¹⁸ The Economist.31.03.2001, p.46.

¹⁹ Condoleezza Rice. Campaign 2000: Promoting the National Interest Foreign Affairs. January/February 2000. <http://www.foreignaffairs.com/articles/55630/condoleezza-rice/campaign-2000-promoting-the-national-interest>.

- ²⁰ Из выступления К. Пауэлла в сенатском Комитете по иностранным делам при рассмотрении вопроса об его утверждении в этой должности. *The International Herald Tribune*. 19.01.2001.
- ²¹ www.state.gov/p/eap.
- ²² См. интервью Э. Экономи (сентябрь 2003 г.). www.cfr.org/publication.php?id=6255.
- ²³ Evan S. Medeiros and M. Taylor Fravel. «China's New Diplomacy». *The Foreign Affairs*. November/December 2003. Published by *The New York Times*. 22.10.2003. Internet Edition.
- ²⁴ Так, М. Костелло, бывший первый заместитель министра иностранных дел и торговли Австралии – страны, которая является ближайшим союзником США в АТР и весьма заинтересованным наблюдателем состояния американо-китайских отношений, отмечал, что после того как «Советский Союз потерпел крах, Соединенные Штаты находились в поиске дивидендов от состояния мира, и в той мере, в какой они смотрели за пределы своих берегов, США сосредоточили свое внимание на атлантическом направлении, а не на тихоокеанском и Восточной Азии». В свою очередь, у Китая, поскольку он больше не нуждался в американской поддержке для сдерживания Советского Союза, по мнению Костелло, возросла заинтересованность в «исчезновении влияния США» в Восточноазиатском регионе. *The Australian*. 15.08.2003.
- ²⁵ «The Three Nos policy enunciated by Clinton: 1. No support for an independent Taiwan. 2. No recognition of "two Chinas" or one China and a separate Taiwan. 3. No support for Taiwan's admission to any international organization that requires statehood as a condition for membership». *The Asia Times on line*. 24.01.2004.
- ²⁶ *The International Herald Tribune*. 20-21.05.2000.
- ²⁷ www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/bmdyys/gjlb/3432/default.htm.
- ²⁸ *The National Security Strategy of the United States of America*. September 2002, p. 27, 28.
- ²⁹ Whither China: From Membership to Responsibility?». Robert B. Zoellick, Deputy Secretary of State Remarks to National Committee on U.S.-China Relations. New York City. September 21, 2005. <http://www.state.gov/s/d/rem/53682.htm>.
- ³⁰ <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006>.
- ³¹ http://www.adb.org/Documents/Books/Key_Indicators/2008/pdf/PRC.pdf.
- ³² *People's Daily*. 22.06.2001. Internet edition.
- ³³ Для сравнения: на пятом месте ФРГ со 146 млрд. долл. <http://www.census.gov/foreign-trade/>.
- ³⁴ http://www.adb.org/Documents/Books/Key_Indicators/2008/pdf/PRC.pdf.
- ³⁵ http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/2008.pdf.
- ³⁶ *The Japan Times on line*, June 30, 2009.
- ³⁷ Оттеснив в 2000 г. на второе место Японию, Китай вышел на твердое первое место среди стран, с которыми США имеют наибольший внешнеторговый дефицит. *The International Herald Tribune*. 21.03.2001.
- ³⁸ В 1985 г. Вашингтон вынудил Токио пойти на заключение так называемого Соглашения Плаза (в рамках «семерки»), предусматривавшего отказ Японии от поддержки заниженного курса иены. Многие японские эксперты до сих пор всерьез продолжают считать это соглашение главной причиной экономических проблем, которые возникли у Японии в 1990-е годы.
- ³⁹ *China Economic Quarterly*, 2004 Q2, p.14, www.thepeq.info. В петиции АФТ-КПП, поданной в марте 2004 г. в Бюро специального торгового представителя США, отмечалось, что, запрещая независимые профсоюзы, используя принудительный труд и не соблюдая нормы минимальной оплаты труда, китайские компании не соблюдают правила ВТО, получая, таким образом, незаконные конкурентные преимущества, что ведет к потере рабочих мест в Соединенных Штатах. *Ведомости*. 18.03.2004.
- ⁴⁰ www.washingtonpost.com. July 22, 2005; www.iht.com/pages/asia/index.php. August 31, 2005; www.ft.com. August 22, 2005; *The Japan Times on line*. August 20, 2005.
- ⁴¹ <http://www.nytimes.com/2006/05/23>.
- ⁴² <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/qdr-2006-report.htm>.
- ⁴³ Dan Blumenthal. Get Serious About China's Rising Military *The Washington Post*. May 25, 2006. P. 29.
- ⁴⁴ «I don't agree with everything the author says». Michael M. Dunn Lt Gen, USAF. President, National Defense University.
- ⁴⁵ *The Financial Times*. June 9 2006.
- ⁴⁶ *The Washington Post*. May 16, 2006. P. A14.
- ⁴⁷ www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/bmdyys/gjlb/3432/default.htm.
- ⁴⁸ <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006>.
- ⁴⁹ www.jfiror.jp/e/research_e/seminar05/conversation.htm.
- ⁵⁰ Выступление на ежегодной конференции по безопасности (диалог Шангри-Ла), проводимой сингапурским Международным институтом изучения проблем безопасности. Remarks by Secretary Rumsfeld at the International Institute for Strategic Studies Conference, Singapore (Shangri-la Dialogue). <http://www.defenselink.mil/transcripts/2006/tr20060603-13173.html>.

Глава шестая. Взаимодействие России, Китая и США: экономика, финансы, энергетика

К концу XX века в научный обиход прочно вошел термин «регионализация». Им стали обозначать расширение двустороннего и многостороннего сотрудничества сопредельных стран, а также попытки реализации идей регионализма через различные межгосударственные механизмы, включая средства внешнеэкономической политики. Если глобализация (и соответствующая ей идеология) предполагает унифицированные правила игры для всех участников мирохозяйственных связей, независимо от их реальных потенциалов, то регионализм подразумевает налаживание между соседними государствами особых (преференциальных) экономических связей. Регионализация, доведенная в современной Западной Европе до уровня интеграции, – длительный процесс. В Восточной Азии он находится еще на достаточно ранней стадии, хотя часто именуется «интеграцией».

Об экономической интеграции правомерно говорить, когда внутри региональной группировки высокого уровня достигается разделение труда и в особенности – промышленная кооперация предприятий различных стран. Именно она обеспечивает наиболее устойчивую основу для углубления интеграционных процессов на основе оптимизации размеров предприятий. Промышленная кооперация в Юго-Восточной Азии (в рамках АСЕАН) началась в 1970-е годы, но еще не достигла значительного развития. В АСЕАН пока еще низка степень внутренней консолидации хозяйств даже отдельных стран, а также уровень социально-политической общности, не говоря уже о разнице в доходах, например, в Сингапуре и Мьянме. Указанные факторы не позволяют говорить о близости таких уже пройденных европейскими странами фаз, как создание таможенного союза, общего рынка (свободного перемещения товаров, капитала и рабочей силы) или объединения валют.

Для регионального сотрудничества в Тихоокеанской Азии характерны иные обстоятельства, свои собственные закономерности и движущие силы. Совсем не обязательно, что оно приведет к интеграции по европейскому образцу. Одним из выраженных отличий от европейской модели является принцип коллективной поддержки индивидуальной независимости участников, отсутствие у них желания передавать часть суверенитета наднациональным органам. Главными субъектами регионализации выступают сами правительства, а основной формой – соглашения о преференциальной (или свободной) торговле – двусторонние и многосторонние¹.

В то же время региональное сотрудничество получило значительные внутренние и внешние импульсы в ходе глобализации и либерализации внешнеэкономической политики

развивающихся стран в 80-е – 90-е годы. Завершение Уругвайского раунда многосторонних переговоров в рамках ГАТТ и образование в 1995 г. Всемирной торговой организации (ВТО), если говорить о мире в целом, сопровождалось резким ростом числа преференциальных, в том числе региональных, соглашений.

Уровень регионализации в Тихоокеанской Азии значительно ниже среднемирового. С другой стороны, он довольно быстро повышается. В 90-е годы прошлого века региональное экономическое сотрудничество здесь заметно оживилось. Так, в 1992 г. было достигнуто соглашение о формировании зоны свободной торговли АФТА в рамках АСЕАН.

Ускорение регионализации в Тихоокеанской Азии объясняется несколькими причинами. Во-первых, в 1990-е годы и в начале нового века высокие темпы экономического роста, быстрая диверсификация промышленного экспорта и возросший приток прямых иностранных инвестиций повысили взаимную привлекательность рынков соседних государств. В том же направлении действовало и укрепление валютно-финансового положения развивающихся государств. Успешное освоение отдельными странами выпуска новых видов продукции, особенно средств производства (в ряде случаев существенно более дешевых, чем в развитых странах), повысило потенциал взаимодополнения хозяйств азиатских государств. Углубившаяся специализация закономерно расширяла базу кооперации, в том числе промышленной, и желание оформить ее в межправительственных соглашениях.

Во-вторых, в результате Уругвайского раунда (последнего перед созданием ВТО тура многосторонних переговоров в рамках ГАТТ) уровень тарифной защиты внутренних рынков повсеместно значительно снизился. Ориентация на экспорт получила дополнительные стимулы, а местные корпорации-экспортеры стали более влиятельной политической силой в развивающихся странах Восточной Азии. Для них в условиях обострения международной конкуренции очень ценной представлялась возможность преференциального доступа на ближние рынки, поскольку соперничать с ТНК развитых государств на глобальном уровне местный бизнес зачастую еще не готов.

В-третьих, для экономически слабых стран, «опоздавших в глобализацию» (к ним, например, можно отнести новых членов АСЕАН – Вьетнам, Камбоджу, Лаос и Мьянму), рынки соседних государств относительно доступны, гораздо сложнее выйти со своей продукцией на дальнее зарубежье.

В-четвертых, расширение и оформление регионального сотрудничества в преференциальные договоренности значительно усиливает индивидуальные и коллективные

переговорные позиции азиатских стран, способствует заключению взаимовыгодных соглашений с «внешними» партнерами.

В-пятых, взаимные преференции (особенно в региональных рамках) импонируют как сторонникам свободной торговли, так и протекционистам. Для первых важен факт дальнейшей либерализации торговли, а также рост инвестиционной привлекательности региона благодаря устранению внутренних таможенных перегородок. Такой ход событий выгоден и присутствующему в регионе иностранному капиталу. Протекционисты усматривают в регионализации возможную альтернативу продолжению многосторонней либерализации в рамках ВТО. Дело в том, что уровень либерализации международного движения товаров, капиталов и услуг, достигнутый в результате Уругвайского раунда, многими в восточноазиатских странах был оценен как чрезмерный. Кризис 1997–1998 гг. укрепил это ощущение, в дальнейшем протекционизм питала и усилившаяся экспортная экспансия Китая. Кроме того, на рубеже веков уровень тарифной защиты внутренних рынков развивающихся стран оставался более высоким, чем в развитых странах – эту разницу многим хотелось сохранить. Поэтому создание обособленных региональных объединений нередко рассматривается и как метод защиты своих стран от негативных последствий глобализации, и как конечная цель либерализации.

Таким образом, глобализация и регионализация в чем-то дополняют, а в чем-то противоречат друг другу. О взаимодействии этих двух тенденций, преобладании той или иной часто судят по динамике внешнеторгового оборота внутри оформленных региональных группировок. Иногда в качестве регионов рассматривают и крупные географические зоны, не оформленные в торговые группировки, например, Восточную Азию, куда включают страны АСЕАН, КНР, Тайвань, Японию и Республику Корея. Размеры «внутреннего» и «внешнего» товарооборота будут, естественно, сильно различаться в зависимости от числа включенных стран. Важно, однако, что при любом способе подсчета доля внутрирегиональной торговли в странах Азии имеет выраженную тенденцию к росту.

Так, в странах Восточной Азии, взятых в целом, она повысилась с 40% всего товарооборота в 1990 г. до 55% в 2005 г. (в ЕС аналогичный показатель составляет 60%, в НАФТА – 45%)². В последнее десятилетие, несмотря на кризис 1997–1998 гг., особенно сильно ударивший по внутриазиатской торговле, наблюдается относительное снижение значения рынков развитых стран для основных азиатских экспортеров, за исключением Китая. В то же время в роли рынка сбыта заметно усиливается сама КНР, особенно для новых индустриальных стран первой волны. Значительная часть их экспорта в Китай

представляет собой узлы и компоненты для дальнейшей обработки, сборки, упаковки и вывоза за рубеж, в том числе в развитые страны.

Китай, таким образом, фактически «монополизирует» товарные потоки на рынки развитых стран, прежде всего США, формирующиеся на базе комплектующих узлов, деталей, инвестиций восточноазиатских стран, американских капиталовложений в производственный сектор, топливно-сырьевых ресурсов, в том числе из России, и поставляет готовую продукцию в США, Японию (преимущественно с совместных предприятий) и Россию.

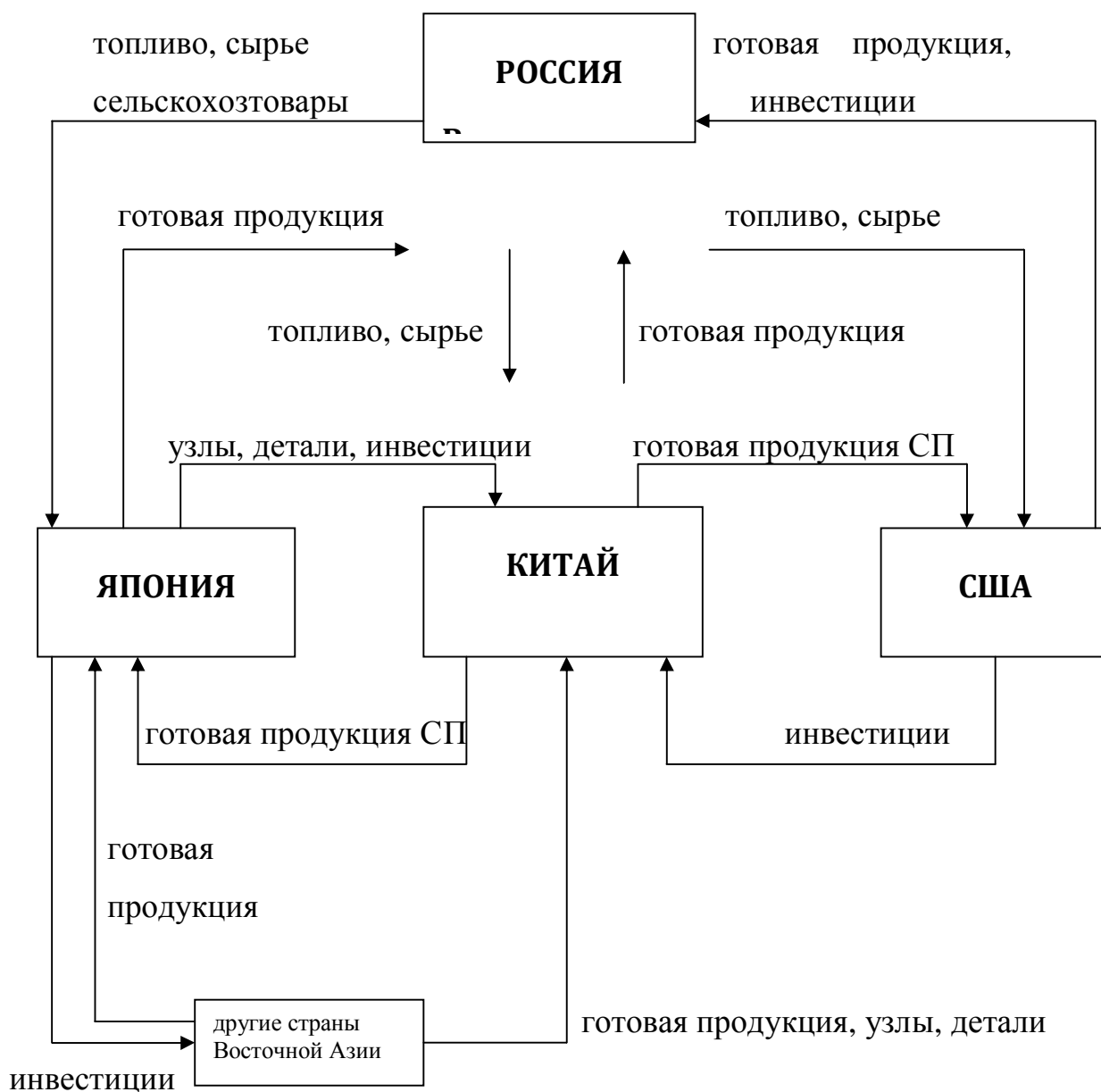
США, осуществляя массивные инвестиции в китайскую экономику, закупает готовую продукцию из Китая в ещё более массовом масштабе.

Россия фактически служит топливно-сырьевым донором китайской и американской экономик и импортёром их готовой промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также реципиентом американских инвестиций преимущественно в топливно-сырьевой сектор.

Такова в общих чертах *производственная торгово-инвестиционная схема сотрудничества России, Китая и США в Восточной Азии* (см. рисунок). Нетрудно заметить, что опорную роль в этом регионе играет китайская экономика, получающая инвестиционные ресурсы из США, а сырьевые – из России. Американская экономика глубоко интегрировалась в него, но во многом через Китай. Российская же экономика, если не брать в расчёт продукцию ВПК, не встроена в производственно-финансовую схему сотрудничества в регионе. Её роль пока ограничивается топливно-сырьевыми поставками в обмен на готовую продукцию. Такое состояние взаимодействия России, Китая и США может вполне устраивать Китай, с оговорками – США и не может устраивать Россию.

Рисунок

*Примерная схема современных торгово-инвестиционных потоков
в Восточной Азии
с участием КНР, США, России и других стран*

Тенденции *дальнейшего развития интеграционного взаимодействия России, Китая и США в Тихоокеанской Азии*, на наш взгляд, удобно проанализировать на примере АТЭС – форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», учреждённого в конце 1980-х годов. АТЭС – межрегиональное объединение, ставящее своей целью воплощение в жизнь принципов открытого регионализма и недискриминационности.

Предполагалось, что наилучшие тарифные преференции, которые один член АТЭС предоставляет другим членам этого форума, распространяются также и на его торговых партнеров, не являющихся членами АТЭС. Таким образом, последним не нужно было опасаться создания закрытых или преференциальных рынков в ущерб кому-либо. Замысел создания АТЭС состоял в том, чтобы оказать как можно более мощную поддержку многосторонней торговой системе, поскольку переговоры в рамках Уругвайского раунда проходили очень сложно.

Необычным было то, что обязательства по либерализации торговли в АТЭС предполагалось брать не на основе взаимного обмена тарифными преференциями – как это имеет место в ГАТТ/ВТО. Вместо такого подхода в рамках общей цели достижения режима свободной торговли каждый участник АТЭС добровольно определял свое движение по пути либерализации, отражая его в индивидуальных планах действий. Однако пока темпы экономической либерализации в АТЭС ставят под сомнение реализацию в срок (2010/2020 гг.) целей и задач его Богорской декларации 1994 г. и Осакского плана действий 1995 г. Судя по всему, сроки и масштаб обязательств стран-участниц АТЭС по выполнению Богорской декларации будут подкорректированы.

Тому, безусловно, есть объяснения и оправдания: ситуация в мире претерпела значительные изменения. Внес корректировку в экономическую политику стран АТЭС и азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. Чтобы организация не превратилась в клуб лидеров исключительно для «бесед по интересам», АТЭС предстоит предпринять практические шаги по повышению своей эффективности. Сложнейшая задача – сохранить баланс между добровольностью принятия обязательств и обязательным, желательно синхронным, их выполнением.

Восточноазиатским странам-членам АТЭС форум видится если не альтернативой, то, по крайней мере, весьма удачным дополнением и противовесом ВТО. Китай привлекает ориентированность АТЭС на азиатский регион и меньшее (по сравнению с ВТО) доминирование в нем США и других развитых стран. Другим преимуществом форума служит и более «справедливый» торгово-экономический режим. Он характеризуется более либеральным отношением к промышленной политике и уровню допустимого

протекционизма в отдельных стратегически важных для развивающихся стран отраслях. Особо важным представляется для КНР сохранение и развитие «атэсовского подхода» с его опорой на согласие, добровольность, гибкость, компромисс и т.п.

Наконец, форум АТЭС уже играет и, по нашим оценкам, будет играть ещё большую роль как своеобразный буфер в попытках развитых стран (которые часто имеют место в других экономических организациях) увязать важные для развивающихся стран проблемы доступа на рынки, к программам кредитования, технической помощи или вступления в международные организации с т.н. неторговыми вопросами (интеллектуальная собственность, права человека, трудовые стандарты, вопросы т.н. эффективного управления, прозрачность законодательства и т.п.).

Согласование позиций стран по вопросу либерализации торговли и инвестиций, а АТЭС действует на принципе консенсуса, протекает непросто. Экономически более развитые страны, прежде всего США, ратуют за радикальные неотложные конкретные меры по устранению разного рода торговых и инвестиционных барьеров, преобразование форума в замкнутую организацию с жесткой структурой, наподобие Европейского Союза. Интересы США заключаются в завоевании доступа на внутренний рынок товаров, услуг, капиталов наиболее ёмких и быстро растущих экономик, прежде всего, Китая, продвижение своего экспорта конкурентоспособных товаров и вынос производств, менее конкурентоспособных, на его рынок.

Китай, наряду со странами АСЕАН, выступает за поэтапную, постепенную эволюцию АТЭС в механизм гармонизации экономической жизни в регионе, служащий развитию внутрирегиональной торговли, инвестированию и обмену технологиями. Быстрая же либерализация при неравных стартовых позициях, по их мнению, будет выгодна лишь промышленно развитым странам.

Для анализа перспектив экономической интеграции в регионе Восточной Азии рассмотрим позицию Китая по ключевым вопросам деятельности АТЭС. Зафиксировав в своих внешнеэкономических приоритетах задачу расширения экономических связей с традиционными партнерами по региону из числа развивающихся стран, Китай уделял пристальное внимание в 80–90-х годах прошлого века растущим экономическим интеграционным процессам в Восточной Азии. Усиление роли региональных экономических структур в 90-е годы вызвало эволюцию подходов Китая к деятельности подобных образований от осторожно-скептического к активному и даже наступательному участию по ключевым для КНР направлениям торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия в регионе.

Анализ деятельности Китая в АТЭС позволяет характеризовать его отношение к экономическим интеграционным процессам в Восточной Азии в целом как позитивное. С одной стороны, общая направленность таких процессов отвечает интересам проводимой Китаем политики экономических реформ и открытости. С другой стороны, КНР стремится не остаться за бортом формирующихся общемировых и региональных экономических образований. Подписав Богорскую декларацию АТЭС, заложившую основные цели и идеи эволюции форума, и принятую в 1995 г. на Осакском саммите Программу действий по ее реализации, включая меры по либерализации торгового и инвестиционного режимов и по развитию экономического и технического сотрудничества, Китай однозначно заявил о своей приверженности дальнейшему продвижению региональных экономических интеграционных процессов.

При этом КНР отдавала приоритет поступательному развитию всех вовлеченных экономик на основе максимального учета их индивидуальных особенностей и обеспечения равноправного участия в экономическом сотрудничестве в регионе. Вместе с тем, Китаем неоднократно подчеркивалась необходимость следования нормам общемировой многосторонней торговли, принципу «открытого регионализма». Будущие региональные торгово-экономические структуры, должны, по мнению Китая, стать барьером на пути политики протекционизма как по отношению к участникам подобных образований, так и к третьим странам. Только тогда АТЭС, став интегратором внутренних субрегиональных структур (НАФТА, АСЕАН и др.), сможет реально способствовать глобальной интеграции и либерализации мировой торговли, практической реализации идей ГАТТ/ВТО.

При этом, интеграционные процессы, по мнению Китая, не должны противоречить основополагающим принципам функционирования государства – его независимости и суверенитету. В этой связи инициативы США и их англосаксонских партнеров в регионе по созданию замкнутого экономического блока с жесткой структурой (типа «Тихоокеанского сообщества») вызывают у Китая явную неприязнь и отторжение. Исходя из большой разницы в экономическом развитии стран региона и, соответственно, разных приоритетов в региональном сотрудничестве, Китай считает оптимальным на нынешнем этапе сохранять существующий в АТЭС диалоговый механизм, обеспечивающий компромиссный характер принимаемых совместных решений.

Речь идет о следовании «атэсовскому подходу» в решении вопросов, включающему основные принципы деятельности форума: признание различных уровней развития стран – участниц, добровольность, гибкость, равноправие, взаимную выгоду, эволюционность, консенсус при принятии решений. Опыт Европейского Союза в создании жестких структур

экономического взаимодействия с принятием обязательных к исполнению решений, по мнению Китая, неуместен в Восточной Азии. В этом контексте АТЭС видится китайской стороне больше как инструмент гармонизации экономических отношений между азиатско-тихоокеанскими странами.

В концептуальном плане форум АТЭС расценивается Китаем как наиболее перспективная по сравнению с другими действующими в регионе организациями структура многостороннего экономического сотрудничества. Отстаивая в нынешних условиях неформальный статус форума и принцип принятия решений консенсусом, Китай тем самым пытается застраховаться от обязательного выполнения неблагоприятных для его экономики последствий будущих решений АТЭС. При этом китайские специалисты вовсе не исключают возможности превращения АТЭС в полноценную межправительственную организацию в более отдаленном будущем по мере выравнивания уровней экономического развития стран – участниц. Вместе с тем, развитие форума в данном направлении, по убеждению Китая, должно идти сугубо эволюционным путем, без нажима или его форсированной институционализации.

На данном этапе в качестве приоритетного направления деятельности АТЭС китайская дипломатия выделяет меры по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которые отождествляются с провозглашенными КНР внешнеполитическими принципами содействия устойчивому экономическому подъему развивающихся стран и выравнивания уровней экономических потенциалов развитых и развивающихся участников форума, борьбы против торгового протекционизма и дискриминации в отношении развивающихся стран, включающими стимулирование региональной торговли, взаимного инвестирования, обмена научной информацией и технологиями, сотрудничество в области инфраструктуры, энергетики, охраны окружающей среды, освоения природных и людских ресурсов, борьбы с нищетой.

Именно научно-техническое сотрудничество, по мнению китайской стороны, должно стать приоритетным направлением внутриатэсовского экономического взаимодействия, предполагающим полное открытие рынка для торговли технологией, устранение искусственных барьеров и дискриминационной политики, усиление защиты прав интеллектуальной собственности, а также практические шаги, сочетающие рыночное и государственное регулирование, реализацию совместных проектов сотрудничества и т.п.

Китай рассчитывает в рамках активизации своей роли в АТЭС продвинуть собственную продукцию на рынки восточноазиатских стран и привлечь дополнительные инвестиции. Участие в данной структуре им было использовано также для облегчения своего

присоединения к ВТО в 2001 г., заручившись согласием на это большинства развивающихся стран. При этом Китаем полностью отвергалась безусловная либерализация своей экономики и внешнеэкономического комплекса, которая при неравных стартовых позициях будет выгодна лишь развитым странам региона.

Важнейшие для ведущих экономических держав региона меры по либерализации торговли и инвестиционных потоков Китай считает скорее средством решения задач развития, нежели самостоятельной группой вопросов. При этом КНР не скрывает своей неприязни и подозрительности к настойчивым попыткам США и их союзников продвинуть в АТЭС именно данные проблемы, усматривая в этом стремление «взломать» рынки развивающихся стран для продвижения собственной продукции.

Принципиальная позиция Китая в отношении создания «пространства открытой и свободной торговли и инвестиций» в масштабах АТЭС сводится, во-первых, к требованию приверженности его участников безусловному соблюдению РНБ по отношению друг к другу в духе требований ВТО, и, во-вторых, к учету различных уровней экономического развития и путей строительства национальной экономики. Основные препятствия на пути создания такого пространства, по мнению Китая, состоят в нестабильности торгового режима в регионе, когда ряд стран, в том числе и КНР, длительное время оставались за пределами всемирных многосторонних экономических организаций, таких как ВТО, когда некоторые страны прибегают к односторонним экономическим санкциям, а другие – к необоснованным антидемпинговым мерам. Помимо этого роль препятствия играют огромная разница в уровнях экономического развития стран – членов АТЭС, жесткие санитарные нормы и ограничения по передаче технологий в отношении менее развитых партнеров.

Однако сама по себе цель всесторонней региональной экономической либерализации поддерживается Китаем в долгосрочном плане. Так, КНР согласилась с выдвинутым на саммите в Богоре разноскоростным графиком ликвидации торговых и инвестиционных барьеров: к 2010 г. – в развитых странах, к 2020 г. – в развивающихся странах региона. При этом в китайской позиции присутствовал свойственный ей прагматизм – двигаться постепенно от торговли к сфере услуг, инвестициям, нетарифным ограничениям и т.д.; сохранить, в виде исключения, протекционистскую защиту отдельных, слабых в конкурентном отношении национальных отраслей и видов продукции.

В целом политика Китая в области либерализации торговли и инвестиций в рамках АТЭС определяется тем, чтобы в ближайшие 10-15 лет обеспечить себе безболезненный переход на новые, либеральные «правила игры» с развитыми странами в рамках АТЭС. В этой связи, учитывая позицию Китая в отношении конкретных вопросов экономической

либерализации в регионе, к которой примыкает большинство развивающихся стран региона, нетрудно предположить, что дальнейшая их реализация столкнется со значительными трудностями.

Отдельно остановимся на перспективах *финансовой интеграции* в регионе Восточной Азии. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. вызвал немало предложений по перестройке международных валютно-финансовых отношений и некоторому обособлению Восточной Азии. Премьер-министр Малайзии *Махатхир Мохамад* в начале 1998 г. предложил образовать валютный союз стран АСЕАН и ввести единую валюту – на базе сингапурского доллара или новой коллективной валютной единицы. Аналогичная идея – создания азиатского монетарного союза и введения единой азиатской валюты на базе японской иены или китайского юаня была выдвинута гонконгскими специалистами в том же году, однако и она не получила положительного отклика.

В тот же период появились предложения об учреждении Азиатского валютного фонда (АВФ) для самостоятельного разрешения, без участия МВФ, кризисных ситуаций в валютно-финансовой области. Такое предложение было сделано Японией в сентябре 1997 г. на ежегодном заседании советов управляющих Мирового банка и МВФ в Гонконге. Предполагалось, что формирование уставного капитала Фонда (100 млрд. долл.) будет осуществляться на основе вкладов из валютных резервов его членов, половину обязалась внести Япония.

Однако негативное отношение к этой идее со стороны МВФ и США затормозило ее реализацию, несмотря на то, что существовали весомые причины в пользу АВФ как фонда, способного обеспечить стабильность национальных валют, особенно при внезапных массовых оттоках капитала. По идее, работа АВФ была призвана дополнять, а не дублировать МВФ. Особое беспокойство, связанное с созданием АВФ, на которое ссылались западные страны во главе с США, представлял так называемый «моральный риск». Он заключается в том, что страны могут замедлить осуществление необходимых реформ валютно-финансовой и структурно-экономической политики, рассчитывая на доступ к финансовым ресурсам Фонда в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Возникает, правда, вопрос: почему в целях получения средств Фонда, азиатские правительства обязательно должны пойти на проведение разрушительной для себя экономической политики?

Другой аргумент против АВФ – возможный подрыв условий, на которых МВФ предоставляет помощь нуждающимся странам. Но если условия в рамках МВФ уже оговорены, то содействие АВФ вряд ли сможет помешать осуществлению помощи.

Азиатский фонд мог бы также участвовать в переговорах по условиям предоставления помощи, так как этот процесс в рамках МВФ зачастую напоминает «игру в одни ворота», и демократичность в этом вопросе только способствовала бы успешному их завершению.

В этих условиях в начале нового столетия страны Восточной Азии начали активно формировать региональный механизм продажи и выкупа валют для борьбы с возможными кризисами в будущем. Предложенная Японией в 2000 г. схема защиты валютных рынков стран АСЕАН от спекулятивных атак предусматривала размещение центральными банками стран-участниц ликвидных депозитов на специальных счетах, главным образом в американских долларах. В необходимых случаях участники пула могли бы давать разрешение на продажу этих средств со своих счетов на рынке пострадавшей страны для укрепления ее национальной валюты (валютный своп).

Такое соглашение о сотрудничестве в отражении спекулятивных наступлений на валюты друг друга, было заключено на встрече министров финансов стран группы «АСЕАН+3» в мае 2000 г. в Чиангмае (Таиланд) и получило название «Чиангмайской инициативы». Участники данного соглашения договорились о создании расширенной региональной системы конвертации национальных валют (валютных свопов) и формировании сети двусторонних соглашений о валютных своп-операциях. Несмотря на то, что Чиангмайская инициатива непосредственно не предусматривает учреждения Азиатского валютного фонда, однако она имеет важное значение, сокращая риски возникновения финансового кризиса и резких девальваций национальных валют. Инициатива, в конечном счете, реализовалась в двусторонних соглашениях центральных банков о взаимной поддержке на случай кризисов. Всего их заключено 16 на общую сумму в 36 млрд. долл. Впрочем, на фоне нынешних суммарных валютных резервов стран Восточной Азии (свыше 2 трлн. долл.) эта сумма выглядит весьма скромно³.

Одним из практических шагов в региональном валютном сотрудничестве стало решение Азиатского банка развития (АзБР) о создании в 2006 г. счетной единицы – азиатской валюты, АКЮ (Asian Currency Unit, ACU). Пока она выступает в качестве индикатора движения курса «корзины» национальных валют азиатских стран по отношению к самим этим валютам, а также доллару и евро. Позднее возможен выпуск облигаций, номинированных в АКЮ.

На сессии АзБР в 2005 г. был сделан еще один шаг к повышению координации валютной политики азиатских стран: достигнуто трехстороннее соглашение о создании финансового совета Северо-Восточной Азии, в котором будут участвовать КНР, Япония и

Республика Корея. Начала работу совместная китайско-индийская комиссия по валютно-финансовым проблемам.

Резкое увеличение валютных резервов азиатских стран в новом веке в известной мере ослабило мотивы к дальнейшему поиску путей защиты от кризисов. В то же время сохраняется потребность в стабильности валютных курсов, удовлетворению которой в какой-то мере служит АКЮ. Ввиду значительной разницы в валютной политике отдельных стран и состоянии их международной ликвидности трудно представить, что в Азии в целом или в восточной ее части в скором времени начнутся процессы, схожие с западноевропейской валютной интеграцией. В то же время можно с уверенностью предполагать усиление роли национальных валют (прежде всего юаня) в международных расчетах. Наблюдается и выход КНР в число финансовых доноров: льготные кредиты от этой страны в последние годы получали страны АСЕАН и Центральной Азии (в рамках ШОС).

* * *

Региональное экономическое сотрудничество в Тихоокеанской Азии долгое время отставало от аналогичных процессов в других частях света. На рубеже столетий наметилась тенденция к усилению регионализации. От сплошной либерализации внешнеэкономической политики в рамках ВТО, азиатские государства переходят к выборочной, делая упор на укрепление внутрорегиональных связей и двусторонние преференциальные соглашения о торговле и услугах. В результате снижается удельный вес вертикальных торгово-экономических связей – с развитыми государствами и повышается доля горизонтальных – между самими развивающимися государствами.

Значительный вклад в азиатскую экономическую регионализацию вносит Китай, представители его зарубежной диаспоры. Соглашение об образовании КАФТА (зоны свободной торговли КНР – АСЕАН) выглядит многообещающим с точки зрения консолидации усилий развивающихся стран в деле экономического развития и совместной защиты своих интересов на мировом рынке.

АТЭС постепенно превращается из аморфной структуры в многоуровневый межправительственный консультативный механизм регионального сотрудничества, имеющий гибкую институциональную форму. Нынешнее состояние форума в целом устраивает Китай. Его будущая эволюция рассматривается им как вполне поддающаяся контролю, особенно, если она будет осуществляться при тесной координации действий с другими членами АТЭС из числа развивающихся стран. Однако дальнейшие шаги в этом направлении потребуют большой политической воли и серьезных усилий со стороны

лидеров стран, которым придется решать ключевой вопрос – каков тот предел, до которого возможно поступиться частью экономического суверенитета в обмен на выгоды от многостороннего сотрудничества.

Хозяйственное сотрудничество стремительно расширяется на новые сферы, включая валютно-финансовую. В результате государства Восточной Азии существенно укрепили коллективные и индивидуальные позиции в мировой экономике, повысили возможности противостоять кризисам. Региональные и двусторонние торговые соглашения, проектно-инвестиционная и промышленная кооперация азиатских стран, а также мероприятия по укреплению валютно-финансового сотрудничества снижают значение ряда международных институтов, включая МВФ, МБРР и ВТО.

Развитие взаимовыгодных торгово-экономических связей со странами восточноазиатского региона является одним из приоритетов внешнеэкономической политики *России*. Это, среди прочего, определяется ее евроазиатской принадлежностью. Так, из 89 регионов Российской Федерации 29 расположено в ее азиатской части. Здесь находятся крупнейшие месторождения полезных ископаемых (нефти, газа, угля, руд черных и цветных металлов), создана промышленная и научная инфраструктура. Активное участие в АТЭС создает благоприятные возможности для привлечения инвестиций и передовых технологий в российские регионы Сибири и Дальнего Востока, формирования более благоприятных условий для доступа российских товаров на рынки экономик-участниц Форума. Принципиально важно добиться сбалансированного территориального развития экономического пространства России, включая Сибирь и Дальний Восток, чему и призвана способствовать эффективная интеграция в восточноазиатском пространстве, в том числе через участие в АТЭС.

Наша страна пока не имеет соглашений о свободной торговле со странами Тихоокеанской Азии. Вопрос о целесообразности их заключения в складывающейся ситуации заслуживает самого тщательного изучения. К сожалению, российская экономика пока не готова ко многим практикуемым участниками этих соглашений формам кооперации. Вместе с тем опыт соседей из западной части Тихого океана показывает, что к заключению двусторонних и многосторонних соглашений о свободе торговли можно подходить гибко, выборочно как по сферам охвата, так и по приоритетам.

Кроме того, движение по такому пути могло бы стать инструментом дополнительного воздействия в рамках переговоров по присоединению России к ВТО, а также способствовало бы расширению возможности защиты интересов российского товаропроизводителя за рубежом, дальнейшему продвижению национальной продукции на внешние рынки и в целом

реализации задачи более глубокого интегрирования в мировую и региональную экономику. России, помимо расширения экспорта энергоносителей в КНР, США и другие страны АТР, необходимо стать инвестиционно-производственным партнером в регионе, активно наращивать экспорт готовой промышленной продукции, инвестировать на рынках Китая, США, стран Восточной Азии, включая организацию совместных производств для последующего экспорта.

Глобализация мировой экономики и регионализм представляют собой серьезные вызовы для России, требуют адаптации к этим процессам, чтобы занять достойное место в глобализирующейся мировой экономике.

Примечания

¹ Региональные (преференциальные) соглашения имеют целью сокращение или даже почти полную ликвидацию импортных пошлин во взаимной торговле. В последнем случае подразумевается создание зоны свободной торговли, в которую входят несколько государств. Преференциальными же эти соглашения называют потому, что, предоставляя друг другу дополнительные тарифные льготы, их участники отходят от принципа наибольшего благоприятствования по отношению к другим членам ГАТТ/ВТО. Такая практика формально не нарушает правил этой организации, хотя и ставит под сомнение один из ее основополагающих принципов.

² Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии. М., 2008 г., С.203.

³ Указ.соч., С.220.

Вместо заключения. Есть ли место «третьему» в двусторонних отношениях будущего?

В разработке сценариев трехстороннего сотрудничества «Трех Самых ...» принципиальным является вопрос: а есть ли место для «третьего» в парах двусторонних отношений России, США и Китая? Ответ на него включает несколько тезисов.

Первый – отношения между каждой из трех пар характеризуются в целом одним и тем же оценочным набором:

- это отношения сотрудничества и одновременно конкуренции; отсюда:
- у каждой пары есть свои сферы и направления взаимодействия;
- у каждой пары есть свои проблемы.

Роль «третьего» логически прописывается следующим образом:

(а) либо быть используемым одной из сторон в своих интересах против другой стороны. Именно так отношения «Трех Самых ...» строились в годы «холодной войны», да и, хотя и не столь явно, в последнее время.

(б) либо стать фактором углубления сотрудничества «пары» по существующим «сферам и направлениям взаимодействия»;

(в) либо содействовать решению существующих в «паре» проблем.

Вариант (а) доминирует сегодня и не отвечает задачам нашего исследования, поэтому концентрируемся на вариантах (б) и (в).

Второй тезис: возможности «третьей» страны содействовать углублению сотрудничества в каждой «паре «Трех Самых ...» выглядят проблематично.

В сфере *безопасности* ситуация следующая:

В вопросах глобальной безопасности – ОМУ, терроризм, экология и новые угрозы – принципиальные интересы «Трех Самых ...» внешне совпадают. Однако, на деле, в вопросах распространения ОМУ главными участниками стратегически значимого диалога являются Россия и США. Обе эти страны считают ядерный потенциал Китая недостаточным для того, чтобы быть полноценной стороной в российско-американском диалоге по ограничению СНВ и проблеме ПРО. Китай, со своей стороны, исходит из того, что его ядерный потенциал может быть включен в переговорную повестку для только после того, как ядерный потенциал США и России уменьшится до китайского уровня. США, со своей стороны, выражают открытую озабоченность ростом ядерного потенциала КНР. Россия – осторожно и не явно, но также испытывает «скрытую озабоченность» по тому же поводу. В вопросах нераспространения Россия пока весьма осторожно участвует в ИБОР, тогда как Китай,

опасаясь за свои отношения с «проблемными странами», только присматривается к этой инициативе.

В вопросах борьбы с терроризмом сторонам пока не удастся разработать единый перечень «террористических организаций», что, несмотря на определенные успехи двустороннего антитеррористического сотрудничества, тормозит дело.

В вопросах экологической безопасности, Россия, оговорив свои лимиты по двуокиси углерода еще в советское время, занимает весьма комфортную позицию: не рискуя промышленными интересами, готова к «продаже своих квот» партнерам. США и Китай, хотя и активизируют экологический диалог, по-прежнему обвиняют друг друга в нежелании идти на односторонние сокращения вредных выбросов.

В вопросах формирования новой архитектуры международной безопасности позиции сторон пока выглядят полностью несоординированными. США не могут рационально вписать свои односторонние действия в многосторонний формат ООН. Россия выступает за формальную реформу ООН, в центре которой – расширение числа постоянных членов СБ ООН. Китай видит в таком варианте действий угрозу принятия Японии в число группы «избранных», а Пекин пока категорически против этого. Со своей стороны, Китай предлагает внешне привлекательную, но не конкретизированную и не согласованную с партнерами концепцию «гармоничного мира».

В региональных проблемах Тихоокеанской и Центральной Азии позитивные интересы России, Китая и США пресекаются:

на Корейском полуострове – «Три Самых ...» участвуют в шестисторонней встрече по Северной Корее. Однако на деле трехстороннего взаимодействия не получается. США и Китай ведут свои партии в отношении Северной Корее. Россия пока остается в роли наблюдателя за происходящим;

В экономике – все «Три Самых ...» входят в АТЭС, участвуют в работе регионального Форума АСЕАН. Однако их роли и интерес к этим сферам сотрудничества пока разноплановые. Россия наименее заметно представлена в АТЭС. США стремятся использовать Форум для обсуждения политических проблем и проблем безопасности. Китай стремится к экономическому лидерству, сталкиваясь с конкуренцией и США, и Японии.

В Центральной Азии Россия и Китай являются членами ШОС. Причем отношения между ними больше носят характер нарастающей конкуренции за доступ к ресурсам и лидерство, чем партнерства. США ведет свою партию по линии двусторонних связей, стремясь использовать страны ЦА в интересах американской операции в Афганистане. Несмотря на совпадение фундаментальных интересов «трех Самых ...» по обеспечению

безопасности и политической стабильности ЦА, взаимодействия между ними пока не получается. Более того, развивающейся тенденцией является рост взаимных опасений.

В двусторонних отношениях военные контакты и сотрудничество во всех трех «парах» «Трех Самых...» развиваются независимо друг от друга, порождая скорее взаимные подозрения, чем создавая основы для трехстороннего сотрудничества.

В *экономике* возможности позитивного «подключения» «третьего» представляются еще меньшими.

Объемы китайско-американского торгово-экономического, инвестиционного и финансового сотрудничества на порядок выше аналогичных показателей в отношениях России с США и Китаем. Китай и США играют несопоставимую с Россией роль в развитии экономического сотрудничества в Тихоокеанской Азии. Китай ведет линию на создание зоны свободной торговли в формате АСЕАН плюс Три (Китай, Япония, Южная Корея), не видя в этом процессе места ни для США, ни тем более для России.

В ЦА инициативы Китая по созданию региональной зоны свободной торговли не поддерживаются Россией, делающей в этом регионе интеграционную ставку на «декитаизированный» ЕврАзЭС, а не на «китаизированную» ШОС.

Китай и Россия воспринимают Соединенные Штаты скорее как экономического конкурента в ЦА, чем партнера. Вашингтон, в свою очередь, нацеливается на подрыв монополии Москвы на энерготранспортные сети региона. В этом же направлении, но самостоятельно действует и Китай. Реальное, хотя и «лишь» двустороннее, сотрудничество между Россией и США, Россией и Китаем в ЦА осуществляется через работу американских транснациональных корпораций, в которых своя доля есть и у российского энергобизнеса, а также в участии российского бизнеса в китайско-туркменском и китайско-казахстанском нефтегазовом сотрудничестве.

Третий тезис: «третий» оказывается «лишним» и в решении существующих проблем в двусторонних отношениях «Трех Самых ...».

Россия не стремится быть втянутой в проблемы американо-китайских отношений, связанные с отсутствием взаимного политического доверия между странами и фактором Китая как «политически чужого» Соединенным Штатам.

Позиция Москвы, направленная против того, чтобы Вашингтон так или иначе напрямую влиял на внутривнутриполитическое развитие России, внешне вроде бы совпадает с аналогичной позицией Пекина. Однако при этом Россия считает себя все же демократической страной, тогда как Китай – коммунистическим.

Китай не может – в силу своей военно-технической отсталости и нежелания быть втянутым в российско-американские конфликты – содействовать снятию российско-американских противоречий по НАТО, СНВ, ПРО, Грузии, Украине и т.д.

США не видят своей позитивной роли в снятии конфликта и не заинтересованы в ослаблении российско-китайских противоречий в ЦА, в энергетической сфере, по проблемам незаконной иммиграции и т.п.

Новая линия Пекина, которую он начал проводить с 2008 г, направлена на то, чтобы, во-первых, на основе удовлетворяющего Китай уровня политических отношений с Россией, выровнять отстающие торгово-экономические связи, а, во-вторых – на основе глубокой экономической взаимозависимости улучшить политические отношения с Соединенными Штатами, может иметь двойные последствия. С одной стороны – это вроде бы путь к выравниванию отношений по всем трем сторонам условного «треугольника» Россия – Китай – США. Но с другой – это риск того, что данная политика может быть настороженно воспринята в Москве как попытка политически дистанцироваться от России в пользу Соединенных Штатов.

Итак, вывод не утешителен: «третий» не нужен ни одной из «пар» «Трех Самых ...». Не нужен – при существующем политическом мировоззрении, вроде бы и отошедшем от взгляда на мир времен «холодной войны», но все еще наполненным идеологией нео-агрессивного мышления в формулировании национальных интересов.

Выход, с точки зрения целей данной работы, видится в следующем:

«Программа – минимум»: добровольно, в качестве жеста «компромиссного мышления», перестать рассматривать «третьего» как карту в конкуренции с оппонентом «в паре» и развивать трехстороннее сотрудничество там, где это может получиться уже сегодня: Северная Корея, терроризм и т.п.

«Программа – максимум»: выработать скоординированное мировоззрение, закладывающее основы нового подхода к пониманию национальных интересов в контексте глобального единого будущего нашего Мира.

АВТОРЫ

- Амиров
Вячеслав Борисович** старший научный сотрудник,
ученый секретарь Центра Азиатско-
тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН
(глава пятая)
- Ларин
Виктор Лаврентьевич** д.и.н., директор Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН
(глава четвертая)
- Михеев
Василий Васильевич** д.э.н., член-корр. РАН, заместитель
директора ИМЭМО РАН
(Введение, Заключение, Вводная глава,
главы первая, вторая, третья)
- Потапов
Максим Александрович** д.э.н., главный научный сотрудник Центра
Азиатско- тихоокеанских исследований
ИМЭМО РАН
(глава шестая)